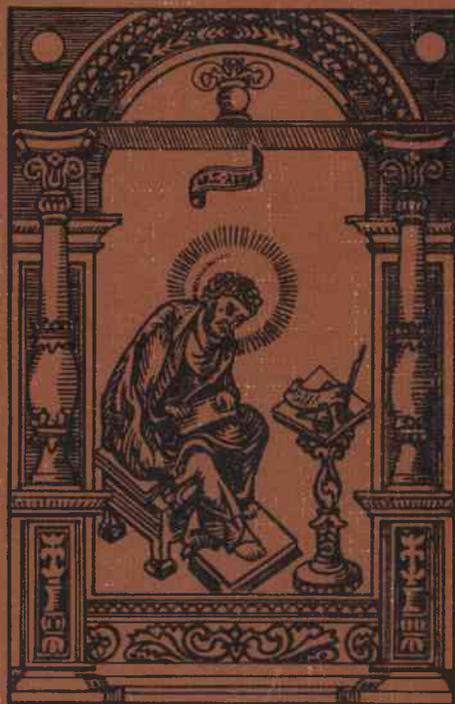

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей

Москва 2001

Виктор Иванович Буганов
(1928-1996)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей
памяти В.И.БУГАНОВА

Москва 2001

Редколлегия:

д.и.н., проф. *Н.М.Рогожин* (отв. ред.),
Ю.П.Глушакова (отв. секр.), д.и.н. *А.И.Аксенов*,
д.и.н. *Ю.А.Тихонов*, к.и.н. *Л.В.Разумов*

Работа подготовлена
в Центре истории русского феодализма
ИРИ РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен 70-летию безвременно ушедшего основателя и руководителя Центра по изучению и публикации источников Института российской истории РАН члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. Содержание сборника традиционно отражает различные этапы работы широко известных и молодых ученых, а также аспирантов над темами их исследований. Своим анализом статьи охватывают источники широкого хронологического профиля с древнейших времен до начала XX в. Учитывая тематическую заданность сборника, редколлегия сочла уместным, чтобы значительная часть статей была посвящена жизни и творчеству Виктора Ивановича, который еще в 1981 г. выступил с инициативой основания данного серийного издания. Работы в основном связаны с проблемами археографии, историографии и источниковедения. Именно эти сюжеты непосредственно соприкасались с деятельностью В.И.Буганова и его ролью в развитии указанных исторических дисциплин.

В начале сборника печатаются воспоминания В.А.Кучкина, С.О.Шмидта, передающие впечатления от личного общения с В.И.Бугановым. Статьи Л.Л.Муравьевой, Л.Е.Морозовой, Ю.В.Анхимюка помогают раскрыть творческую лабораторию историка; остальные публикуются по хронологии проблем. Примечания даны в авторской редакции.

Прошли годы: авторы и составители настоящего, уже двенадцатого по счету сборника, тепло вспоминают о Викторе Ивановиче, который всегда был жизнеутверждающим, просвещенным патриотом, чтит исторические традиции, любил свою Родину и не уставал повторять, что жить и работать надо так, «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не утасла». Сегодня мы можем сказать «не утасла»: все начинания В.И.Буганова и его учителя академика М.Н.Тихомирова продолжают жить. Шестнадцать учеников Виктора Ивановича совершенствуют традиции археографии и

источниковедения, выходят и находятся в печати очередные тома Полного собрания русских летописей, посольские, боярские книги и пространная редакция разрядных книг, уже дважды проводились Чтения памяти В.И.Буганова.

Отзывчивый по своей натуре, Виктор Иванович остро сопереживал все происходившее вокруг него, не чужд был многих новаций, но и не забывал напомнить своим ученикам любимые им слова «Задонщины»: «Нам земля подобна есть Русская милому младенцу у матери своей».

Всего лишь двух лет не хватило Виктору Ивановичу, чтобы встретить свое семидесятилетие. В последние годы он часто просил прочитать стихотворение:

*Нам бы только успеть за оставшийся срок!
То, что позже нельзя! То, что раньше не смог!
То, о чем свои перья ломал по ночам!
То, о чем перед сердцем своим умолчал!*

Конечно можно сказать: и успел, и смог, и не умолчал. Но дано было еще больше, а судьба распорядилась иначе. Его школьный товарищ, историк-краевед Н.Чулков, вспоминает: «Постоянная умственная работа всегда была заметна в этом деловитом домодедовском пареньке». Любознательную и художественную натуру Виктора Ивановича вспоила поэтическая подмосковная природа, гостеприимный дом родителей и школьный преподаватель истории Алексей Иванович Назарец. Вот откуда, вероятно, берет истоки патриотизм исторических традиций, так свойственный натуре и творчеству В.И.Буганова.

Редколлегия и авторы надеются, что содержание настоящего сборника будет достойной памятью большому ученому, настоящему гражданину и просто доброму человеку.

Н. М. Рогожин

В. А. Кучкин
(Москва)

ВИКТОР ИВАНОВИЧ БУГАНОВ

Виктор Иванович Буганов родился 16 октября 1928 г. в крестьянской семье в деревне Машеново Серебряно-Прудского района Московской области. Это самая южная часть области, поднимающаяся узким «языком» от впадения в Оку р. Осетра до среднего течения этой реки. Московским этот район стал после 1917 г., а ранее относился к Рязанской губернии. Земли по Осетру были исконно рязанскими, хотя уже в конце XV в. перешли к Москве и населялись и обустроивались московскими властями. В полутора километрах от Машеново до сих пор сохраняется курган, оставленный предками рязанцев – вятичами. По припоминаниям близких, в студенческие годы Виктор Буганов приезжал на раскопки этого кургана и задумывался над тем, не стать ли ему археологом. Свое же детство Виктор провел в Машеново, где рос, а в 1936 г. начал и учиться. В 1937 г. его родители Иван Кириллович и Мария Федоровна переехали жить в село Ям – станцию Ленинское Московско-Донбасской железной дороги. Второй класс Виктор закончил уже в Ленинском. В 1938 г. семья переехала на новое место жительства – в поселок Домодедово Московской области. С третьего класса Виктор учился в местной неполной средней школе, а затем в средней, которую, несмотря на тяжелые военные 1941-1943 гг., окончил в 1946 г. с высокими оценками.

В том же году он поступил в московский Историко-архивный институт. К сожалению, неизвестно, что руководило молодым человеком при выборе вуза и будущей профессии, но в институте В.И.Буганов учился прекрасно. В итоге по окончании Историко-архивного института в 1951 г. он получил диплом с отличием. В дипломе среди отличных были только две хорошие оценки: по русской средневековой истории и по истории древнего мира. По иронии судьбы то были те два раздела исторической науки, по одному из кото-

рых В.И.Буганов впоследствии много писал, а по другому много читал, усердно собирая библиотеку античных авторов. Дипломная работа В.И.Буганова, написанная под руководством 29-летнего доцента С.О.Шмидта, была посвящена журналам XVIII в., издававшимся Н.И.Новиковым и И.А.Крыловым, характеристике в них увлечением иностранцами в России.

Способный студент был оставлен в аспирантуре при Историко-архивном институте. Вузovsky наставник В.И.Буганова С.О.Шмидт рекомендовал его в аспиранты своему учителю, тогда еще члену-корреспонденту АН СССР М.Н.Тихомирову. В самом конце 40-х — начале 50-х гг. у историков, изучавших прошлое нашей страны, появилась возможность публиковать средневековые источники, не подвергаясь подозрениям, что тем самым они пытаются возродить рухнувший в 1917 г. режим. М.Н.Тихомиров, всегда старавшийся работать по первоисточникам, приступил к их изданию. На протяжении 1948-1952 гг. он опубликовал целый ряд материалов по русской истории X-XVII вв., в том числе в 1949 г. — XXV том возобновленного после 20-летнего перерыва Полного собрания русских летописей. М.Н.Тихомиров считал важнейшей задачей исторической науки введение в научный оборот новых источников, их сбор, описание и изучение. Этим достигалось не только более глубокое, точное и объективное познание прошлого родной страны. Такая работа становилась вкладом русских ученых, русской гуманитарной науки в общечеловеческую культуру, превращаясь в неотъемлемое достояние последней. И своему новому аспиранту М.Н.Тихомиров предложил тему не историческую, хотя сам начинающий историк очень хотел изучать народные движения, а источниковедческую — исследование разрядных книг Русского государства XVI-XVII вв.

Разрядные книги представляют собой ценнейший исторический источник. Они содержат сведения о господствующей прослойке Русского государства конца XV-XVII в., назначениях на высшие военные посты, на важные должности в административной и придворной службах. Разрядные книги сообщают также об организации обороны границ Русского государства, отражении нападений польских королей и

литовских великих князей, крымских, казанских и ногайских ханов, крупных походах русских войск против соседних государств, действиях русских властей в завоеванных землях, местнических спорах среди родовитой знати Русского государства, значительных событиях внутри страны. Значение разрядных книг было понято еще в XVIII в., а в XIX столетии И.Д.Беляевым была намечена целая программа их издания, но и изучение, и публикация этого вида источников продвигались крайне медленно.

При написании диссертации В.И.Буганов обследовал 144 рукописи в хранилищах Москвы, Ленинграда, Ярославля, Владимира, Одессы, Кирова, в которых сохранилось 173 списка разрядных книг, причем молодому ученому удалось обнаружить остатки текущей приказной документации – столбцы с разрядными записями за 1594/95 – 1596/97 гг. До работы В.И.Буганова по публикациям и описанию был известен всего 61 список разрядных книг, но не было известно ни одного подлинника. Все 173 списка В.И.Буганов подробно описал и классифицировал. Он распределил их по трем большим разделам, а внутри разделов – по группам. Первый из разделов состоял из трех групп (списки, содержащие компиляцию из летописных записей за 1375-1475 гг. и далее разрядные записи за последнюю четверть XV – начало XVII в. с выписками из летописей до середины XVI в.; списки с разрядными записями за последнюю четверть XV – начало XVII в., дополненными выписками из летописей; наконец, списки с разрядными записями от конца XV в. без летописных добавлений), второй – из пяти («государевы разряды» 1556, 1584, 1585, где исследователем были указаны две редакции, 1598 и 1604 гг.), третий – из одной (списки сокращенной редакции 1605 г., обнаружившие зависимость от списков I раздела). Описание списков было продолжено указаниями на характерные черты каждой группы списков и каждого раздела в целом. 14 июня 1955 г. в Историко-архивном институте состоялась защита В.И.Бугановым кандидатской диссертации на тему «Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVII в. как исторический источник». Оппонентами выступали Л.Г.Бескровный и

А.А.Зимин. Защита прошла успешно, все 16 присутствовавших членов Ученого совета единодушно отдали свои голоса соискателю.

М.Н.Тихомиров, избранный к тому времени действительным членом Академии Наук СССР и ставший академиком-секретарем Отделения исторических наук АН, работал тогда в Институте истории и готовил к изданию Вологодско-Пермскую летопись — очередной, XXVI, том Полного собрания русских летописей. Он хотел, чтобы его ученик принял участие в этом издании. Однако устроить в штат Института нового сотрудника было в те годы не так-то просто. Академику-секретарю пришлось вести сложные переговоры с тогдашним директором Института А.Л.Сидоровым. И только 1 сентября 1955 г. кандидат исторических наук В.И.Буганов был зачислен в Институт истории на должность младшего научного сотрудника. Ему сразу же пришлось окунуться в нелегкую работу по переписыванию летописных текстов и подведению к ним разночтений из других списков. Такая работа требует больших палеографических познаний, свободного чтения и понимания древних текстов, постоянной внимательности, усидчивости и терпения, не дает быстрых результатов, но вырабатывает настоящий профессионализм и ясное представление о том, что должен уметь и знать настоящий историк. Эту трудную школу под руководством М.Н.Тихомирова и прошел в молодые годы В.И.Буганов, научившийся не только работать в архивах, находить, описывать, классифицировать и интерпретировать первичный материал, но и источниковедчески грамотно и археографически точно издавать его.

Первые научные работы В.И.Буганова появились в печати в 1956 г., когда он уже стал сотрудником Института истории. То были исследовательские статьи и публикации документов.

Введение в оборот многочисленных новых источников — крупнейший вклад В.И.Буганова в науку. Прежде всего нужно отметить публикацию разрядных книг. В 1966-1983 гг. В.И.Буганов издал 5 томов различных разрядных книг, составившихся в 1598-1638 гг. В 1977 г. началась публикация,

ведущаяся и ныне, наиболее полной и сложной по составу «Разрядной книги 1475-1605 гг.».

Исследуя разрядные книги, В.И.Буганов обнаружил в некоторых из них уникальный материал по истории России XVI в. Результатом явилась целая серия публикаций документов по Ливонской войне, сражению с крымским ханом при Молодях в 1572 г., о Городовом приказе XVI в., местнических спорах русской знати.

Приняв участие в подготовке издания Вологодско-Пермской летописи, В.И.Буганов получил опыт работы с летописными памятниками и навсегда сохранил к ним интерес. Он обнаружил и опубликовал, в том числе в Полном собрании русских летописей, целый ряд летописцев XVII в. (Соловецкий летописец, летописец, обнаруженный в г. Иваново, и др.), летописные рассказы о московских восстаниях XVII в., открыл Тобольский список «Кройники Литовской и Жмойтской», который был положен в основу издания этой летописи в XXXII томе ПСРЛ.

Им был найден и опубликован такой редкий и интересный по своему содержанию источник, как «Засечная книга 1638 г.», в которой дается подробнейшее описание состояния южной укрепленной линии Русского государства от Козельска до Рязани протяженностью более 730 километров.

В 1964-1980 гг. В.И.Буганов издал три сборника документов по истории московских восстаний второй половины XVII в., характеризующих крупные социальные движения в столице Русского государства в 60-е и 80 — 90-е гг. XVII столетия¹.

Заграничные командировки В.И.Буганова почти постоянно сопровождались работой в архивах. В хранилищах и библиотеках Румынии, США, Финляндии, Франции, ФРГ ему удалось найти целый ряд неизвестных до тех пор русских нарративных и документальных материалов XV-XIX вв. и опубликовать наиболее важные из них.

Как правило, издания источников предварялись или сопровождалась у В.И.Буганова их обстоятельным изучением. Главное правило публикатора: прежде, чем издать источник, его надо исследовать, выполнялось В.И.Бугановым неукоснительно. В результате была написана и напечатана в «Про-

блемах источниковедения», «Археографическом ежегоднике», «Записках Отдела рукописей ГБЛ», главным образом в 1958-1976 гг., серия статей о различных редакциях разрядных книг, а в 1962 г. издана монография «Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в.»

Несколько позднее в печати стали публиковаться исследования В.И.Буганова по русскому летописанию. Первым трудом в этой области стала статья «О списках Вологодско-Пермского летописного свода XV — начала XVI в.», где были рассмотрены новые списки названного памятника, не учтенные при издании XXVI тома ПСРЛ, показано взаимоотношение этих списков и вновь поставлен вопрос о старшей редакции Вологодско-Пермского свода. В 70-х — первой половине 80-х гг. ученый публикует серию статей об изучении и издании, в том числе факсимильном, русских летописей, а в 1975 г. публикует монографию «Отечественная историография русского летописания». До последних дней В.И.Буганов оставался редактором или ответственным редактором целой серии томов Полного собрания русских летописей.

В 1957 г. в № 4 «Исторического архива» В.И.Буганов опубликовал неизвестное до того времени описание московского восстания 1648 г., извлеченное из т.н. Архивского сборника (РГАДА. Ф. 181. № 115). В поле зрения молодого ученого этот сборник попал потому, что содержал список разрядной книги². Продолжив исследование сборника, В.И.Буганов выяснил, что в 80-х гг. XVII в. он принадлежал боярину Григорию Никифоровичу Собакину, который оставил не только описание московского восстания 1648 г., но и восстания 1662 г. История этих движений настолько заинтересовала исследователя, что он начал специально разрабатывать эту тему. Стали реализовываться его давние научные интересы. Итогом явились не только три сборника документальных материалов, о которых говорилось выше, но и монографии «Московское восстание 1662 г.» и «Московские восстания конца XVII в.». Эти работы В.И.Буганова, основанные на новом архивном материале, отличавшиеся нестандартной трактовкой вопросов, больше, чем какие-либо его другие труды, привлекли внимание зарубежных ученых. Появились рецензии в ФРГ, США,

других странах. В сентябре 1969 г. В.И.Буганов успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Московские восстания второй половины XVII в.».

Почти одновременно с разработкой проблем социальных движений в Русском государстве XVII в., В.И.Буганов в 1960-1970 гг. опубликовал серию статей, в которых подробно разбирает методы обработки В.И.Лениным материалов русской земской статистики. Это была весьма объемная и кропотливая работа, но зато она дала возможность корректно судить о том, какие группировки статистического материала надежны и показательны при оценках социального развития России конца XIX в.

За последние 20 лет жизни В.И.Буганов издает ряд исследований по истории классовой борьбы на Руси и в Русском государстве XI-XVIII вв., пишет биографии Петра I, Кондрата Булавина, Емельяна Пугачева. Ему принадлежит большое число очерков о своих учителях и товарищах по работе: М.Н.Тихомирове, Л.Г.Бескровном, А.А.Зимине, А.Н.Насонове, И.У.Будовнице, А.И.Клибанове, С.Н.Валке, Н.Н.Улашике, В.И.Корецком, Б.А.Рыбакове и других, а также ярких научно-популярных трудов.

В 1972 г. В.И.Буганов начал преподавать в Высшей комсомольской школе. А в Институте у него появились аспиранты. Из них 12 человек стали кандидатами наук, а пятеро — докторами.

Напряженную научную работу В.И.Буганов успешно сочетал с административной, организаторской работой. Он был из числа тех редких людей, кто два таких, строго говоря, противоположенных друг другу рода деятельности, совмещал удачно и успешно. Он был ученым секретарем Группы по изданию ПСРЛ, ученым секретарем Ученого совета истории СССР досоветского периода, заместителем заведующего Группой по изданию ПСРЛ, был во главе этой Группы, с 1975 по 1984 г. — заместителем директора Института истории СССР, более 20 лет возглавлял Центр по изучению и изданию источников ИРИ РАН. Страна и научная общественность высоко оценили труды В.И.Буганова. В 1976 г. он был награжден орденом «Знак почета» В 1993 г. его избрали чле-

ном-корреспондентом Российской Академии образования, а в 1994 г. — членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1995 г. он стал академиком Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, а Нью-Йоркская Академия наук избрала его своим действительным членом. Уже будучи тяжело больным, В.И.Буганов закончил и опубликовал в 1995 г. большую монографию «Разин и разинцы».

Преждевременная смерть прервала жизненный путь В.И.Буганова. Он скончался 23 февраля 1996 г. У него остались недописанные монографии, статьи, нереализованные замыслы. Но то, что сделано, впечатляет. Изданный в 1993 г. учениками В.И.Буганова к 65-летию учителя библиографический указатель его трудов насчитывает 516 названий³. Впечатляет не только количество опубликованного, но и разнообразие тематики (самые различные сюжеты из русской истории X–XIX столетий) и жанров: от подписей к картинам на исторические темы до обобщающих трудов по социально-экономической и политической истории России. И если прав В.О.Ключевский, говоря, что книги — главные биографические факты ученого-историка, жизнь В.И.Буганова предстает необычайно богатой, емкой, наполненной самозабвенным трудом, настоящим подвижничеством, образцом служения исторической науке.

¹ Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов. М., 1964; Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М., 1976; Восстание московских стрельцов 1698 г. (материалы следственного дела). Сборник документов. М., 1980.

² Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVI в. М., 1962. С. 46. № 38(8).

³ Виктор Иванович Буганов. Библиографический указатель. М., 1993.

С. О. Шмидт
(Москва)

ВСПОМИНАЯ В. И. БУГАНОВА*

Грустно, и в то же время приятно присутствовать на таком заседании. Грустно, что человек, еще молодой, — а тот, кто был учителем, понимает, насколько моложе его был Виктор Иванович — ушел из жизни. Но не часто бывает, чтобы творческий путь ученого оставлял такой след в науке и такой след в сердцах. Жизнь наша стремительна, борьба за выживание науки отнимает очень много сил, и тем не менее те образы, которые остаются, это, видимо, образы тех, без кого современная наука не может двигаться вперед. Без памяти о них, без обращения к их трудам, к опыту их, мы не можем выжить. Ибо выживать мы можем только тогда, когда убедим других, что наша наука необходима, и что ее высокий уровень нужно поддерживать. Поэтому мы должны благодарить руководство Института, руководство Центра, что таким способом продолжена жизнь Виктора Ивановича.

Конечно, и для Калерии Цереновны, и для других близких Виктор Иванович Буганов не только ученый, и то, что он сделал в науке — это, может быть, даже не главное в их взаимоотношениях. Но для большинства — это, конечно, человек науки, человек организаторского опыта, следы деятельности которого сохраняются в нашей сегодняшней жизни. Мы имеем опыт обогащения памятью; и мне как председателю Археографической комиссии об этом легче говорить. Так как есть опыт Тихомировских чтений, проводимых с 1968 г., (когда исполнилось 3 года со дня кончины основателя комиссии и 75 лет со дня его рождения) и посвященных жизни и творчеству Михаила Николаевича Тихомирова и тем проблемам, реализации которых в науке он отдал свою жизнь. Я думаю, что такой путь — это лучший путь сохранения памяти и о Викторе Ивановиче — прямом и непосред-

* Доклад прочитан автором на «Чтениях памяти В. И. Буганова» в октябре 1997 г.

ственном ученике и продолжателе как раз дела Михаила Николаевича Тихомирова.

Вероятно, из всех здесь присутствующих я дольше всего знал Виктора Ивановича. Мы познакомились в 1950 г. Я был начинающий преподаватель Историко-архивного института, кажется, даже еще не доцент, и Виктор Буганов остался в памяти, ну, во-первых, потому, что он был очень хорош собой, поэтому выделялся, хотя на этом курсе был — некоторые помнят — такой красавец, как Михаил Афанасьевич Пережогин. Этот курс был вообще блестящим: Борис Григорьевич Литвак, Юлия Викторовна Андрушайтите, Светлана Арамовна Левина и Юрий Александрович Тихонов, здесь присутствующий, Илья Андреевич Булыгин и Валентин Федорович Кутьев. На курсе были объединены участники войны и школьники. И среди них выделиться так, чтобы как-то показаться сильным, — было очень непросто. Потому что вернувшиеся с фронта так изголодались по настоящей мысли, что по-настоящему серьезно занимались, и уже примерно на второй год восстановили механику быстрого освоения знаний и быстрой реализации их во что-то существенное. Школьники были довольно сильными соперниками. Виктор проявил себя скоро, вошел в кружок Николая Владимировича Устюгова, стал даже старостой кружка, и в общем он на меня вышел, а не я на него. Тогда это были первые мои дипломники, и вот он пришел ко мне. Конечно, поддаться его обаянию было очень просто, но ведь обаятельная внешность еще не означает, что можно что-то делать.

Буганов сразу же обнаружил упорство, трудолюбие и, несмотря на явное самолюбие, умение и желание учить самого себя. Я познакомился с Виктором Бугановым еще с другой стороны. Я быстро понял, что он в своей семье первый человек, ставший интеллигентом; человек, который не вырос в окружении книг, стоящих на полках. А вот скажем, мои первые детские впечатления: мне не дают вынимать книги с книжных полок; естественно, что в нашем доме это было тогда главное и сейчас осталось главным богатством. У него этого не было, и он достиг всего сам. У нас в институте был прелестный руководитель библиотеки, его некоторые, наверное, помнят, Глеб Вадимович Тронин. Я посмотрел або-

немент студента Буганова и поразился — как много, как целенаправленно и как широко охватывая тематику, он читал. Он читал не только классику. Он брал книги по истории музыки, которой он очень увлекался (даже начал собирать пластинки), он брал книги по истории искусства — причем, не только русского, но и зарубежного. Он брал мемуары, он брал книги, конечно, и по истории. Понимаете, человек поставил перед собой задачу самообразования — он намерен был идти в науку и понимал, что ему нужен тот широкий кругозор, который позволит ему гораздо легче ориентироваться в многообразии возможных объектов, которые ему встретятся. Это не частый пример. Причем, вероятно, даже изменение руководителя — он ушел от того, с кем сначала работал, и выбор еще только начинавшего тогда Шмидта — тоже этим в какой-то мере определялся. Ему хотелось какой-то более широкой тематики. И я заставил его переделывать диплом, довести до требуемых источниковедческих кондиций. Но Виктор не был активистом-комсомольцем; и с его аспирантурой было не так просто. Потому что тогда была довольно жесткая норма на выдвижение аспирантов. И боролись и абитуриенты, и их руководители. И вот тут Анна Сергеевна Рослова, директор института, помогла — она очень хотела привлечь в Ученый совет института Михаила Николаевича Тихомирова, что украсило бы институт. Михаил Николаевич к Анне Сергеевне очень хорошо относился, знал ее давно по историческому факультету МГУ. Она была, действительно, человек большой души, хотя ученый совсем никакой, но из тех партийных работников, которые искренне хотели, чтобы наука двигалась вперед, и которые с искренним уважением относились к труду ученых. Михаил Николаевич дал согласие, но сказал: «Вы знаете, ну, что я буду ученым украшением? Надо, чтобы у меня было что-то в институте — лекции мне читать трудно, я читаю у себя в университете, а вот дайте мне аспиранта». Естественно, аспирантом должен был быть кто-то из выпускников института, потому что ученики Михаила Николаевича шли либо в университет, где он состоял профессором, либо в Академию наук, где он был уже членом-корреспондентом. И я тогда решил подсказать ему Буганова; но подсказать Михаилу

Николаевичу кандидатуру — сложное дело. Потому что Михаил Николаевич (а Владимир Андреевич Кучкин знает это не меньше меня) — человек не самого простого характера — ему нужно было, чтобы человек ему подошел, и чтобы он мог поверить в него. Я помню даже как произошло их знакомство. Это было у метро «Кропоткинская». Мы поговорили, сидя на бульваре; Тихомиров потом назначил свидание. Я понял, что и на Тихомирова личное обаяние Буганова оказало воздействие. Конечно, он очень хорошо держался, сдержанно, показал свою воспитанность, Михаил Николаевич его вызвал, и у них был какой-то разговор. Михаил Николаевич сказал: «я согласен». У меня на следующий день экзамен на первом курсе. В это время заседает комиссия, дающая рекомендации в аспирантуру. Я посылаю записку Анне Сергеевне: «Михаил Николаевич Тихомиров согласился быть членом Ученого совета и согласен руководить аспирантом, если ему рекомендуют в аспирантуру Буганова». Там уже в списке десять человек есть. Но кого-то выкинули, и Буганов оказался тем десятым, кого рекомендовали в аспирантуру. И он стал первым аспирантом, единственным аспирантом Тихомирова по Историко-архивному институту.

Тут уже начинаются свои отношения, но, я чувствую, что на меня Тихомиров косится. Виктор Иванович стал себя хуже вести, чем он ожидал. Он ему дал необычайно трудную тему: разрядные книги. Эту тему никто не разрабатывал в таком плане, ну, вероятно, после Милюкова, в течение почти пятидесяти или шестидесяти лет. И вот в какой-то момент то, что шло хорошо, вдруг стало меньше удовлетворять руководителя: то ли Буганов отвлекся, то ли что-то не то делал, зарабатывая, что тоже было необходимо. Михаил Николаевич мне пожаловался. Я передал, конечно, сейчас же Виктору. Нужно было еще найти его (он жил за городом, телефона не было), чтобы он ко мне пришел. Беседа с научным руководителем была очень серьезная. Виктор говорил, что вот так вообще его не «пороли». Но, видимо, эта «порка» оказалась столь позитивной, что после этого Буганов ставился в пример: вот Буганов же понимает, а вот вы старше его, а не понимаете, то что мы вам говорим. То есть он, так сказать, выполнял больше, чем, может быть даже мы, старшее

поколение, могли. В результате Михаил Николаевич оставил его при себе. И это главное, что мне и хотелось. И он ему сначала доверил работу, которая была, конечно, гораздо больше, чем диссертационная тема, и при том иная тематика, чем в дипломе. И тем, кто знает труды Виктора Ивановича о разрядных книгах, известно, сколько наработок осталось у него и для дальнейших исследований. Потому что у него чуть ли не до десятка статей по материалам, не вошедшим в его монографию. Но порученная работа приучила и к изучению летописания. Михаил Николаевич ему доверил подготовку издания летописей — дело, которое сам лелеял, он искал людей, которые могут стать продолжателями его дела. И в итоге Виктор Иванович стал руководителем Летописной группы и человеком, который направлял к этому многих, уже более молодых, чем он. Этого всего добился он сам. Потому что летописи он фактически не изучал в архивном институте вообще, как и разрядные книги он не изучал.

Он был, конечно, очень способный, трудоспособный, но он любил трудиться. И не потому что он был лишен возможности других удовольствий, ведь радость общения с ним испытали многие. Но это был красивый, сильный, крепкий мужчина, который, любя жизнь, в то же время не может себя чувствовать нормально вне труда. И то, что сейчас здесь мы видим на книжной выставке — это не все, что сделано; поражает, что это сумел написать и издать один человек. И тут, конечно, нужно сказать не только о его способностях, не только о том, что он продолжал держать в то трудное время линию, утверждающую основы источниковедческой работы, то есть те настоящие тихомировские традиции, которые в нашем институте в то время отнюдь не всеми поддерживались. Но и о том, как он проявил себя, как только обнаружилась возможность реализации присущего ему организаторского таланта. Он сделал необычайно много для того, чтобы продолжить это дело Тихомирова. Великие старики вспоминали Симеона Гордого, академики — и Лаппо-Данилевский и Тихомиров, — не сговариваясь друг с другом, всегда повторяли: «Чтобы свеча не погасла». Вот это он продолжал. Потому что, конечно, продолжать издание летописей, даже при поддержке Бориса Александровича Рыбакова,

авторитет которого очень велик, трудно. Ведь авторитет авторитетом, но кто-то должен летописи готовить к печати, их могут не выкинуть из плана, посчитавшись с мнением академика Рыбакова, но если их не будут готовить два-три года, то скажут «все». Он умел заставить полюбить и хорошо делать эту сложную трудоемкую работу. И потому его вклад как человека, убежденно боровшегося за источниковую базу наших исторических знаний, очень велик.

И не только о России периода феодализма, на выставке это хорошо видно. Ведь Буганов занимался историографией, источниковедением ленинских трудов, причем трудов сложных, социально-экономической тематики, постепенно дорос до трудов по новому времени (диплом, кстати, был по XVIII в., журналам Новикова). И это тоже очень привлекает, и не случайно он сначала стал членом-корреспондентом Российской Академии образования, а потом и Академии наук. Он обладал тоже редким свойством уметь не только писать для исследователей как исследователь, но и писать для широкого круга читателей, не снижая научного уровня, что очень нужно именно для исторического образования, знакомя со школой своей работы. Это не всем дано.

В будущем году Виктору Ивановичу 70 лет исполнится, в это время, если мы доживем, будем, вероятно, его отмечать. Я не уверен, что обязательно должны быть ежегодные Бугановские чтения, но конечно к 70-летию чтения не могут не быть. Мне хотелось бы пожелать, чтобы то, что здесь будет сегодня говорить, успеть издать к 70-летию, чтобы это был сборник памяти Виктора Ивановича Буганова, основой которого будут сегодняшние доклады. Чтобы не ограничиться только тем, что было на конференции, хотя, может быть, в части научной и ограничиться, потому что здесь очень продуманная программа (от периода летописного до сегодняшнего дня). Но чтобы еще обратиться к тем, кто по каким-то причинам не мог присутствовать, или не мог даже быть в Москве, с просьбой написать о Викторе Ивановиче. Обратиться к П.Бушковичу и к некоторым другим иностранным коллегам, потому что его хорошо знали за рубежом, он много раз там бывал. Чтоб у нас был раздел воспоминаний. Может быть найдут и письма, которые допустимо сейчас пуб-

ликовать, если даже очень хвалебные, то сейчас уже это можно делать. Может быть стоит даже опубликовать отзывы того же Михаила Николаевича, которые у него сохранились, отзывы его оппонентов, чтобы была и такая часть, посвященная, так сказать, «бугановиане». Желательно, чтобы были фотографии, потому что жалко лишить тех, кто его не знал, возможности познакомиться с внешним обликом Буганова. Это было бы, по моему, данью нашей памяти человеку, которому присутствующие очень многим обязаны, и который фактически в значительной степени определил, по крайней мере до конца этого столетия и тысячелетия, деятельность организованного при нем Центра, сумевшего собрать нас на эту конференцию.

Что касается хроники заседания, то было бы хорошо, чтобы не только Археографический ежегодник, который обязан и готов поместить эти материалы (желательно, чтобы кто-то и об этом написал, это будет как раз 98-й год, к 70-летию). Я, пользуясь присутствием здесь главного редактора журнала «Отечественные архивы», членом редколлегии которого до конца жизни оставался Виктор Иванович, предложу: может быть, хронику нашего заседания поместить там. Буганов, конечно, как человек умный понимал, что тяжело болен, может быть он отгонял эту мысль, не желая делиться с другими, и у него появилась потребность писать о других. Очень волновался, поместим ли мы статью о А.Г.Манькове, которую он написал для нашего Ежегодника. Написав уже обо мне раньше, он все время хотел написать статью о Шмидте. Я говорил ему, что неудобно, особенно в «Историческом архиве», в «Отечественных архивах», где член редколлегии... «Нет, нет, я должен это сделать». Потом стало невозможно возражать и я подсказал в соавторы А.Н.Медушевского... Я думаю, что если мы напишем о нем, и вспомним, то это тоже будет в традиции последних лет его жизни, когда у него была личная потребность поделиться очень добрыми мыслями о людях, которым в какой-то мере чувствовал себя обязанным, или которые ему что-то дали для его научной жизни. Вот этим я хотел бы закончить выступление и поблагодарить еще раз, уже от лица Археографической комиссии, тех, кто сумел организовать сегодняшнее заседание.

Л.Л.Муравьева
(Москва)

В.И.БУГАНОВ И ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЕ

Творческий путь В.И.Буганова с самого начала, т.е. с 50-х гг. был тесным образом связан с его активной и постоянной работой в такой крупной области научного знания, как летописеведение. Он работал в данной области до своих последних дней и имел обширные планы на будущее. Усилия ученого были вознаграждены большими результатами. В разнообразной научной деятельности Буганова достижения в изучении летописных памятников занимают особое место и являются составной и важной частью его научного наследия. Интерес к русским летописям был для него воистину животворен; он прошел красной нитью через все творчество ученого и он оказал значительное влияние на его становление и формирование как ведущего специалиста-источниковеда страны.

Историография русского летописания складывалась, как известно, на протяжении трех столетий, охватив творчество нескольких поколений ученых; ему посвятили свои труды лучшие умы исторической и филологической науки России. Сбор летописных рукописей, их издание, изучения этой вековой письменной традиции как крупнейшего историко-культурного явления древней и средневековой России началось, напомним, со времени Татищева, указов имп. Екатерины II и было развито трудами Карамзина Бестужева-Рюмина, Шахматова и потом — Приселкова, Насонова, Тихомирова, Рыбакова, Лихачева, Пашуто и др. В кругу современных специалистов здесь следует назвать прежде всего имя В.И.Буганова.

В.И.Буганов трудился в разных областях летописеведения. Первым его обращением к названной теме было участие в выпуске общерусской Вологодско-Пермской летописи XVI в.¹ Этот опыт предопределил тот главный путь, которо-

му потом следовал ученый более тридцати лет. Речь идет о летописной археографии.

Возобновленное в конце 40-х гг. академиком М.Н.Тихомировым дореволюционное издание серии Полного собрания русских летописей возглавил потом акад. Б.А.Рыбаков, а вскоре в этом качестве его преемником стал В.И.Буганов. К тому времени, после смерти своего учителя М.Н.Тихомирова, он был назначен руководителем группы по изданию ПСРЛ, существовавшей как самостоятельное подразделение Института истории АН СССР.

Буганов являлся вначале заместителем и затем ответственным редактором известного серийного издания. За этот период вышел в свет, начиная с 32-го, целый ряд томов ПСРЛ, включивших Хронику Быховца, Литовскую хронику, Баркулабовскую и Холмогорские летописи, Софийскую первую по списку И.Н.Царского, Сибирские летописные памятники и др. До этого в 1968 г., непосредственно под его редакцией, был опубликован 31-й том, содержащий летописцы последней четверти XVII в. Сейчас в издательстве находится 40-й том ПСРЛ, где помещена Густынская летопись XVII в. Развернутая по последнему тому работа под руководством В.И.Буганова была продолжена в 1996 г. в Центре по изучению и изданию источников Института российской истории. Она совпала с выходом в свет нового 41-го тома ПСРЛ, где опубликован Летописец русских царей под общим редактированием Буганова.

Ученый относился с особой тщательностью и повышенной ответственностью к формированию состава очередных томов ПСРЛ, при планировании которых он отводил большую роль поиску новых архивных летописных источников и их списков, привлечению региональных памятников летописания и отдельных публикаций из основного летописного фонда, ставших библиографической редкостью.

Обследуя архивы и другие рукописные хранилища в нашей стране и за рубежом, Буганов стремился найти и находил, вводя в научный оборот новые источники по истории летописания, предопределив разработки ее проблем. В числе их укажем, например, Лондонский, Румянцевский, Бело-

вского, Оссолинских списки Вологодско-Пермской летописи, Московские летописцы XVII в. Музейного собрания РГБ и Ивановского областного краеведческого музея и др.

Для стимулирования и продвижения работ по истории летописного дела в наши дни, в том числе для мобилизации усилий специалистов нового поколения, имело значение организованное не без инициативы Буганова и потом под его научным руководством — специальное издание — «Летописи и Хроники», выходящее регулярно в издательстве «Наука» в 70-80-е гг.

Занимаясь летописеведением, ученый уделял внимание непосредственно и дальнейшему исследованию летописных памятников, их текстологической связи и роли в развитии исторической письменности. Назовем, например, статьи «О списках Вологодско-Пермской летописи»², «Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания»³, «Русские летописи»⁴. Наиболее известны его работы по малоизученному позднему летописанию, в которых Буганов отстаивал точку зрения о высоком уровне последнего и выявил присущие ему специфику и особенности (в отличие от предшествующих этапов). Это относится к расширению региональной летописной работы и появлению новых летописных центров, изменениям характера сводов, предопределивших возникновение новых форм исторического повествования. В связи с этим отметим исследования о московском летописании второй половины XVII в., которое содержит богатый материал по истории московских восстаний нового периода русской истории — теме, особо интересовавшей Буганова⁵.

Приобретая опыт и авторитет ученого в характеризуемой области знания, Буганов неоднократно выступал редактором крупных работ по истории летописания и выступал с развернутыми отзывами или комментариями к ним. Имеется в виду, монографии: А.Н.Насонов. История русского летописания X — начала XVIII в. (М., 1969), М.Н.Тихомиров. Русское летописание (М., 1970), Б.М.Клосс. Никоновская летопись (М., 1980), Н.Н.Улащик. Введение в изучение белорусско-литовского летописания (М., 1985), К.Н.Сербина. Устюжское летописания XVI

XVII вв. (М., 1985), В.И.Корецкий. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. (М., 1985).

Раскрывая вклад Буганова в изучении летописных памятников, следует указать на его многочисленные работы по историографии летописания. Здесь надо упомянуть в первую очередь обобщающее монографическое исследование «Отечественная историография русского летописания» (М., 1975). Это был первый опыт обзора историографии русского летописания с 1917 г., где отмечены ее основные достижения и намечены малоизученные и спорные проблемы. В поле зрения ученого находилась тематика, связанная с публикациями летописных источников по истории Сибири и Урала⁶, с изданием и изучением русских летописей в XVIII в.⁷ Разработка летописной историографии была основана на глубоком и критическом осмыслении и анализе предшествующих и современных ему трудов специалистов. Так, появились на свет статьи: «М.Н.Тихомиров и отечественное летописеведение», «Труды В.Т.Пашуто по истории отечественного летописания», «Русское летописание в трудах Б.А.Рыбакова»⁸ и т.д. Отличительной чертой подобных работ явилось самое уважительное отношение их автора к наследию других ученых, желание оценить и выявить главное — то, что сделано ими, и, исходя из этого, обнажить спорное, понять, что предстоит сделать в ближайшем будущем для развития летописеведения.

Большие усилия Буганов прилагал для пропаганды в печати и в своих докладах на различных конференциях идей по решению назревших и вновь возникающих проблем изучения и издания летописных памятников. Об этом говорят сами названия его работ: «О некоторых вопросах издания русских летописей» (1969), «Об издании русских летописей» (1971), «Описание и факсимильное издание русских летописей» (1979), «Основные проблемы изучения русского летописания» (в соавт., 1979), «Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе» (в соавт., 1984) и т.д.

Ученый ратовал за преодоление наметившегося спада в издании летописей, за усиление кооперации с другими научными центрами как внутри страны, так и за ее пределами, за усиление внимания к разработке летописной тематики

начального и самого позднего периодов существования летописного дела в России и за выработку специальной программы действий на будущее, включая новый тип серийного издания летописных памятников. Идея такой программы родилась относительно давно, и с ней Буганов связывал в свое время немалые надежды. Ученый усматривал необходимость обобщения накопленного опыта по изданию русских летописей, насчитывающего более полтора столетия, и приведение всей серии в более полное соответствие с современным состоянием и уровнем науки.

В завершение настоящего краткого обзора хотелось бы обратить внимание на следующее. Работая долгие годы в Институте российской истории и других местах и занимая в них разные должности, В.И.Буганов сохранял до конца своей жизни глубокую привязанность к группе по изданию ПСРЛ, которая была создана для изучения и издания русских летописей. И не случайно, когда пришло время отказаться от руководства институтским Центром по изучению и изданию источников, Буганов оставил в своем ведении летописную группу, находившуюся в составе Центра.

¹ ПСРЛ. Т. 26. М., 1959.

² Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. в честь академика М.Н.Тихомирова. М., 1963. С. 158-165.

³ Записки ОР ГБЛ. М., 1971. Т. 32. С. 127-167.

⁴ ВИ. 1984. № 6. С. 77-91.

⁵ Буганов В.И. Летописные известия о Московском восстании 1682 г. //Новое прошлое нашей страны. М., 1967. С. 310-319; *он же*. Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. //Летописи и хроники. Сб. ст. М., 1974. С. 338-346.

⁶ Буганов В.И. Публикации летописных источников по истории Сибири и Урала //Уральский Археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974.

⁷ Буганов В.И. Издание и изучение русских летописей в XVIII в. //Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 327-334.

⁸ Летописи и хроники. М., 1976. С. 365-374; М., 1981. С. 207-214; М., 1984. С. 3-12.

В.И.БУГАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР РАЗРЯДНЫХ КНИГ XV-XVII ВВ.

Почти 40 лет занимался исследованием и публикацией разрядных книг XV-XVII вв. член-корреспондент РАН В.И.Буганов. Научная значимость его труда исключительно велика и до сих пор не осознана и не оценена по достоинству историками. В.И.Буганов первым описал весь рукописный массив важных документальных источников и, опубликовав их, ввел в научный оборот. Этим он открыл перед исследователями блестящую перспективу более правильно и точно понять происходившие в Русском государстве в XV-XVII вв. события, узнать новые факты, касающиеся военной истории, дворцового быта, взаимоотношений государей с подданными, биографий различных государственных деятелей и многое другое.

Первой работой В.И.Буганова, посвященной разрядным книгам, стала кандидатская диссертация, написанная в 1954 г. и защищенная в 1955 г. в Историко-архивном институте под руководством академика М.Н.Тихомирова. В ней молодой исследователь дал характеристику разрядным книгам как важному историческому источнику¹. Обнаружив в них множество уникальных сведений, в частности о реформах 50-х гг. XVI в., проводимых правительством Ивана Грозного², о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Б.Годунова³, В.И.Буганов понял, что огромный рукописный массив разрядных книг, хранящийся в архивах и библиотеках, еще не описан и источниковедчески не изучен. Существовало лишь несколько разрозненных публикаций, сделанных дореволюционными исследователями по далеко не лучшим спискам. Первым было издание Н.И.Новикова «Разрядные книги 1556-1585 г.», осуществленное еще в XVIII в. по одному списку⁴. Затем П.Свиньин опубликовал разрядные вы-

писки, касающиеся рода Годуновых и Сабуровых⁵, также по одному списку. Один список лег и в основу публикации Д.А.Валуева «Разрядные книги 1559-1605 гг.»⁶, хотя в рукописных хранилищах было множество списков этой книги, дающих лучшие чтения. И.Д.Беляев опубликовал разряды за 1614-1617 гг.⁷, но, как обнаружил В.И.Буганов, разрядные книги этого типа («подлинники») охватывали период с 1613 по 1637 г. П.Н.Милюков опубликовал «Государев разряд» за 1556 г. с продолжением до 1565 г. (по 7 спискам)⁸. Буганов обнаружил, что «Государевы разряды» писались и в другие годы: 1585, 1598, 1605.

Еще более отрывочный характер носила публикация Н.П.Лихачева только разрядов Полоцкого похода 1563 г. и Ливонского 1577 г.⁹ С.А.Белокуров собрал все записи разрядного характера за Смутное время. Они, хотя и были сделаны по большинству известных списков, но также носили отрывочный характер¹⁰.

Более фундаментальной была публикация так называемых «Дворцовых разрядов», осуществленная группой исследователей в 1850-1855 гг.¹¹, но и само название, и характеристика этих разрядных книг была ошибочной, как справедливо отметил В.И.Буганов. В это же время под руководством Д.Н.Блудова были изданы разрядные книги типа «подлинников» за 7123-7144 гг. (1615-1636)¹², но и эта публикация не охватывала весь комплекс разрядных книг этого типа.

Не был решен дореволюционными исследователями и вопрос о классификации разрядных книг. И.Д.Беляев предлагал делить их на 7 видов, П.Н.Милюков считал, что их можно разделить на 3 редакции: официальную, частную и компилятивную.

Таким образом, перед молодым ученым встало сразу несколько важных и сложных задач: выявить и дать научное описание всех списков разрядных книг, провести их научную классификацию и наметить обширную программу по их публикации. Анализ трудов В.И.Буганова показывает, что он с честью справился со всеми.

Уже в 1958 г. он представил достаточно полный обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала

XVII в.¹³ Исследователь предложил разделить все списки на 4 редакции:

1. Пространную — с 1475 по 1613 г.
2. Краткую, которая в свою очередь состоит из редакций 1556, 1584, 1598, 1604 и 1605 гг.
3. «Подлинники» — с 1613 г., составлявшиеся ежегодно.
4. Сводная — 1636 г.

До В.И.Буганова полностью отсутствовало системное описание всех списков и их классификация. Виктор Иванович выявил и описал 162 списка, из которых только 93 были известны ранее. Основная работа по выявлению списков была проведена в рукописных отделах ГБЛ, ГПБ, ЛОИИ, ЦГАДА и БАН.

В этом же 1958 г. молодой ученый дал источниковедческую характеристику «Разрядной книги Д.М.Пожарского»¹⁴ и сокращенной редакции разрядных книг 1559-1605 гг.¹⁵ В следующем году в статье о «Государевом разряде» первой половины XVII в. он впервые поставил вопрос о существовании этого типа разрядных книг и в XVII в.¹⁶ Кроме того, он постарался привлечь внимание историков к разрядным книгам как к важному историческому источнику и написал на эту тему две работы: статью и учебное пособие¹⁷. Продолжалась работа по изучению отдельных редакций разрядных книг: «Государева разряда 1584 г.», «Государева разряда 1585 г.», сокращенной редакции 1550-1636 гг. Ее результаты регулярно доводились до сведения научной общественности¹⁸.

В 1962 г. вышла первая монография В.И.Буганова, посвященная разрядным книгам¹⁹. Она сразу же нашла положительную оценку в научных кругах²⁰. В этом труде исследователь пересмотрел некоторые свои прежние выводы, касающиеся классификации списков, и предложил новое деление. По его мнению, прежде всего следовало проводить деление по разновидностям, более общему понятию, чем редакции. Затем внутри каждой разновидности уже было возможно определять редакции. К первой разновидности он отнес так называемую пространную редакцию, содержащую древнейшие записи и охватывающую период с 1475 по 1605 г. Она, по мнению исследователя, появилась в XVII в. в частных кругах среди семей Бутурлиных, Пожарских, Ромо-

дановских, Пушкиных для ведения местнических споров. Всего был обнаружен и описан 121 список, которые были разделены на три группы. По сравнению с обзором списков, сделанным в 1958 г., было добавлено 10 новых. Два из них были обнаружены в ГПБ и ЦГАДА, остальные — в архивных хранилищах Ярославля, Суздаля, Одессы, Парижа. Эти новые находки свидетельствовали о том, что В.И.Буганов проводил поисковую работу по всей стране, пытаясь со всей полнотой выявить рукописный фонд разрядных книг и дать научное описание всем спискам.

Исследователь дал подробную характеристику наиболее часто встречающейся разновидности разрядных книг и отметил ее большую подробность в сравнении с другими видами разрядных книг. Однако для историков этот важный источник оставался неизвестным, поскольку никогда не был опубликован.

Ко второй разновидности, по мнению В.И.Буганова, принадлежали разрядные книги официального характера, получившие название «Государева разряда» Он обнаружил 17 списков «Государева разряда 1556 г.», 1 список — 1584 г., 25 списков — 1585 г., 2 списка — 1598 г. и 2 списка — 1604 г. Это стало существенным дополнением к прежнему мнению о том, что был лишь «Государев разряд 1556 г.» (П.Н.Милюкова). Только он и был опубликован ранее.

К третьей разновидности исследователь отнес так называемую сокращенную редакцию, которая была хорошо известна дореволюционным исследователям и опубликована Д.А.Валуевым по далеко не лучшему списку. В.И.Буганов обнаружил 4 списка. Считалось, что она заканчивалась 1605 г. Позднее исследователь обнаружил продолжение до 1636 г. и сделал вывод о частном ее происхождении.

С горечью отмечал Виктор Иванович, что послереволюционные исследователи, казалось, забыли о существовании разрядных книг и активно изучали и публиковали источники нарративного характера: летописи, хронографы, сказания, публицистику и т.д. Только на основе их данных они реконструировали события прошлого, нередко совершая грубые ошибки. Отмечая достоинства разрядных книг, как источника, ученый писал, что они являлись официальными документами, в которых фиксировались правительственные назна-

чения на военную, дипломатическую службу, содержались описания дипломатических приемов, дворцовых церемоний, некоторых походов. В них включались материалы местнических споров, дающие много сведений по генеалогии дворянских и княжеских родов. Поэтому разрядные книги следовало использовать в качестве главного источника при изучении государственного управления, социального состава служилых людей и их биографий, деятельности Боярской думы, Государева двора, приказов. Только в них содержались уникальные данные о численности армии, ее командном составе, воеводской, пограничной, засечной и городской службе, военных походах. В них множество сведений о дипломатических взаимоотношениях, приемах послов, составе русских посольств и самих послах. Разрядные книги являлись важным источником и для исторической географии, и для генеалогии, и для истории быта русских людей в XV-XVII вв.

Полагая, что причиной невнимания к разрядным книгам со стороны историков являлась их недостаточная источниковедческая изученность и отсутствие масштабных научных публикаций, Виктор Иванович поставил перед собой цель восполнить этот пробел. После выявления списков, их научного описания и четкой классификации была намечена обширная программа по публикации разрядных книг.

Первыми, как наиболее важные, были опубликованы «Государевы разряды» 1556, 1584, 1585 и 1598 гг. Все они вошли в один том²¹. До этого были опубликованы только «Государев разряд 1585 г.» (Новиковым) и 1556 г. (Милюковым). Записи за 1586-1598 гг. никогда не издавались и не использовались в исторических трудах в полном объеме. Однако именно в них содержатся уникальные сведения о царствовании Федора Ивановича, об окружавших его людях, собственной роли царя в управлении государством и положении при дворе Б.Годунова. Они свидетельствуют о том, что Борис не был не только соправителем царя, но даже не занимал ведущего положения при дворе. Более активными государственными деятелями были многие его родственники, которые, в итоге, и помогли Б.Ф.Годунову воцариться. Данные разрядных книг содержат иные сведения и о политической борьбе среди представителей двора в конце XVI —

начале XVII в., чем в публицистике Смутного времени, активно используемой историками.

Следует отметить, что «Государев разряд за 1598 г.», содержащий много новых данных о царствовании Федора Ивановича, был опубликован В.И.Бугановым по лучшему Уваровскому списку (ГИМ. Увар. № 950) с вариантами по трем другим спискам.

Хотя в научной работе В.И.Буганова появились новые исследовательские темы, изучение и публикация разрядных книг продолжалась. В 1965 г. была издана статья об источниках разрядных книг, раскрывающая процесс их составления²². В статье о деятельности И.Д.Беляева рассматривались проблемы публикации разрядных книг²³. Не прекращалась и деятельность по поиску и выявлению новых списков разрядных книг, особенно XVII в., которые первоначально были вне поля зрения ученого. Итогом стала статья, в которой были описаны 59 списков разрядов, начинавшихся с 1613 г.²⁴ (До данной работы существовало научное описание только 10 списков). В приложении к данному описанию была прибавлена опись 29 рукописей «подлинников» XVII в., которые составлялись ежегодно, начиная с 1613 по 1636 г.

Таким образом, стараниями В.И.Буганова весь рукописный фонд разрядных книг был выявлен и научно описан.

Продолжалась работа по изданию разрядных книг. Следующим томом стала «Разрядная книга 1559-1605 гг.»²⁵. Она была отнесена исследователем к разновидности сокращенной редакции. Ранее данная разрядная книга была опубликована Д.А.Валуевым по одному списку. В.И.Буганов привлек новые лучшие списки из ЦГАДА и найденный им Сестроевский список из Кировской библиотеки. Все они давали более правильные и полные тексты по сравнению с Валуевским списком.

В этом же году были опубликованы сразу три официальных разрядных книги, представляющих собой не частные компиляции, а те тексты, которые составлялись непосредственно в Разрядном приказе²⁶.

Первый из них — «Государев разряд 1604 г.» явился продолжением публикации «Государевых разрядов» за 1475-1598 гг. В

основу издания были положены два списка XVIII в., сделанных известным архивистом Миллером с ветхих рукописей XVII в. Изучая текст данной разрядной книги, В.И.Буганов сделал вывод о том, что большая его часть содержит уникальные данные о царствовании Бориса Годунова, в полной мере не использованные историками.

Вторая разрядная книга — так называемый «подлинник» за 1613-1614 гг., никогда не издавалась и не была известна в исследовательской литературе. Историки прошлого века даже полагали, что она либо не существовала, либо не сохранилась, поэтому в издании «Разрядных книг» 1853-1855 гг. она отсутствовала.

В предисловии к изданию В.И.Буганов подверг критике существовавшее в XIX в. мнение, что разрядные книги XVII в. писались в дворцовом ведомстве и поэтому назывались «Дворцовыми разрядами». По его мнению, они были плодом деятельности Разрядного приказа²⁷.

Анализируя содержание «Разрядной книги 1613-1614 гг.», Буганов отметил, что она содержит уникальные сведения о борьбе правительственных войск с И.Заруцким, поскольку включает в себя некоторые правительственные грамоты. Из таких же грамот состоит архивное «Дело об избрании на царство Михаила Романова», отрывки из некоторых включены в так называемые «Дворцовые разряды». Сравнение всех памятников между собой может в будущем прояснить вопрос о том, как составлялись «подлинники» разрядные книги и как на основе них возникали поздние компиляции.

Третий подлинник — «Государев разряд за 1637-1638 гг.». Как отметил В.И.Буганов, это — единственный известный сейчас текст разрядов типа тех «перечней», о которых сообщала опись царского архива 1626 г. По своему типу он был сходен с «Государевыми разрядами» 1598 и 1604 гг., но содержал больше сведений о гарнизонной и пограничной службе²⁸. Ценность данного разряда заключалась в том, что он давал много данных о правительственных мероприятиях по укреплению южных границ после взятия казаками Азова. Например, в нем отмечено, что ремонт и реконструкция засечных укреплений и городов-крепостей проводилась в

1637-1638 гг., а не в более ранние годы, как утверждала исследовательская литература.

В основу публикации был положен Архивный список XVII в. Позднее эта разрядная книга была вновь опубликована по лучшему списку²⁹.

В предисловии исследователь отметил, что публикация была осуществлена по всем правилам издания источников XVI-XVII вв. с введением современной орфографии и летоисчисления для удобства использования.

Постепенно вокруг В.И.Буганова сформировался творческий научный коллектив. Если первое издание Разрядных книг, осуществленное в 1966 г., он готовил один, то при подготовке к изданию разрядных книг 1598-1638 гг. большую помощь ему оказала Л.Ф.Кузьмина, подготовившая текст «Государева разряда 1637-1638 гг.», и Г.П.Махнова, составившая именной и географический указатели. Научно-техническую работу по подготовке тома к изданию осуществил А.Е.Иванов.

В следующем, 1975 г. выходит в свет еще одно издание — «Разрядная книга 1550-1636 гг.». (Т. I), принадлежащая к сокращенной редакции. В 1976 г. вышел 2-й том в двух частях. По сравнению с «Разрядной книгой 1559-1605 гг.», также относящейся к сокращенной редакции, публикуемая книга отличалась большей точностью в передаче текста, четкостью построения и отсутствием грубых ошибок. Это позволило В.И.Буганову предположить, что данная книга вышла из правительственной канцелярии, т.е. из Разрядного приказа, приблизительно в 1636 г. Ряд записей в ней был идентичен с так называемым «Дворцовым разрядам», за более ранние годы (начиная с 1550) она имела сходство с пространной редакцией.

В основу публикации были положены две рукописи, первая из которых датировалась 30-ми гг. XVII в., т.е. была современна самому тексту разрядной книги, вторая — передавала лишь часть текста данной редакции, поскольку включала в себя «Государев разряд 1475-1585 гг.». Сходство между списками проявлялось при описании 1586-1636 гг. Несмотря на сходство с пространной редакцией, данная редакция со-

держала за некоторые годы более подробные сведения, например, о Полоцком походе 1563 г. и др.³⁰

Текст Разрядной книги 1550-1636 гг. был подготовлен Л.Ф.Кузьминой, она же составила именной указатель, географический – Г.П.Махнова.

Публикуя разрядные книги, В.И.Буганов не прекращал исследовательскую работу. В 1976 г. он издал сразу две статьи, посвященные разрядным книгам первой половины XVII в. В первой он выступил с развернутой критикой мнения о том, что разрядные книги XVII в. писались в дворцовом ведомстве. Убедительно, на конкретных примерах, он доказал, что все разрядные книги создавались только в Разрядном приказе³¹. Вторую статью ученый посвятил описанию разрядных книг типа «подлинников», которые составлялись ежегодно в Разрядном приказе, начиная с 1613 г.³² В 1980 г. вышла в свет его статья о пограничной службе Русского государства в конце XV – первой трети XVII в., в которой главным использованным источником являлись разрядные книги.

Настоящим научным подвигом В.И.Буганова стала подготовка к изданию пространной редакции разрядных книг, которая весьма значительна по объему и дошла до нас в более, чем 120 списках. Ранее она никогда не публиковалась и была неизвестна широкому кругу исследователей.

В основу публикации было положено четыре древнейших и лучших списка. Первый том, состоящий из трех выпусков, увидел свет в 1977-1978 гг. Он заканчивался записями за 1556 г.³³ Второй том, также состоящий из трех частей, был опубликован в 1981-1982 гг. Он заканчивался записями за 1577 г.³⁴ Составителем первых двух томов была к.и.н. Н.Г.Савич. Указатели составляла Г.П.Махнова.

В 1984 г. началась публикация третьего тома, также состоящего из трех выпусков. Его составителем стала Л.Ф.Кузьмина. В предисловии В.И.Буганов отметил, что том начинается с событий 1 сентября 1577 г., поскольку с них начинались записи в списках Оболенского, Пожарского и Уваровском, дополнительно использованных для данного издания. Кроме того, исследователь привлек недавно обнаруженный им в Вюртембергской земельной библиотеке города Штут-

гарта список Хованского (вторая половина XVII в.). Описывая содержание этого списка, В.И.Буганов сделал вывод, что он принадлежал известному боярину кн. И.А.Хованскому, возглавлявшему Стрелецкий приказ во время Московского восстания 1682 г.³⁵

Третья часть третьего тома «Разрядной книги 1475-1605 гг.» заканчивалась 1597 г.

Для завершения всего издания пространной редакции требовалось опубликовать текст за 1598-1605 гг., который должен был войти в три выпуска четвертого тома. Однако вышел в свет только первый выпуск. В него вошли записи по 1602 г. включительно³⁶. Болезнь и смерть В.И.Буганова прервали большую работу по публикации разрядных книг, и она оказалась незавершенной.

Подводя итог, следует отметить, что В.И.Буганов провел огромную работу по выявлению, научному описанию, классификации и последующей научной публикации текстов разрядных книг XV — первой половины XVII в. В статьях и монографии он описал все известные ныне списки разрядных книг, многие из которых были найдены им лично не только в столичных рукописных хранилищах, но и в других городах, в том числе и за границей. Для историков они являются теперь незаменимым справочным пособием. Достаточно четкой и убедительной представляется предложенная В.И.Бугановым классификация списков, которая позволила наметить и реализовать обширную программу по публикации текстов. Выделив три разновидности (пространную редакцию, сокращенную редакцию и «Государев разряд» разрядных лет), исследователь опубликовал их все и тем самым ввел в научный оборот этот важный источник, до этого представлявшийся историкам (из-за обилия списков и больших объемов) чем-то мало понятным. Много внимания В.И.Буганов уделял «подлинникам», публикуя их тексты и давая источниковедческую характеристику. В итоге исследователи могут теперь ознакомиться с неизвестными ранее сведениями о царствовании Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Михаила Федоровича, которые позволяют по-новому оценить личность царя Федора, его деятельность,

более правильно понять причину взлета и падения Бориса Годунова, прояснить обстоятельства воцарения Михаила Романова и многие события в его правление. Разрядные книги позволяют реконструировать биографии многих государственных деятелей, полководцев и дипломатов, оценить местничество и его роль во взаимоотношениях служивых людей с государями. Много нового могут почерпнуть из разрядных книг историки, занимающиеся исторической географией, военным делом и т.д. Однако все это, очевидно будет в будущем, поскольку в настоящее время основные научные построения в области истории XV-XVII вв. делаются на данных летописей, публицистики, сказаний иностранцев, являющихся не только весьма субъективными, но и политизированными источниками.

-
- ¹ Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII в. как исторический источник. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
 - ² Буганов В.И. «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. //ИСССР. 1957. № 5. С. 220-231.
 - ³ Буганов В.И. Сказание о смерти Федора Ивановича и воцарении Б.Годунова //ЗОР ГБЛ. 1957. Вып. 19. С. 167-186.
 - ⁴ ДРВ. Ч. XIII-XIV. М., 1790.
 - ⁵ Отечественные записки. 1826. Декабрь; 1830. Октябрь-декабрь.
 - ⁶ Разрядные книги 1559-1605 гг. СПб., 1844.
 - ⁷ Временник МОИДР. 1849. Кн. 1-3.
 - ⁸ Милюков П.Н. К вопросу о составлении разрядных книг //Журнал министерства народного просвещения. 1889. № 5.
 - ⁹ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888.
 - ¹⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. М., 1907.
 - ¹¹ Дворцовые разряды. СПб., 1850-1855. Т. 1-4.
 - ¹² Книги разрядные. СПб., 1853-1855. Т. 1-2.
 - ¹³ Буганов В.И. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII вв. //ПИ. 1958. Вып. VI. С. 152-219.
 - ¹⁴ Буганов В.И. Разрядная книга Д.М.Пожарского //ЗОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90-101.
 - ¹⁵ Буганов В.И. Сокращенная редакция разрядных книг 1559-1605 гг. //АЕ за 1957 г. 1958. С. 88-101.
 - ¹⁶ Буганов В.И. «Государев разряд» первой половины XVII в. //ПИ. 1959. Вып. VIII. С. 361-371.

- 17 Буганов В.И. Разрядные книги как памятник русской культуры //Вестник истории мировой культуры. 1959. № 6. С. 105-111; *он же*. Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVII в. Учебн. пос. М., 1959.
- 18 Буганов В.И. «Государев разряд» 1584 г. по списку БАН //Труды библиотеки АН СССР и фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Л., 1961. Т. V. С. 167-174; *он же*. Редакция «Государева разряда» 1585 г. //Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961; *он же*. Сокращенная редакция Разрядных книг 1550-1636 гг. //ПИ. 1961. Вып. IX. С. 270-279.
- 19 Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в.». М., 1962.
- 20 Милов Л.В. Рец. В.И.Буганов. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962 //ВИ. 1963. № 6 и др.
- 21 Разрядная книга 1475-1598 /Сост., автор вводной статьи и ред. В.И.Буганов. М., 1966.
- 22 Буганов В.И. Источники разрядных книг последней четверти XV – начала XVII в. //ИЗ. 1965. Т. 76. С. 216-229.
- 23 Буганов В.И. «Записка» И.Д.Беляева об издании разрядных книг //АЕ за 1969 г. 1971. С. 236-241.
- 24 Буганов В.И. Описание списков разрядных книг XVII в. //АЕ за 1972 г. 1974. С. 276-282.
- 25 Разрядная книга 1559-1605 гг. /Автор вступ. ст. и ред. В.И.Буганов. М., 1974.
- 26 Разрядные книги 1598-1638 гг. /Автор вступ. ст., ред. и один из сост. В.И.Буганов. М., 1974.
- 27 Там же. С. 4-5.
- 28 Там же. С. 12.
- 29 Разрядная книга 1637/1638 гг. /Автор предисл. и ред. В.И.Буганов. М., 1983.
- 30 Разрядная книга 1550-1636 гг. /Автор предисл. и ред. В.И.Буганов. М., 1975. Т. 1; М., 1976. Т. 2.
- 31 Буганов В.И. «Книги разрядные» («подлинники») 1613-1636 гг. //ИЗ. 1976. Т. 97. С. 290-303.
- 32 Буганов В.И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой трети XVII в. //Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 206-218.
- 33 Разрядная книга 1475-1605 гг. /Автор вводной ст. и ред. В.И.Буганов. М., 1977-1978. Т. 1. Вып. 1-3.
- 34 Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1981-1982. Т. 2. Вып. 1-3.
- 35 Там же. М., 1984-1989. Т. 3. Вып. 1-3.
- 36 Там же. М., 1994. Т. 4. Вып. 1.

В. И. БУГАНОВ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗРЯДНЫХ КНИГ

Когда заходит речь о разрядных книгах (далее р.к.), сразу вспоминается имя В.И.Буганова, внесшего, бесспорно, самый весомый вклад в дело их изучения. Его перу принадлежит единственное пока монографическое исследование, а также внушительная серия статей и публикаций, посвященных р.к. Основные подходы к проблеме, круг источников, методика и хронологические рамки исследований В.И.Буганова в области р.к. определились уже в его кандидатской диссертации, написанной под руководством академика М.Н.Тихомирова в 1954 г.¹

Нельзя сказать, что В.И.Буганов начинал свою работу на пустом месте. Дореволюционная отечественная историография уже имела в своем активе целый ряд источниковедческих работ и публикаций текстов р.к.² Вершиной изысканий дореволюционных историков можно считать исследования и публикации И.Д.Беляева³, П.Н.Милюкова, Н.П.Лихачева и С.А.Белокурова. Что касается р.к. с записями до начала XVII в., то была выработана и принята классификация, предполагавшая деление всей их совокупности на официальные и неофициальные (частные). Последние, в свою очередь, подразделялись на частные, компилятивные (частные разряды + выписки из летописей или частные разряды + официальный текст). П.Н.Милюковым был выделен и издан текст официальной р.к., т.н. «Государева разряда» (далее — ГР) с записями за 1475-1565 гг., а С.А.Белокуровым — комплекс разрядных записей за Смутное время⁴. Несколько ранее под эгидой 2-го Отделения Собственной е.и.в. канцелярии были изучены и опубликованы разрядные книги с записями за после-смутное время⁵.

В.И.Буганов, таким образом, возобновлял дореволюционную традицию изучения р.к. Обращение его к теме р.к.

происходило на фоне общего оживления источниковедческих исследований, наблюдавшегося в СССР с конца 40-х — начала 50-х гг. Это оживление вызвало и повышение интереса к источникам, работа с которыми рассматривалась в первые десятилетия Советской власти как удел развлечений дворянских и буржуазных историков. Р.к. использовались, в основном, лишь в исследованиях по внешнеполитической и военной истории допетровской России. Работы С.Б.Веселовского, активно разрабатывавшего сведения разрядных и родословных книг, писались «в стол» и были опубликованы гораздо позднее.

В 1949 г. при описании Эрмитажного собрания сотрудник ОР ГПБ Д.Н.Альшиц обратил внимание на один из списков р.к. (Эрм. № 390), в котором он после некоторого изучения опознал «официальную разрядную книгу московских государей». Тогда же он установил, что список ОР ГИМ. Щук. № 496 передает тот же текст. Подробность записей, их хронологический охват, а также наличие в тексте р.к. большого количества списков документов Разрядного приказа привели его к убеждению, что помимо ГР существовала еще одна, более полная официальная редакция р.к.⁶ О своем открытии Д.Н.Альшиц сообщил в докладе, прочитанном в секторе истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР 30 марта 1949 г.⁷ Несомненно, что В.И.Буганов, приступавший к работе с р.к., своевременно познакомился с основными положениями этого доклада.

За относительно небольшой промежуток времени молодому ученому путем кропотливой работы в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы и Ленинграда удалось выявить и систематизировать основной массив списков р.к. с записями за последнюю четверть XV — первую половину XVII в. В итоге им было привлечено около 280 списков в составе 205 рукописей и печатных изданий⁸. Всю совокупность текстов р.к. В.И.Буганов разделил на следующие редакции:

1. Пространная (частные и компилятивные р.к.), краткие (ГР) и Сокращенная I-я редакция (Разрядная книга 1559-1605 гг.), возникшие до 1613 г.

2. Пространные I («Дворцовые разряды») и II-е («Подлинники»), Краткая (ГР XVII в.) и Сокращенная II-я (Разрядная книга 1550-1636 гг.) редакции, возникшие после 1613 г.

3. Разряды переходного типа от достоверных к фальсифицированным и разряды фальсифицированные⁹.

В своей монографии, написанной на основе кандидатской диссертации, увидевшей свет в 1962 г., В.И.Буганов отказался от термина «Пространная редакция», заменив его на более нейтральный — «р.к. с древнейшими записями или древнейшие р.к.» Однако термин прижился в научной литературе и часто употребляется историками, главным образом, по отношению к т.н. Разрядной книге 1475-1605 г.

Главный вывод В.И.Буганова состоял в том, что не существовало никаких частных и компилятивных редакций р.к. Речь могла идти лишь о частных списках официальных редакций. Поэтому значительное место в работах ученого уделено той разновидности р.к., которую ранее относили к частным редакциям, т.е. «древнейшим книгам». Основываясь на сравнительном анализе всех известных ему списков с текстом до начала XVII в. (173 списка в 140 рукописях), В.И.Буганов пришел к заключению, что подобные р.к. содержат древнейшие по происхождению и более полные по составу (по сравнению с ГР) записи, не дошедшей до нас в полном виде официальной Пространной редакции или Книг с древнейшими записями. Эта редакция, по его мнению, велась регулярно в отличие от ГР, составлявшегося в XVI в. задним числом за отдельные царствования, но сохранилась исключительно в составе многочисленных частных списков.

Начало ведения р.к. с древнейшими записями Буганов относил к концу XV — началу XVI в. или несколько позже. По крайней мере, как полагал исследователь, они уже существовали к середине XVI в. Упоминания о древнейших книгах в источниках той эпохи он видел под названиями «нарядов служебных», «служебных книг», а во второй половине XVI в. — «больших книг», «книг в Разряде». Частные списки, в составе которых, по мнению ученого, сохранилась эта редакция, передают ее текст по разному, более или менее полно, содержат фамильные записи, перестановки из одного

года в другой, а иногда и фальсификации. Но большинство записей является в сущности официальным текстом Книг с древнейшими записями. Инициатива переписки официального текста таких книг принадлежала частным фамилиям, хотя частные вставки, как полагал В.И.Буганов, занимают незначительное место. Вместе с тем ученый допускал, что некоторые дворянские роды вносили по памяти в имевшиеся у них р.к. записи о службах своих представителей, составляя выписки из разрядов¹⁰.

Все известные списки р.к. с древнейшими записями он разделил на три группы:

1) Списки, в том числе отрывки, заключающие в своем составе летописную компиляцию или отрывки из нее с 1375 по 1475 г. и далее разрядные записи за последнюю четверть XV — начало XVII в. с выписками из летописей до середины XVI в.

2) Списки, в том числе отрывки, состоящие из разрядных записей, начинающиеся с последней четверти XV в. В них отсутствует летописная компиляция с 1375 по 1475 г., но имеются выписки из летописей за последующий период. Сюда же включены рукописи с более или менее полным текстом, начинающиеся с первой половины, середины или второй половины XVI в.

3) Списки, в том числе отрывки, начинающиеся с конца XV в., но без летописных вставок.

Всего В.И.Буганов учел 121 список и одно печатное издание¹¹. Некоторые из списков внутри указанных групп, как отмечал Виктор Иванович, имеют характерные особенности, сближающие их и позволяющие говорить о своеобразных семействах списков или изводах (например, изводы кн. Д.М.Пожарского, Квашниных-Бутурлиных, Кольчевых, Болтиных и др.). Отличительные особенности списков этих изводов В.И.Буганов видел в особом внимании к службам определенных фамилий и, как следствие, ярко выраженном сходстве в передаче текста, общих вставках. Детальной группировкой всего массива списков по семействам, изводам и т.п. он не занимался, обозначая такую работу в качестве перспективы на будущее¹².

По части исследования истории составления и бытования ГР В.И.Буганов завершил поиск и атрибуцию текстов этих официальных р.к., начатые П.Н.Милюковым. Он выделил ГР 1584, 1585 (две редакции), 1598 и 1604 гг.¹³ Таким образом, тезис П.Н.Милюкова о том, что эта р.к. составлялась задним числом по окончании каждого царствования, нашел свое подтверждение и реальное наполнение конкретным материалом. Буганов подробно рассмотрел структуру и состав записей этой разновидности р.к. и ее отдельных редакций. Ему удалось обнаружить фрагмент черновика ГР 1598 г. из делопроизводства Разрядного приказа, что позволило с большой степенью достоверности судить об источниках и способе составления официальной р.к. в конце XVI в.¹⁴

В.И.Буганов отдельно остановился на редакциях, названных им «сокращенными». В результате анализа списков р.к., изданной в свое время Д.А.Валуевым¹⁵, он пришел к выводу, что они представляют сокращенный текст Книг с древнейшими записями за период с 1559 по 1605 г. В то же время исследователь выявил в тексте этой р.к. целый ряд сведений, отсутствующих в списках «древнейших книг». По мнению В.И.Буганова, эта редакция была составлена в начале XVII в. в средних слоях служилого сословия. Ее составители (возможно ими были Кикины) преследовали цель создать р.к., более удобную для практического использования вместо больших по объему «древнейших книг»¹⁶.

Другую, впервые выделенную им «сокращенную» редакцию, В.И.Буганов назвал РК 1550-1636 гг. По его мнению, записи этой редакции в целом представляют сокращенное изложение «древнейших книг». Здесь также имеется целый ряд оригинальных и отсутствующих в других р.к. сведений. Как полагал историк, РК 1550-1636 гг. является источником официальным, составленным скорее всего в Разрядном приказе. В подборе и структуре ее записей чувствуется стремление составителей сгруппировать сведения по отдельным темам, что отличает эту редакцию как от РК 1559-1605, так и от «древнейших книг»¹⁷.

РК 1550-1636 гг. в исследованиях В.И.Буганова служила как бы мостиком, связывающим его представления о состав-

лении и бытовании р.к. в XVI и XVII в. Ученый совершенно обоснованно полагал, что р.к. с записями за последнюю четверть XV – начала XVII в. неразрывно связаны с р.к. XVII в. как своими источниками, так и происхождением, и поэтому должны изучаться в комплексе вместе с ними. Исходя из этой посылки, продолжение «древнейших книг» в XVII в. Виктор Иванович видел в т.н. «дворцовых разрядах», а ГР в «перечневых» р.к., недошедших до нас и известных по сведениям описей Разрядного приказа¹⁸. Вместе с тем историк отмечал, что в делопроизводстве Разряда XVII в. появляется новая разновидность официальных р.к., известных под названием «подлинников». Ему удалось также обнаружить текст первых «подлинников» за 1613-1614 гг., в свое время перекочевавших из Разрядно-Сенатского архива в собрание гр. Уварова (ОР ГИМ) и оставшихся неизвестными публикаторам середины XIX в. В.И.Бугановым был атрибутирован и детально изучен другой список «подлинника», на этот раз за 1637/38 г., хранящийся в коллекции Барсукова (ОР РГБ)¹⁹.

В работах В.И.Буганова, посвященных р.к., использовалась и получила свое дальнейшее развитие методика работы с этой разновидностью источников, выработанная на основе опыта нескольких поколений его предшественников. Исследования В.И.Буганова отмечены прежде всего стремлением учесть и привлечь все известные списки р.к. Ученый не останавливался на достигнутом, а продолжал археографические поиски в архивохранилищах Москвы и Ленинграда, музеях и библиотеках областных центров. Так, уже после написания кандидатской диссертации им были выявлены новые списки р.к. во Владимирском и Ярославском краеведческих музеях, Отделе редкой книги Кировской областной библиотеки, Отделе редких изданий и рукописей Одесской научной библиотеки им. А.М.Горького. Узнав о существовании в Вюртембергской земельной библиотеке г. Штутгарта (ФРГ) неизвестного ему списка публиковавшейся им р.к., В.И.Буганов оперативно заказывает его микрофильм. Очередной том с текстом РК 1475-1605 гг. вышел уже с археографическим описанием этой рукописи, а ее разночтения были подведены в вариантах к основному тексту²⁰.

Определяя время создания различных редакций р.к, их состав, содержание, степень отражения в них первоисточников, а также выясняя взаимоотношения между отдельными списками и редакциями, ученый использовал выборочное сопоставление записей за отдельные годы на протяжении всего исследуемого периода. В частности, специальный раздел в его монографии посвящен сопоставлению «древнейших книг» с ГР. Сопоставление проводилось методом «шурфов» за годы, отстоящие друг от друга на 10-15-20 лет. Это правило иногда не соблюдалось, когда имелась возможность сверить росписи р.к. с подлинными документами Разрядного приказа, или в тех случаях, когда материал сравниваемых редакций казался исследователю наиболее подходящим для этого.

Для тех же целей часто привлекались данные летописей, сохранившегося делопроизводства Разряда и местнических дел. Так, сопоставление текста летописи и «древнейших книг» позволило В.И.Буганову установить, что некоторые записи р.к. до 1475 г. представляют позднейшую переработку летописных статей под разрядные росписи и наоборот, в летописных статьях за первую половину XVI в. можно обнаружить использование документов Разряда. Летописи привлекались В.И.Бугановым и в качестве контрольного источника при сравнении между собой росписей различных редакций р.к. С другой стороны, взаимоотношения текстов «древнейших книг» и ГР прослеживаются им с подключением чернового разряда похода в Ливонию 1580 г. из архива Разрядного приказа. Это позволяет наглядно представить, какой материал вошел в тексты обеих разновидностей р.к., а что было отброшено их составителями и редакторами²². Следует отметить, что источникам р.к. В.И.Буганов посвятил отдельную статью, в которой подробно разобраны виды разрядной и иной документации, характер ее использования и переработки в различных редакциях р.к.²³

Подобная методика позволила В.И.Буганову выявить как характерные черты основных разновидностей р.к., так и то общее, что их объединяет. По его мнению, «древнейшие книги», которые велись и пополнялись регулярно, более

близки к разрядным первоисточникам. В них подробнее по сравнению с ГР освещаются различные события, а сведения о приемах и отпусках послов, пожалованиях в чины, «столах» в последнем вообще отсутствуют. Записи в «древнейших книгах» располагаются в хронологической последовательности, в отличие от тематическо-хронологической в ГР. В.И.Буганов считал, что им свойственна большая подробность и точность в датировке событий, идущая от подлинных разрядных первоисточников. Обе разновидности р.к., а также «сокращенные» редакции имеют много общих записей. Как полагал ученый, это вызвано тем, что «древнейшие книги» послужили основой при составлении остальных редакций р.к.

Итогом многолетней работы В.И.Буганова по источниковедческому изучению р.к. стали публикации их текстов, осуществленные непосредственно им самим или под его редакцией. Все они выполнены на должном для своего времени археографическом уровне с привлечением максимально возможного количества списков. «Древнейшие книги» изданы Виктором Ивановичем по тексту т.н. РК 1475-1605 гг., списки которой он считал наиболее исправными и полными²⁴. Текст ГР был издан полностью за 1475-1605 гг., причем впервые увидели свет записи за 1566-1605 гг. (если не считать публикации ГР 1585 за 1556-1585 гг. в «Древней российской вивлиофике» Н.И.Новикова, ставшей ныне библиографической редкостью)²⁵. Были также опубликованы РК 1559-1605 гг. (с привлечением двух новых списков по сравнению с публикацией Д.А.Валуева) и выделенная В.И.Бугановым РК 1550-1636 гг. («сокращенные» редакции)²⁶, тексты найденных им «подлинников» за 1613-1614, 1637/38 гг. и фрагмент р.к. за 1637/38 г. (предполагаемый ГР XVII в.)²⁷.

Помимо названных публикаций необходимо упомянуть и о том, что В.И.Бугановым из состава р.к. извлечены и изданы отдельные интересные документы, повести, сказания, прочно вошедшие после этого в научный оборот²⁸. В творческом наследии ученого имеются статьи и публикации, определяющие место р.к. среди других источников по истории России XV-XVII вв. Некоторые из них написаны с це-

лью популяризации сведений, сообщаемых р.к., для ознакомления с ними учащихся и студентов²⁹.

Работы В.И.Буганова по изучению и публикации р.к. составляют определенный рубеж, после которого началось интенсивное использование известий р.к. в многочисленных исследованиях по истории России XV-XVII вв. Они же стимулировали и дальнейшую разработку р.к. как исторического источника. Выявленный ученым корпус списков р.к., а также публикации их текстов создали необходимые условия для широкого текстологического обследования, систематизации и более углубленного изучения многочисленных и больших по объему р.к. В.И.Буганов признавал проблемность «пространной редакции» р.к. и необходимость детальной группировки ее списков на основе текстологии. Тексты всех изданных им р.к. были выделены именно по этому признаку.

Не все специалисты, как уже отмечалось выше, разделяют отдельные положения концепции р.к., разработанной В.И.Бугановым. Однако среди них вряд ли найдется тот, кто не пользовался подготовленными им археографическими обзорами и публикациями, не читал его статей, раскрывающих богатство и разнообразие сведений, содержащихся в р.к. Именно в этом, как мне кажется, и кроется главная заслуга В.И.Буганова, исследователя и издателя разрядных книг.

¹ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVI в. как исторический источник. Канд. дисс. М., 1954. (Машинопись); то же. Автореф. канд. дисс. М., 1955 (далее – Разрядные книги. Автореферат).

² *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. (Далее: Разрядные книги). С. 5-21.

³ Свообразной данью памяти И.Д.Беляеву и его вкладу в дело изучения и издания р.к. явилась публикация В.И.Бугановым проекта издания частных р.к. в 1854 г. (*Буганов В.И.* «Записка» И.Д.Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 236-241).

⁴ *Милюков Н.П.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 год включительно. М., 1901; Разрядные записки за Смутное время, собранные С.А.Белокуровым. М., 1907.

- 5 Дворцовые разряды. СПб., 1850-1855. Т. 1-4; Дополнение к Т. 3 Дворцовых разрядов. СПб., 1854; Книги разрядные. СПб., 1853-1855. Т. 1-2.
- 6 *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 21-23.
- 7 *Альшиц Д.Н.* Разрядная книга московских государей XVI в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 132.
- 8 *Буганов В.И.* Разрядные книги. Автореферат. С. 8. Впоследствии им были опубликованы следующие археографические обзоры: Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // Проблемы источниковедения. 1958. Вып. VI. С.152-219; Описание списков разрядных книг XVII в. // АЕ за 1972 г. М., 1974. С. 276-282.
- 9 *Буганов В.И.* Разрядные книги. Автореферат. С. 8-12.
- 10 *Буганов В.И.* Разрядные книги. С. 27, 99-165. Следует отметить, что некоторые положения концепции «пространной редакции» или Книг с древнейшими записями не нашли полного признания у историков. Она подверглась критике с двух крайне противоположных точек зрения. Д.Н.Альшиц критиковал Буганова за отказ видеть хотя бы в некоторых списках «древнейших книг» официальный текст в чистом виде. Сам он не находил в РК 1475-1605 ни частных вставок, ни перестановок разрядов из года в год (*Альшиц Д.Н.* Об официальном характере «Книги разрядной великих князей и государей московских // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 64-68). Л.В.Милов, принимая в целом концепцию В.И.Буганова, все же признает существование частных редакций р.к. (*Милов Л.В.* Рец.: Буганов В.И. Разрядные книги посл. четв. XV — нач. XVII в. // ВИ. 1963. № 6. С. 132-133). Представитель другого подхода в изучении р.к. Ю.Н.Мельников полагает, что сведений о существовании в XVI в. какой-либо иной, кроме ГР, официальной редакции нет. Он видит даже в лучших списках Книг с древнейшими записями компиляции частного происхождения. Среди источников этой компиляции им был обнаружен ГР редакции 1585 г. (*Мельников Ю.Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-х гг. XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1979. С. 10-11).
- 11 *Буганов В.И.* Обзор списков р.к. С. 152-219; *он же.* Разрядные книги. С. 25.
- 12 *Буганов В.И.* Разрядные книги. С. 29.
- 13 *Буганов В.И.* Разрядные книги. Автореферат. С. 5-12; *он же.* «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // ИСССР. 1957. № 5. С. 220-231; *он же.* Редакции «Государева разряда» 1585 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961. С. 242-246; *он же.* «Государев разряд» 1584 г. по списку БАН СССР // Труды БАН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. 1961. Т.5. С.167-174; *он же.* Разрядные книги. С. 166-221; *он же.* Введение // Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966. С. 3-8.
- 14 *Буганов В.И.* Разрядные книги. С. 204-205.

- 15 Разрядная книга 7067-7112 гг. // Симбирский сборник. Т. 1. М., 1844. С. 1-154.
- 16 *Буганов В.И.* Разрядные книги. Автореферат. С. 11; *он же.* Сокращенная редакция разрядных книг 1559-1605 гг. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 88-101; *он же.* Разрядные книги. С. 229-239. Ю.Н.Мельников, посвятивший исследованию РК 1559-1605 гг. отдельную статью, считает ее сборником местнических памятней частного происхождения, составленным в свою очередь из нескольких сборников подобного же состава и содержания. Росписей, восходящих к делопроизводству Разрядного приказа в ее составе он почти не обнаруживает (*Мельников Ю.Н.* Источники и происхождение Разрядной книги 1559-1605 гг. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1987. Вып. XIX. С. 69-93).
- 17 *Буганов В.И.* Сокращенная редакция разрядных книг 1550-1636 гг. // *Проблемы источниковедения.* М., 1961. Вып. IX. С. 270-279. С точки зрения Ю.Н.Мельникова, эта р.к. представляет собой компиляцию из источников как частного, так и официального происхождения, составленную человеком, имевшим доступ к делопроизводству Разрядного приказа, но выполнявшим частный заказ. Среди источников компиляции этот исследователь обнаружил текст ГР, дополнявшийся и редактировавшийся частным редактором. *Мельников Ю.Н.* Местничество и политическая борьба. Канд. дисс. М., 1979. (Машинопись). Л. 318-337.
- 18 *Буганов В.И.* «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 252-258; *он же.* «Государев разряд» первой половины XVII в. // *Проблемы источниковедения.* М., 1959. Вып. 8. С.361-371. Новейший исследователь р.к. с записями за XVII в. К.В.Петров считает мнение о существовании ГР после 1613 г. необоснованным. Фрагмент с текстом за 1637/38 г. он рассматривает как черновой вариант «подлинника» 1637/38 г. Термин «перечневые книги» атрибутируется им р.к. типа «дворцовых разрядов» (*Петров К.В.* Разрядные книги XVII в. Источниковедческое исследование. Автореф. канд. дисс. СПб., 1996. С. 15-17).
- 19 *Буганов В.И.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613-1636 гг. // *ИЗ.* 1976. Т. 97. С. 290-303; *он же.* Новый список разрядной книги («подлинника») 1637/38 г. в фондах ГБЛ СССР им. В.И.Ленина // *Записки ОР ГБЛ.* М., 1986. Вып. 45. С. 5-10.
- 20 Разрядная книга 1475-1605. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 3-4 (список кн. Хованских).
- 21 *Буганов В.И.* Разрядные книги. С. 131-156.
- 22 Там же. С. 146-149.
- 23 *Буганов В.И.* Источники разрядных книг последней четверти XV – начала XVII в. // *ИЗ.* 1965. Т. 76. С. 217-218.
- 24 Разрядная книга 1475-1605 гг. М., 1977-1994. Т. 1. Ч. 1-3; Т. 2. Ч. 1-3; Т. 3. Ч. 1-3; Т. 4. Ч. 1. Издание остается незаконченным. Л.Ф.Кузьминой подготовлена к печати последняя, 2-я часть 4-го

- тома. См. также: *Буганов В.И.* Разрядная книга Д.М.Пожарского // Записки ОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 90-101; *он же.* Разрядные книги. С.28.
- 25 Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966; Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974.
- 26 Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1975-1976. Т. 1-2.
- 27 Разрядные книги 1598-1638 гг. С. 180-313, 326-334; *Буганов В.И.* Засечная книга 1638 г. // Записки ОР ГБЛ. М., 1960. Вып. 23. С. 181-253; Разрядная книга 1637-1638 гг. М., 1983.
- 28 *Буганов В.И.* Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова: (Записи в разрядной книге) // Записки ОР ГБЛ. М., 1957. Вып. 19. С.167-184; *он же.* Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву 1595 г. (Из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в.) // Записки ОР ГБЛ. М., 1958. Вып. 20. С. 177-185; *он же.* Документы о Ливонской войне // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 264-272; *он же.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 259-275; *он же.* Послание Ивана Грозного 1573 г. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 221-223; *он же.* «Взятье Полоцкое Литовской земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки ОР ГБЛ. М., 1969. Вып. 31. С. 35-49.
- 29 *Буганов В.И.* Разрядные книги как памятник русской культуры // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 6. С. 105-111; *он же.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV — первой половине XVII в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 206-218; *он же.* Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII в. Уч. пособие. М., 1959. (Ротапринт); *он же.* Описание похода на Югорскую землю в 1499-1500 гг. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 599-600; *он же.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Хрестоматия по истории СССР XVI-XVII в. М., 1962. С. 182-185.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ*

Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение неразрывно связаны. До недавнего времени в этом никто из историков не сомневался, о чем свидетельствовали многочисленные конференции, симпозиумы и прочие совещания ученых по источниковедению, в повестке дня которых неизменно присутствовали и проблемы вспомогательных исторических дисциплин. Им (причем чаще всего речь шла о комплексе, в который включались от 40 до 80 наименований) присваивалось название источниковедческие, специальные, дисциплины источниковедческого плана и т.д.¹ Виднейшие отечественные историки, среди которых А.А.Зимин, Л.В.Черепнин, В.Л.Янин, С.М.Каштанов, С.О.Шмидт, считали для себя обязательным высказать суждение о важнейших, с их точки зрения, направлениях развития вспомогательных исторических дисциплин. В.И.Буганов также неоднократно обращался к данной проблематике, признавая значимость этих исторических дисциплин в контексте источниковедческого исследования в целом, а также — конкретного развития каждой из них.

Став во главе Сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода в 1975 г. и сразу же определив направление его работы, В.И.Буганов не исключил вспомогательные исторические дисциплины из общего плана деятельности руководимого им сектора, а напротив, акцентировал внимание на важности их разработки. Об этом он пуб-

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (грант № 97-01-00567). В основе статьи лежат два доклада, прочитанные на конференциях памяти В.И.Буганова, проведенных в октябре 1997 и 1998 гг. Центром по изучению и публикации источников ИРИ РАН по теме: «Проблемы публикации источников в Российской Федерации. 1991-1998 гг.».

лично заявлял как на источниковедческих конференциях², так и на страницах научных журналов³, подчеркивая: вспомогательные исторические дисциплины изучают те же исторические источники, что и источниковедение, но — разновидности этих источников, или же исследуют источники под определенным углом зрения. Вспомогательные исторические дисциплины были включены в приоритетные источниковедческие программы вновь созданного сектора. Причем Буганов как его руководитель не акцентировал внимание на какой-то «главной» группе источников, хотя известны его пристрастия к летописям или разрядным книгам. Он не делил источники на более значимые и менее значимые, ибо как истинный историк и источниковед осознавал всеобъемлющую роль источника в историческом исследовании, при решении самых разных проблем, к которым сам, на первый взгляд, не имел прямого отношения.

В своих программных выступлениях и статьях о задачах источниковедения В.И.Буганов выделял ряд тем и проблем, которые, по его мнению, требовали целенаправленной разработки. В частности, он указывал на необходимость составления справочников по филиграням, сетовал на недостаточность разработки метрологии и хронологии, на неопубликованность указателя по палеографии (составленного В.Павловым-Сильванским), на отсутствие справочных библиографических работ по вспомогательным историческим дисциплинам. Особенно важной для него казалась генеалогия и он ратовал за публикацию генеалогических источников — основных редакций родословных книг, росписей родов, поданных в Разрядный приказ в конце XVII в., семейных архивов. «Хорошо бы, — также замечал Буганов, — издать печати XIV-XVI вв., хотя бы псковские и московские. Восковые печати ветшают, их издание насущно необходимо. Совершенно не изучены изображения на так называемых «личных печатях» XIV-XVI вв.»⁴.

Это были не только абстрактные пожелания, но и вполне конкретные действия по осуществлению «задумок». В 1975 г. Виктор Иванович написал предисловие, являясь ответственным редактором, к сборнику статей «Историческая геогра-

фия России XII — начала XX в.» (М., 1975), и рецензию на книгу Б.А.Рыбакова «Русские карты Московии конца XV — начала XVI в.» (М., 1975 // Преподавание истории в школе. Вып. 5, 1975. С. 114-116), показав себя знатоком исторической географии. Через несколько лет он вернулся к данным сюжетам: в 1981 г. — он ответственный редактор и автор предисловия к сборнику «Историческая география России XVIII в.» (Ч. 1-2. М., 1981), в 1985 г. — ответственный редактор книги В.Л.Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII-XV вв.» (М., 1985).

Интересовали В.И.Буганова филигранные (автор предисловия к работе «Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ». М., 1980), палеографические исследования (при его участии и поддержке был опубликован сборник «История и палеография» Ч. 1-2. М., 1993), хронология (статья о древнерусском календаре в газете «Вечерняя Москва», 1971, 25.XII; Рец на книгу: Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М., 1981// СА, 1982, № 6), ономастика (редактирование и вступительная статья к книге С.Б.Веселовского «Ономастикон: имена, прозвища, фамилии Древней Руси». М., 1974), нумизматика (оппонировал диссертации), фалеристика.

Однако особое внимание В.И.Буганов уделял тем вспомогательным дисциплинам, которые разрабатывали сотрудники сектора. Под его руководством и при научном редактировании опубликован коллективный справочник «Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в.» (М., 1981). Он принимал участие в редактировании сборника «История и генеалогия» (М., 1977). Буганов являлся ответственным редактором книг А.И.Аксенова по генеалогии российского купечества (1988, 1993), подготовленных в руководимом им подразделении, а также — книг Н.А.Соболевой по геральдике и сфрагистике (1981, 1985, 1992). Проявляя неформальный интерес к вышеназванным «редким» дисциплинам и всячески способствуя их разработке, В.И.Буганов считал необходимым пропагандировать труды специалистов своего подразделения, печатая рецензии на их работы в различных изданиях⁵. Благодаря В.И.Буганову

как руководителю источниковедческого подразделения плодотворно в научном отношении сложилась судьба «разработчиков» ряда вспомогательных исторических дисциплин. Он поощрял и способствовал публикациям многочисленных рецензий, отзывов на ряд учебных пособий и монографических изданий по вспомогательным историческим дисциплинам, превратив руководимый им сектор, а затем источниковедческий Центр, в такое научное подразделение ИРИ РАН, где вспомогательные исторические дисциплины эволюционировали в контексте развития источниковедения в целом.

С начала 90-х гг. происходят заметные изменения в оценке подходов к изучению источников, о чем свидетельствуют результаты конференций памяти В.И.Буганова. Вспомогательные исторические дисциплины на современном этапе (1990-1998 гг.) также претерпевают в своем развитии своеобразное перепрофилирование. Это касается прежде всего выбора тематики исследования, ее значительного расширения и «приземления».

На смену научным дискуссиям о структуре взаимоотношений вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения, взаимодействия отдельных дисциплин между собою, «отпочкованиях» и интеграции, методике исследования, т.е. интереса к вопросам теоретического плана, характерным для этой области знаний в 70-80-е гг., пришли сугубо практические, «сепаратные», конференции. Имеются, правда, исключения. Среди последних можно назвать, например, научную конференцию «Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации», проведенную в Российском государственном гуманитарном университете в 1994 г. Судя по опубликованным тезисам (М., 1994), конференцию можно охарактеризовать как типичное вузовское совещание, прокламирующее, с довольно эклектичной трактовкой методики исследования.

Как правило, следствием, а одновременно и причиной, вышеуказанных тематических конференций, является высокий уровень развития обсуждаемой дисциплины. Действительно, ряд традиционных вспомогательных исторических

дисциплин в настоящее время проявил себя в издании как теоретических трудов, так и в публикациях источников, например, историческая география, где публикация карт и чертежей, публикация справочников (Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV-XVIII вв. М., 1992; Кусов В.С. Чертежи земли Русской XVI-XVII вв. Каталог-справочник. М., 1993; Старков В.Ф. О новой карте Московии, 1525 г. // Отечественные архивы. 1994. № 4) соседствует с научными исследованиями типа: Янин В.Л., Бассалыго Л.А. «Пусторжевская земля в XV в.: территория и границы...», «Великолукская земля в XV в.» (Отечественная история. 1993. № 5; 1995. № 6) и изданием архивных материалов (например: Плигузов А.И. «Текст — Кентавр о сибирских самоедах» М., 1993; Васильев Ю.С. «Дозорная книга посада Вологды» — наиболее раннее из известных дошедших до настоящего времени описаний Вологды начала XVII в. — Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995; и др.).

Историческая география в какой-то мере по интересу к ней уступает первенство исторической демографии, где тоже можно назвать целую серию работ от проблемных (Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1994) до энциклопедических изданий (Народонаселение России. Энциклопедический словарь. М., 1994; Народы России. Энциклопедия. М., 1994).

Топонимика и ономастика в целом идут в ногу со временем. Наряду с переизданием таких известных работ, как словарь Унбегана, выпускаются новые, например, Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. «Словарь русских личных имен». (М., 1995); Никонов В.А. «Словарь русских фамилий» (М., 1993). Очень много работ по этим дисциплинам выходит в провинции: Чайкина Ю.И. «Вологодские фамилии». (Вологда, 1995); «Родные сердцу имена. Ономастика Карелии». (Петрозаводск, 1993).

Несомненный интерес ономастика и топонимика вызывают у местной интеллигенции не только русского, но и других народов России, о чем говорит выпуск работ в местных издательствах: Байрамкулов А.М. «К истории аланской

ономастики и топонимики» (Черкасск, 1995); Ионова С.Х. «Абазинская топонимика» (Черкасск, 1993).

«Не убывают» также нумизматические труды, в которых, естественно, превалирует публикация источника, будь то описание клада или же сводки кладов, корпуса монет (античные монеты). Подобные работы свойственны прежде всего центральным нумизматическим учреждениям (ГИМ, Эрмитаж), однако, они имеют весьма обширную географию — от Севера до Юга России (Прокопенко Ю.А. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкессии // Из истории Ставропольского края. Сб. Ставрополь, 1995; Быков А. Памятники нумизматики в музеях Вологодской области (XVI-XVII вв.). Вологда. Ч. 1-2, 1992; Клады земли ярославской. Ярославль, 1995).

Прекрасны нумизматические переиздания источников: Орешников А.В. «Русские монеты до 1547 г.» (М., 1896. Переизд. М., 1996). К нумизматике, как известно, относятся бумажные денежные знаки, медали, ордена советские, русские, теперь выделены награды белого движения, иностранные ордена, бонны, современные деньги. По всем этим разделам в настоящее время имеется многочисленная справочная литература.

Наряду с традиционными дисциплинами, к которым относятся как пример вышеназванные, можно отметить всплеск интереса к отдельным знаниям, обусловленный социально-политическими сдвигами в нашем обществе. Это в первую очередь иконография. В этой области опубликованы ряд работ обобщающего характера (Бобров Ю.Г. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб., 1995; Искусство Древней Руси: проблемы иконографии. М., 1994), а также — статей, посвященных отдельным произведениям иконописи, истории их появления, как правило, это сопровождается публикацией памятника, изучением иконостасов ряда храмов (Пуцко В.Г. Древние храмовые иконы Успенского собора в Великом Устюге (генезис иконографии); К.Онаш. Иконостасы Великого Устюга. Публикация обеих работ: Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1991).

К новым направлениям можно отнести колоколоведение, которое включает в себя описание колоколов по архивным

данным, их техническую и технологическую разработку (описание производства), публикацию нот колокольного звона, исторически прослеженные судьбы звонарей и т.д. (см., например: Колокола и колокольни Ростова Великого. Сообщения Ростовского музея. Вып. VII. Ярославль, 1995; Колокола России. Альбом. М., 1995).

Трудно сделать обзор всей вышедшей литературы по вспомогательным историческим дисциплинам. Это десятки работ, публикаций архивных источников из центральных и местных архивов.

Расширение и изменение тематики работ, отражающих проблемы вспомогательных исторических дисциплин, происходит в рамках реорганизации направленности исторического исследования, а именно, все усиливающегося приоритета исторического краеведения. В результате в современной историографии наличествуют многочисленные издания с местной тематикой, охватывающие огромные пространства от Владивостока до Калининграда и от Архангельска до Кубани, Ставрополя. В этих краеведческих сборниках статей, альманахах, журналах публикуются материалы по вспомогательным историческим дисциплинам, публикуются источники, обнаруженные в местных архивохранилищах. Следует отметить, что в изданиях Вологодской области, некоторых региональных изданиях Нечерноземья публикация источников выполнена на самом высоком археографическом уровне.

В целом, выпуск подобных трудов можно оценить как положительное явление в историографии. Однако уровень многих публикаций снижается из-за местных амбиций, проявляющихся при характеристике собственной деятельности, неадекватной оценки подобной работы «в центре», зачастую непрофессионализма, подмены научного подхода новациями, прикрытыми «альтернативным» взглядом на проблему или флером патриотизма.

Так, в издающемся в Пензе альманахе «Земство» Л.В.Расказова в статье «Корни и ветви: размышления о краеведческой генеалогии», ратуя абсолютно правильно за исследование местных архивов, в частности, документов дворянских депутатских собраний, подчеркивая заинтересованность в

них краеведов, пишет: «До столичных академических изданий им (краеведам — *Н.С.*) было не дотянуться, да в них (академических изданиях) генеалогическая тема не стала популярной. Поколенные росписи, даты, описи владений, формулярные списки оставались невостребованными и перестали изучаться»⁶. Это не так. Давно уже в «академических» трудах все эти типы документов присутствовали, как и сама генеалогическая тема.

Другой пример. В журнале «Идель» (1994, № 11/12) опубликована статья Фаизова (С. Фаиз) «Тугры — гербы крымского ханского двора», в которой утверждается вопреки всем отечественным и западноевропейским исследованиям, вопреки, без сомнения, известным автору трудам историков «центра» о гербах, что русские цари посылали и принимали тугры в качестве гербов крымских ханов. Данные домыслы выдаются за новшество, публикуются рисунки разных видов тугры, и это при том, что известно: графическим, художественным признаком герба является гербовый щит, с изображенной на нем фигурой. Подобные примеры можно продолжить.

Означенные «новые веяния» в значительной степени коснулись двух дисциплин, получивших научную разработку в последние годы в стенах ИРИ РАН — генеалогии и геральдики. В настоящее время они больше, чем какая-либо другая вспомогательная историческая дисциплина, пользуются вниманием в российском обществе. Однако научный интерес предшествующих двух десятилетий, который пришел на смену определенной недооценке «неактуальных» генеалогии и геральдики и результатом которого явились монографические исследования по данным дисциплинам, уступил место практике составления родословий и гербов (личных, корпоративных, учрежденческих и т.д.). Интерес к геральдике и генеалогии в настоящее время «отражает не только просыпающуюся историческую память, но и... некоторые реорганизационные и корпоративные процессы в современном российском обществе»⁷. Эти процессы влияют на становление многочисленных генеалогических обществ, дворянских и купеческих объединений, ассоциаций гербовладельцев, всевозможных геральдических союзов и обществ любителей

генеалогии и геральдики. Многие из них обладают собственными печатными органами, личными малыми издательствами и проч. Поэтому печатной продукции по названной тематике великое множество.

Несомненно, среди этих изданий имеются вполне научные, где печатаются статьи и публикации источника, подготовленные профессионалами-историками. Можно назвать серийные издания: «Историческая генеалогия» (Екатеринбург), «Река времен» (Москва), «Архив русской истории» (Москва), «Из глубины времен» (Санкт-Петербург), где помещены великолепно подготовленные научные публикации по генеалогии. Нельзя оставить без внимания целую серию книг француза Ж.Феррана, о русских дворянских родах «в лицах» с публикацией многочисленных фотографий, представленных потомками известных фамилий⁸. Исследователи российских дворянских родов вряд ли обойдутся без фундаментальных работ сотрудников Российского государственного архива древних актов (Эскин Ю.М. Местничество в России XVI-XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994; Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в., М., 1996). Но все же основное место среди работ с генеалогической тематикой занимают росписи и родословия, представляющие собой лишь самую первую ступень научного генеалогического исследования. При подобном подходе последующие ступени, кстати, могут и не появиться, и увлечение генеалогией остановится на уровне любительства.

Если генеалогию захлестывает волна составления родословий, то в геральдике приоритетным является создание гербов. Государственная и территориальная геральдика в настоящее время регламентируются официальными нормами (за этим наблюдает специальная Геральдическая служба при Президенте России — Консультативный совет). Составление же личных, корпоративных гербов, гербов учебных заведений и т.д. полностью отдано на откуп преимущественно дилетантам, ибо утерянное после 1917 г. герботворчество восстанавливается с трудом. В какой-то мере любительские издания: «Гербовед» (орган Русской геральдической коллегии), «Герольд» (Альманах гильдии геральдистов и гербовладель-

цев) способствуют возрождению геральдического искусства — там публикуются неплохие рисунки гербов, воинских эмблем и других знаков. Однако любительские статьи по истории гербов, содержащиеся в этих изданиях, не способствуют развитию геральдики-науки.

Интерес к старым гербам породил многочисленные переиздания отечественной литературы по геральдике. Переиздана работа А.Б.Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855. Переиздан.: М., 1990), «Общий гербовник дворянских родов Российской империи», т. 1-3 (СПб., 1992-1993), «Малороссийский гербовник» В.К.Лукомского и В.Л.Модзалевского (Киев, 1993), ряд работ В.К.Лукомского и др.

Научных изданий по геральдике, тем более монографического плана, однако, не прибавляется. В последние годы начал активно функционировать Центр гербоведческих и генеалогических исследований в Институте всеобщей истории РАН, где предпринимаются попытки развивать именно научное направление в исследовании гербов, печатей, знамен и т.д. Центр выпустил специальный научно-информационный бюллетень⁹. Думается, что доклады, прочитанные на заседаниях Центра, их творческое обсуждение могут составить серьезную базу для развития научного геральдического знания.

Проблемная постановка вопроса о публикациях источников, появившихся в отечественной историографии в период с 1990 по 1998 г., в отношении вспомогательных исторических дисциплин выглядит в действительности не слишком корректно. Ибо почти любое исследование в этой области обуславливается наличием каталога, корпуса, изобразительного ряда и т.д. Тем не менее издание письменных источников в ряде случаев является приоритетным по сравнению с публикацией предмета исследования той или иной вспомогательной дисциплины.

Приведу некоторые примеры. Н.П.Лихачев, известный специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, в частности сфрагистики, исследовавший, как известно, металлические буллы, написал несколько работ и по воскомастичным печатям, естественно с их публикацией.

Хотя исследований о воскомастичных печатях в России было мало, и Лихачев, казалось бы, мог публиковать любую встретившуюся ему печать, он прекрасно понимал, что нельзя составить реальную картину развития на Руси этого типа печатей, пока не имеется широкого спектра всех воскомастичных оттисков, как это было с древнерусскими буллами. Лихачев пишет, что работа в этой области затруднена «из-за отсутствия справочных книг для актовых изданий, систематических реестров изданных и неизданных документов, разбросанности издаваемых документов в весьма значительном числе журналов и в еще гораздо большем числе разных серий не периодических и отдельных книг и брошюр»¹⁰. Отсутствие целостности, определенной системы в издании документов (по какому бы принципу — по фондам, по разновидностям документов, по территориально-политическому признаку они ни публиковались) мешало созданию сводов печатей и, таким образом, являлось своеобразным тормозом развития в России сфрагистики как научной дисциплины.

Только осуществленные в послевоенные десятилетия издания русских актов XIV — начала XVI в., охватывающие практически все известные к настоящему времени акты данного хронологического периода (АСЭИ Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1952-1964. Т. I-III), предопределили изучение сфрагистического материала этого времени¹¹. Целостность документального комплекса обусловила разработку сфрагистики данного региона. (Под сфрагистикой региона [польский термин] понимается комплекс памятников сфрагистики, принадлежащих к определенной территории, которая представляет собой особую область и вместе с тем самостоятельную единицу территориальной организации, главным образом политико-административную, которую отличают особенности экономические, социальные, культурные и этнические. Сфрагистику региона составляют печати лиц и институтов, связанных общей территориальной принадлежностью в определенный хронологический период)¹².

Еще пример. Среди вышедших за последний год работ выделяется труд по фалеристике С.Б.Патрикеева, А.Д.Бойновича «Нагрудные знаки России». (М., 1995). Книга пре-

красно издана, с цветными изображениями в виде каталога нагрудных знаков XIX — начала XX в. В это время система нагрудных российских знаков достигла апогея, охватив практически все структуры Российской империи, государственную службу, общественно-благотворительные организации, союзы, комитеты, высшие учебные заведения и т.д. Также существовало большое количество памятных знаков — коронационных, юбилейных. Они выполняли роль награды, поэтому изготавливались из драгоценных металлов — золота, серебра. Знаки выпускались небольшими сериями. Издатели этой книги — коллекционеры. Они признали, что далеко не все знаки имеются в частных коллекциях, тем более — в музейных. Им пришлось выявлять в архивах документы о присвоении знака, сверять с наличествующими экземплярами, ибо архивная обработка материала по этим знакам (их документация) никогда не была сделана. Нет и полных списков о награжденных тем или иным знаком. При всем стремлении авторов сделать свою книгу весомее, она так и не стала научным трудом, а в результате данный каталог — это своеобразная иллюстрация существования института нагрудных знаков, но не доскональное их изучение, на что претендуют авторы.

В области дворянской геральдики сложность научных занятий в значительной степени объясняется отсутствием публикации 11 томов (11-21) Общего российского дворянского гербовника, который является исходным материалом для изучения гербов. И напротив, существование книги П.П.Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи» (СПб., 1900) позволило разрабатывать проблемы городских гербов.

Предварительная публикация письменных источников по целому ряду дисциплин, таким образом, способствует их научному становлению.

Зависимость от публикации письменных источников ощущают многие специальные дисциплины, имеющие предмет своего исследования вполне конкретный вещественный материал, однако, не все. Такие дисциплины, как нумизматика, древнерусская сфрагистика, в известной мере геральдика (ее изобразительный ряд) для своего развития

требуют создания прежде всего научного каталога. Какова бы ни была публикация отдельных булл, монетных кладов, отдельных личных и территориальных гербов, осуществляемая в большом количестве на местах в рамках краеведения, по своей значимости в развитии научности дисциплины эти публикации никогда не поднимут ее на ту высоту, которую предоставит исследователю составляемый, как правило, в течение длительного времени научный каталог (корпус, свод).

В 1998 г. вышло довольно много различных каталогов монет, наград. Некоторые — откровенно коллекционерские, например, каталог «Талеры мира. (1601-1993)», в котором наряду с подлинными талерами — крупными серебряными монетами, которые начали чеканить в Иоахимстале в начале XVI в., содержатся доллар, рубль Петра I, рубль 1924 г., французский экю, эстонские 10 крон и проч. с указанием вариантов, но главное — цен. Вряд ли подобный каталог развивает науку — нумизматику. Довольно интересны фалеристические каталоги, которые при определенных разработках могут способствовать превращению фалеристики в научную дисциплину.

Однако в 1997-1998 гг. опубликованы три работы, в основе которых лежат действительно научные каталоги. Они — показатели эволюции нумизматики, сфрагистики, геральдики. 1. Фролова Н.А. «Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)». (Ч. 1-2. М., 1997). Это труд нескольких десятилетий. Автор составила полный каталог монет всех боспорских царей, в результате обследования музейных собраний и частных коллекций как у нас в стране, так и за рубежом. Это не просто описание каждой монеты, ее вариантов, но и поштемпельный анализ, а также химический анализ монетного металла. Монетное дело рассматривается в связи с денежным обращением. Впервые в самом широком плане привлечены монетные клады, которые обрабатывала Фролова и которые не только демонстрируют состав денежных средств, обращавшихся на Боспоре, но и позволяют затронуть вопросы потребления иностранных монет, собственно римских. Рассмотрены иконографические сюжеты, встречающиеся на монетах. Словом, целый кусок жизни Бос-

пора, не зафиксированный другими источниками, представляет собой составленный каталог. Работа Н.А.Фроловой — несомненный вклад в научную нумизматику, прежде всего — античную, в мировом масштабе.

2. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. «Актовые печати Древней Руси. X-XV вв.». (Т. III. М., 1998). Первые 2 тома, как известно, вышли в 1970 г. В новом томе — те же хронологические рамки, те же разделы. В основе лежит свод печатей, обнаруженных при раскопках или приобретенных в 1970-1996 гг.; даны их прорисовки, прекрасные фотографии с увеличением. Всего 1130 печатей, более 800 номеров. Авторы вводят в научный оборот 370 вариантов, ряд новых разрядов, ранее неизвестных, соответствующих каждому административному институту, печати Полоцка, Пскова, Смоленска, а также новые находки: печать Ярослава Мудрого с его портретом, печать внука Ярослава Мудрого — Ярослава Святославича. Среди новых разрядов — печати новгородских служилых князей (литовские, белозерские, смоленские), печати ладожских наместников. Дается иная трактовка 250 печатей «новгородских тиунов» и «тиунов великого князя». В каталог включены редчайшие печати купеческих старост, «печатников» — нотариев X в.

3. Соболева Н.А. и другие. «Гербы городов России». (М., 1998). Альбомная часть (каталог) включает более трехсот рисунков городских гербов, сведения о которых были получены по запросам Геральдической комиссии при Отделении истории РАН, разосланным во все российские города. В это число вошли как старые гербы, составленные в конце XVIII-XIX в., так и городские знаки, созданные в советское время. Рисунок герба сопровождается описанием последнего, выполненное по геральдическим канонам и с использованием классической геральдической терминологии. Дана краткая справка о времени составления герба и авторах рисунка. Кроме того, каждый герб краткая историческая справка о городе, в которой иногда можно найти объяснение гербовой фигуры. В подобном виде публикация российских городских гербов предпринята впервые. Общие вопросы городской геральдики рассматриваются в четырех очерках, посвящен-

ных истории городских символов на протяжении нескольких столетий. Столь подробная информация о городской геральдике должна исключить многие домыслы в отношении возникновения и эволюции в России института герба в целом, а также — попытки «удревнения» городских знаков.

Проведенная эвристическая работа и анализ большинства трудов по вспомогательным историческим дисциплинам, опубликованных за последние восемь лет, позволяют заключить, что изменения в общественной жизни нашего Отечества повлекли за собой изменение формы и тематики научных исследований и публикаций в названной области. Возвращение исторической памяти влечет за собой переиздание редких книг, расширение тематики исследований. Ориентация на «местный колорит» имеет много положительных моментов: разнообразие круга проблематики, находки новых документов в местных архивах, раскрытие ранее запретных тем и т.д. Однако существует опасность качественного изменения исследований. Отрицание теории, переориентировка на фактологию исключают источниковедческий аспект, чему способствует также публикация источников без надлежащего научного комментария.

¹ См. об этом более подробно: *Соболева Н.А., Аксенов А.И.* Вспомогательные исторические дисциплины: современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 1993. С. 220-234.

² *Буганов В.И.* Источниковедение и специальные исторические дисциплины: (дооктябрьский период) // Северный археографический сборник. Вып. IV. Сыктывкар, 1977. С. 23-26.

³ *Буганов В.И., Трукан Г.А.* Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // Вопросы истории. 1977. № 3. С. 3-15; *Буганов В.И., Зимин А.А.* О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1. С. 117-131; *Буганов В.И., Пихоя Р.Г.* Из истории становления российской государственности. Исторические, источниковедческие, археографические проблемы // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 16-22.

⁴ *Буганов В.И. Зимин А.А.* Указ. соч. С. 130.

- 5 *Буганов В.И.* Беседа с редактором (о книге Н.А.Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв.» М., 1981) // Книжное обозрение. 1982. 22.1. № 4 (818); *Он же.* Рец.: Российская геральдика (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981) // Наука и человечество. 1983. С. 374-375; *Он же.* Отв. редактор, предисловие: *Соболева Н.А.* Старинные гербы российских городов. М., 1985. *Он же.* Отв. ред., предисловие: *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988.
- 6 Земство. Архив провинциальной истории России. Пенза, 1995. № 3. С. 209.
- 7 *Муравьев В.А.* Предисловие к изданию: «Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации». М., 1994. С. 4.
- 8 *Ferrand J.* Les Princes Kougoucheff: Un Album de famille. Paris, 1992; *ibid.* Les Princes Obolensky: Recueil genealog. et phot. Paris, 1992; *ibid.* Histoire et genealogie des nobles et Comtes Moussine-Pouchkine. Paris, 1994; et cet.
- 9 Signum. I. М., 1999.
- 10 *Лихачев Н.П.* О составлении перечня изданных русских актов. Пг., 1923. С. 1-3.
- 11 См.: *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991.
- 12 Там же. С. 19.

ПОЛНЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ДАТЫ РОГОЖСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Рогожский летописец представляет собой наиболее ранний источник по истории Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV в., дошедший до нас в списке 40-х г. XV в. Памятник был введен в научный оборот Н. П. Лихачевым в начале XX в. Название рукопись, содержащая текст летописи, получила по месту ее обнаружения (библиотека старообрядческого Рогожского кладбища). Первая публикация летописи была осуществлена в 1922 г.¹ Рогожский летописец рассматривается исследователями как свод, который может служить важным источником для восстановления истории летописной работы, ведшейся в культурных центрах Северо-Восточной Руси. Интерес к памятнику объясняется и тем, что он может быть привлечен как источник для восстановления общерусского летописного свода 1408 г. (т. н. Троицкая летопись), рукопись которого была утрачена в начале XIX в.²

К изучению Рогожского летописца, с момента его открытия, обращались немногие исследователи. Наиболее значительное место в вопросе изучения летописи занимают труды А. А. Шахматова³ и А. Н. Насонова. В своих работах авторы пытались путем текстологического анализа выявить источники, использовавшиеся при создании этого свода. Сравнительный анализ текста Рогожского летописца с другими летописями позволил А. А. Шахматову определить в общем виде источники летописи, которыми, по убеждению ученого, явились: извлечения из Новгородского свода 1448 г.⁴; Суздальский свод XIII в., сходный с текстом Лаврентьевской летописи; Тверская летопись, ставшая протографом Рогожского летописца и Тверского сборника, а также протограф Симеоновской летописи⁵. А. Н. Насонов полагал, что протографом, использованным в Рогожском летописце и тожде-

ственным Симеоновской летописи, являлся Московский свод, а Тверская летопись — это сокращенная редакция Тверского свода, составленного приблизительно в 50-х гг. XV в.⁶

Точка зрения А.А.Шахматова получила дальнейшее развитие в последующих исследованиях. М.Д.Приселков, разделивший в общем выводы А.А.Шахматова, считал, что общим источником Симеоновской летописи и Рогожского летописца (с 1328 г.) была Троицкая летопись, подвергшаяся тверской обработке в 1413 г. Причем, Рогожский летописец, по его мнению, лучше передавал этот источник в смысле первоначальности чтений и изложения, чем Симеоновская летопись⁷. Я.С.Лурье отмечал влияние московского летописания, проникшее в Рогожский летописец через Троицкую летопись. Он выдвинул предположение об использовании в первой части Рогожского летописца (до 6796 г.) не извлеченный из Новгородского свода 1448 г., как первоначально полагал А.А.Шахматов, а Новгородской четвертой летописи⁸. Однако такое утверждение исследователя об использовании Новгородской четвертой летописи в качестве источника при составлении Рогожского летописца вызывает сомнение. Надо отметить, что Новгородская четвертая летопись — это еще более поздний летописный памятник по отношению к Рогожскому летописцу, чем свод 1448 г. Г.М.Прохоров, исследуя вопрос об отношениях Рогожского летописца с Симеоновской летописью и Тверским сборником за вторую и третью четверть XIV в., пришел к заключению, что Рогожский летописец по сравнению с двумя последними обладает большим и самостоятельным комплексом «избыточного» материала с описанием событий в разных княжествах, читающийся как дополнение к общей с Симеоновской летописью основе. При этом основную часть «избытков» Рогожского летописца автор определил как не принадлежавшую тверскому своду и допускал их принадлежность к источнику, «близкому к Троицкой летописи», но не идентичному ей. Он также выдвинул предположение о существовании кашинской летописи, ведшейся параллельно с тверской. По его мнению, эти летописи были слиты в Рогожском летописце, причем

известия одной летописи пополнялись данными другой⁹. По мнению Л.Л.Муравьевой, также обращавшейся к вопросу о дополнительном материале Рогожского летописца в сравнении с Симеоновской летописью и Тверским сборником, обследованный Прохоровым материал имеет самостоятельное значение, но не может быть признан московским по происхождению. Муравьева предположила, что в Рогожском летописце отражена тверская летописная традиция: собственно тверская и кашинско-тверская. Она не исключила возможности того, что часть материала «избытка» Рогожского летописца является опущением Симеоновской летописи против их общего источника, связанного с Троицкой летописью¹⁰. Затронул в своих исследованиях этот вопрос и Я.С.Лурье, обративший внимание на параллельные тексты за XIV в. в Рогожском летописце, Владимирском летописце и Супральской летописи. По его мнению, «излишки» Рогожского летописца представляют собой материал двух использованных в нем летописей – тверской и общерусской¹¹. В вопросе о тверском своде 1455 г. как общем источнике Тверского сборника и Рогожского летописца (положение выдвинул А.Н.Насонов) ряд исследователей полагает, что отражение этого свода, составленного при князе Борисе Александровиче, в Рогожском летописце, дошедшем до нас в списке, датируемом по водяным знакам 1440-ми гг., представляется маловероятным¹². По мнению Э.Клюга, свод 1455 г. не может являться общим протографом для Рогожского летописца и Тверского сборника, т.к. начиная с известий середины XIV в., они отличаются друг от друга сильнее, чем этого следовало бы ожидать при их общем «происхождении» от свода середины XV в.¹³

Сделанный нами краткий историографический обзор изученности Рогожского летописца обнаруживает, что в научной литературе в основном определено место Рогожского летописца в истории сводов, намечены источники, приблизительное время создания свода и тем самым заложена добротная основа для дальнейших изысканий. Но ряд вопросов до сих пор остаются дискуссионными и нуждаются в развитии и уточнении.

Наименее изученным вопросом в истории летописи остается ее хронология. Исследуя летопись, А.А.Шахматов и другие исследователи главное внимание закономерно сосредоточили на сравнительно-текстологическом анализе источника. Однако изучение истории сложения летописного свода без его комплексного исследования не может считаться достаточным. Дополнение текстологического анализа данными, полученными в результате хронологического обследования летописи, дает большие преимущества в изучении истории создания летописного свода. Такой анализ необходим для любого летописного памятника в силу того, что летописцы при формировании сводов пользовались разным материалом (написание статей велось не по одному источнику, а, чаще всего, по двум или нескольким), датированным сообразно системе счета лет, где производилась запись. Составитель свода, как правило, следовал датировке событий главного источника. Привлечение же материала вспомогательных источников влекло за собой хронологические расхождения, т.к. сочетание стилей летосчисления в разных источниках могло быть неодинаковым и со временем, при формировании новых сводов, осложнялось (сведение к одному стилю, чаще всего, не проводилось). Хронология источника важна и для правильного воссоздания последовательности событий. Попытку анализа датировки отдельных известий Рогожского летописца для восстановления последовательности исторической канвы событий предпринял в своем исследовании Э.Клюг¹⁴. В целом же специального хронологического анализа Рогожского летописца исследователями не проводилось.

В данной работе предлагается хронологический анализ всех известий Рогожского летописца, содержащих полные календарные даты (т.е. записей событий, в которых указаны число, месяц, день недели). Это первая попытка такого рода работы в исследовании данного свода.

Текст Рогожского летописца (далее: Рог.) обнимает период от начала образования древнерусского государства до 6920 г. (1412/3 г.). В 300 статьях Рог. (период в 560 лет) содержится 38 полных календарных дат. Наибольшее количе-

ство полных календарных дат (34) приходится на временной отрезок 6874-6898 г., т.е. на вторую половину XIV века. Рассмотрим хронологию известий, содержащих полные календарные даты.

6744. В первом известии статьи сообщается о солнечном затмении, произошедшем 3 августа «въ недѣлю» (воскресенье). Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (1236 г.). По астрономическим данным упомянутое солнечное затмение имело место в этот день в 1236 г. (вторая половина дня)¹⁵. Это подтверждает правильность летописной даты.

Полоса полного затмения проходила через северо-запад Европы (Финляндию) и восточные районы России (Петрозаводск, Вологда, Кострома, Казань). По свидетельству Рог., фаза видимости затмения была «...яко мѣсяць 4 дніи» (или 9,95 дюймов¹⁶). Из этого указания можно заключить, что зафиксированное затмение наблюдалось южнее Смоленска, где фаза видимости равнялась 10,5 дюймам. Возможно, в районе Чернигова или Новгород-Северского, для Киевской области фаза затмения была ближе к 8,9 дюймам («как месяц 5 ночей»)¹⁷. Аналогичную Рог. фазу видимости дают Лаврентьевская летопись (далее: Лавр.) (текст сходен с Рог.) и Никоновская летопись (далее: Ник.)¹⁸. Симеоновская летопись (далее: Сим.), Новгородская четвертая летопись (далее: Н4Л), летопись Авраамки (далее: Авр.), Московский Свод 1479 г. (далее: МС), а также Львовская и Ермолинская летописи, говоря о солнечном затмении, не указывают фазу видимости (текст известия во всех аналогичен)¹⁹. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода (далее: Н1Л), Н4Л (вторично), Софийская первая летопись (далее: С1Л), МС (вторично), Ник. (вторично) и Тверской сборник (далее: Тв. сб.) указывают фазу видимости как «месяц 5 ночей», помещая известие под 6745 ультрамартовским годом²⁰. Таким образом, наличие в летописных текстах упоминания различных фаз видимости показывает, что наблюдение и запись о затмении производились в разных местах.

Нами уже отмечено, что текстологически запись Рог. сходна с Лавр., но она не тождественна ей. Наличие несколько иного чтения в Рог. («...и видѣша вси яко мѣсяць 4 дни»), чем в Лавр. («...бысть видѣти всѣм аки мѣсяць четырьѣ дни») позволяет сделать два предположения: либо источником Рог. была отличная от Лавр. какая-то летопись (по А.А.Шахматову — «какой-то Суздальский по составу... свод»²¹), имевшая с Лавр. общий протограф, либо известие в Рог. является редакцией записи, первоначальный текст которой сохранился в Лавр.

6820. В статье сообщается о поставлении епископами Харлампия (20 марта) и Прохора («на оутрие въ недѣлю», т.е. 21 марта в воскресенье) в Твери. Полная дата поставления Прохора точна. Она обнаруживает, что известие датировано ультрамартовским стилем (20-21.03.1311 г.). Сходный текст читается в Тв. сб. (отсутствует имя епископа, присутствовавшего на поставлении Харлампия, не указан день недели в дате поставления Прохора, известие помещено под 6819 г.). Иное чтение дают Сим., Ник. и Владимирский летописец (далее: Вл.). В них говорится о поставлении Прохора епископом в Ростов, но отсутствует сообщение о поставлении епископом Харлампия²². А.Н.Насонов, разделив известие Рог. на две части, второе сообщение (о поставлении Прохора в Ростов) выделял, как ростовское, т.е. говорил об использовании ростовского материала при составлении источника свода²³. О первой части известия исследователь умалчивал. Мы склонны считать, что в летописях содержатся две самостоятельные записи о поставлении Прохора. Одна была сделана в Твери — это известие Рог.-Тв. сб., где отмечено и о поставлении Харлампия²⁴. Вторая, вероятно, ростовского происхождения. В ней содержится запись только о поставлении Прохора.

6874. В девятом известии статьи сообщается о женитьбе великого князя Дмитрия Ивановича Московского «въ недѣлю» (воскресенье) 18 января на память святых отцов Афанасия и Кирилла. Разночтений в обозначении года известия в

летописях, где это известие читается, не встречается. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано ультрамартовским (или сентябрьским) стилем (18.01.1366 г.). С точки зрения православных канонов венчания, 18 января было расположено между постами (рождественским и великим²⁵), во время которых венчание не производилось, что и отметил летописец словами «промежю говѣннi».

Текстологически запись Рог. тождественна известию в Сим. В Н4Л, С1Л, Авр., МС, Воскресенской летописи (далее: Воскр.) и Ник²⁶. текст известия сходен с записью в Рог. и Сим., но сокращен (в разных вариантах) по отношению к ней. Полагаем, что вариант записи близкий к первоначальному сохранился в текстах Рог. и Сим²⁷.

6876. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В первом известии статьи сообщается о том, что на Городце погорела соборная церковь святого Михаила 11 апреля в великий «четвертокъ» (четверг).

Ни в 6876 г., ни в ближайшие годы 11 апреля не приходилось на четверг великой недели (в 6875 мартовском /или сентябрьском/ году – воскресенье, в 6876 мартовском /или сентябрьском/ году – вторник, в 6877 мартовском /или сентябрьском/ году – среда). Для 6876 мартовского (или сентябрьского) года четвергом на Великой неделе было 6 апреля, для 6875 мартовского (или сентябрьского) года – 15 апреля, для 6877 мартовского (или сентябрьского) года – 29 марта. Указанное в Рог. сочетание дня недели, числа и месяца на Великой неделе имело место в 6878 мартовском (или сентябрьском) году (11.04.1368 г.). В Сим. (текст аналогичен Рог., отсутствует только слово «также»), МС-Воскр. (запись сходна с текстом Рог.-Сим., в ней отсутствует упоминание о молнии) указано то же число, что и в Рог²⁸. Такую же календарную дату приводит Н.М.Карамзин в выписке известия о пожаре (в пересказе, без указания на источник): «Апреля 11, въ Вел. Четвертокъ...»²⁹. Аналогичное чтение названия дня недели содержится только в текстах Рог.-Сим., Ник. и Вл. Из 4-х летописей в распоряжении историографа была только Ник., но в ней отсутствует число. По-

этому данную выписку Карамзина относим к Троицкой летописи (далее: Тр.)³⁰. Следовательно, во всех летописях, содержащих такое известие, имеется неточность в дате. Наличие ошибки в своде 1408 г. (Тр.) позволяет говорить о ее возникновении на раннем этапе летописной работы. Полагаем, что ошибка содержится не в числе года или названии месяца, а в числе месяца. Вероятно, первоначально пожар был датирован 15 (ѿ) апреля. При переписке в одном из ранних (не дошедших до нас) сводов летописец (сводчик) мог неверно понять (прочитать) число, содержащееся в источнике. Это и явилось причиной появления даты 11 (дѣ) апреля. Принимая предположение о палеографической ошибке (дата в исправленном виде — 15 апреля четверг Великой недели), надо признать, что в этом случае известие было датировано ультрамартовским стилем (15.04.1367 г.)³¹.

б) В пятом известии статьи, сообщающем о «1-ой Литовщине» (поход Ольгерда на Москву), отмечено, что встреча литовского войска со сторожевым московским полком на р. Тростне произошла осенью во вторник 21 ноября на Введение святой Богородицы в Филиппово говенье (аналогичный текст читается в Сим.)³². Полная дата соответствует 6876 мартовскому году (21.11.1368 г.)³³.

6879. Во втором известии статьи сообщается о поездке великого князя Дмитрия Ивановича Московского в Орду «въ недѣлю» (воскресенье) 15 июня на память святого пророка Амваса. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (15.06.1371 г.). Текстологически запись в Рог. сходна с Сим³⁴. В Рог. против последней отсутствует фраза: «а съ нимъ князь Андрѣи Ростовьскыи», что можно объяснить либо невнимательностью лица, списывавшего текст источника, т.к. эта фраза, кроме Сим., читается также в МС-Воскр. и Вл., содержащих текст известия, сходный с Рог., но в сокращенном варианте, либо сознательным сокращением текста источника.

6880. В седьмом известии статьи, сообщающем о походе тверского князя Михаила Александровича на Торжок, отме-

чено, что бой торжан с тверичанами состоялся в **понедѣльник 31 мая на память святого мученика Еремея** (сходный текст читается в Тв. сб.) Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (31.05.1372 г.). Индикт «10», сопровождающий статью, подтверждает данную датировку. Кроме того, в начале известия, говоря о причинах похода князя на Торжок, летописец отметил: «...заговѣвъ Петрову говѣнію, приѣхаша Новгородци въ Торжекъ...», т.е. в момент начала Петрова поста (начало поста зависит от дня Пасхи, заканчивается пост 29 июня). Следовательно, 31 мая должно было входить в Петров пост, т.к. Михаил пришел к Торжку позднее новгородцев. Для 6880 мартовского (или сентябрьского) года Петров пост начинался с 24 мая, для 6881 мартовского (или сентябрьского) года — с 13 июня. Таким образом, мартовская (или сентябрьская) датировка 6880 года и в этом случае подтверждается³⁵.

Автор сообщения стоит на позициях доброжелательности к тверскому князю, расценивая выступление населения Торжка против Михаила как результат злого умысла со стороны прибывших новгородцев и самих горожан («сѣвъѣцаша золь сѣвъѣтъ»), и упрекает их в отсутствии «смирения» («врагъ же діаволь вверже въ ны котору и възмяте весь градъ зловою не покоритися князю великому Михаилу»). Всю вину за случившееся разорение города автор возлагает на самих новоторжцев³⁶. В отличие от Рог., сводчик Сим. придерживается антитверской направленности в изложении данных событий и дает изложение по новгородскому источнику³⁷. Н4Л-С1Л-Авр.-МС-Воскр. передают событие несколько иначе, чем Сим.-Н1Л младшего извода и Рог.-Тв. сб. В этих летописях наблюдается совмещение тверского и новгородского текстов в вариантах чтений, но достаточно близких друг другу. Текст выписки Н.М.Карамзина (без указания источника) соответствует текстам именно этой группы летописей³⁸. Поэтому вероятность того, что выписка была сделана из Тр., крайне мала. По-видимому, текст Рог. был взят сводчиком из тверского источника вместо какого-то иного (вероятно, новгородского), читавшегося в основном протографе, использованном для составления этой части свода.

6881. В первом известии статьи отмечено изменение течения р. Волхов, произошедшее в понедельник 11 апреля на память святого Антипы на Страстной неделе. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (11.04.1373 г.). Страстная неделя в 6881 мартовском (или сентябрьском) году начиналась с 11 апреля, что подтверждает данную датировку года. Сходный текст читается в Тв. сб., но в нем отсутствует дата. Об этом явлении сообщается еще в НЛ младшего извода, где так же, как в Тв. сб., отсутствует дата.

НЛ младшего извода:	Рог.: (дата — Н.Г.)...	Тв. сб.:
Того же лѣта иде Волхово навъспятъ по семь дни ³⁹ .	иде влъховъ рѣка въспятъ по 5 дни ⁴⁰ .	Иде влъховъ рѣка въспятъ по пять дни въ Новгородѣ ⁴¹ .

При сравнении текстов летописей видно, что они различаются только количеством дней, в продолжении которых река изменила направление своего течения. Такое различие можно объяснить тем, что сводчик протографа (Рог.-Тв. сб. или НЛ младшего извода) неверно прочитал число (5 — ϵ или 7 — ζ). Возможно, это известие взято в протограф Рог., как полагал А.Н.Насонов, из новгородского источника⁴². В этом случае можно считать, что ошибка содержится в числе в тексте Рог.-Тв. сб. Отметим также, что в НЛ младшего извода и Тв. сб. читаются сокращенные тексты новгородского источника. В Рог., очевидно, приведена первоначальная запись известия этого источника.

6882. В первом известии статьи сообщается о поставлении Евфимия епископом в Тверь «въ четвертокъ» (четверг) 9 марта на память святых мучеников «иже в Севастии» на Средокрестной неделе (сходный текст читается в Тв. сб. и Ник.⁴³). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (9.03.1374 г.). Указание на Средокрестную неделю, приходившуюся на 6-12 апреля в 6882 мартовском (или сентябрьском) году, и про-

ставленный в начале статьи индикт (12) подтверждают данную датировку.

6883. В статье содержатся три полные календарные даты:

а) В седьмом известии статьи сообщается о полном солнечном затмении, происшедшем 29 июля на память святого мученика Калинника «въ недѣлю» (воскресенье). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем. По астрономическим данным солнечное затмение, действительно, имело место в этот день в 1375 г.⁴⁴ Полоса полного затмения проходила через Северную Европу, поэтому это астрономическое явление могло быть наблюдаемо в районе Новгорода и Твери. Летописи, сообщающие о затмении, кроме Рог. и Ник., не уточняют фазу видимости затмения. В Рог. запись «по рану» показывает, что солнечное затмение произошло ранним утром. Затмение солнца 29 июля 1375 г., действительно, произошло около 5 часов утра. Следовательно, это мог отметить только очевидец.

Текстологически запись Рог. сходна только с известием Тв. сб. (текст сокращен) и Ник. (отсутствует упоминание памяти святого). В НІЛ младшего извода также имеем полную дату с указанием памяти святого, но там отличается от текста Рог. вторая часть известия:

Рог.: ...въ 29 день того же мѣсяца (июль — Н.Г.) на память святого мученика Калинника въ недѣлю по рану солнце погыбло⁴⁵.

НІЛ младшего извода: Мѣсяца июля въ 29 день, на память святого мученика Калинника, въ день недѣльны бысть знамение в солнци⁴⁶.

Другие летописи, упоминающие о затмении, повторяют текст НІЛ младшего извода с сокращениями в дате (Сим. известия о затмении не содержит)⁴⁷. Полагаем, что в Рог. и НІЛ младшего извода (при сходной записи первой части известия) читаются тексты, сделанные в разных летописных центрах. По-видимому, текст Рог. (Тв. сб.) связан с Тверью, а НІЛ младшего извода — с Новгородом.

б) В восьмом известии статьи, сообщающем о походе великого князя Дмитрия Ивановича Московского на Тверь, летописец указал две полные даты: «въ недѣлю» (воскресенье) 5 августа в канун Спасова дня москвичи подошли к Твери, в среду 8 августа на память святых мучеников Дементия и Емельяна штурмовали город (сходный текст читается в Тв. сб., но он дан в сокращении). Полные даты точны. Они показывают, что известие о походе датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (5.08.1375 г.; 8.08.1375 г.).

6884. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В четвертом известии статьи сообщается о возвращении новгородского владыки Алексея из Москвы в Новгород в пятницу 17 октября на память святого пророка Осея (аналогичные тексты читаются в НІЛ младшего извода и Сим.⁴⁸). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским стилем (17.10.1376 г.).

б) В десятом известии статьи, сообщающем о походе князя Дмитрия Михайловича Волынского на волжских болгар, отмечено, что рать подошла к столице болгар в понедельник 16 марта на Вербной неделе (аналогичный текст читается в Сим.). Полная дата соответствует 6885 мартовскому (или сентябрьскому) году (16.03.1377 г.). Эту датировку подтверждает и указание недели Великого поста. Вербная неделя в 6884 мартовском (или сентябрьском) году приходилась на 31 марта — 6 апреля, в 6885 мартовском (или сентябрьском) году — с 16 по 22 марта. Следовательно, известие, помещенное летописцем в конце статьи 6884 мартовского (1376/7) года, датировано по году начала похода (в начале известия летописец отметил: «Тоѣ же зныи князь великїи Дмитріи Иванович[ь] посла князя Дмитриа Михаиловича Волыньскаго ратию на везбожныя Българы...»⁴⁹). Очевидно, летописец не стал разрывать на два года (6884 и 6885 мартовские) цельное повествование о походе русской рати на болгар и поместил его под одним годом.

6885. В статье содержатся три полные календарные даты:

а). В третьем известии статьи, сообщающем о побоище на р. Пьяне, читаются две полные календарные даты: «въ недѣлю» (воскресенье) 2 августа на память святого мученика Стефана бой с татарами; в среду 5 августа на память святого мученика Евсигния в канун Спасова дня нападение татар на Нижний Новгород. Обе даты точны. Они обнаруживают, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (2.08.1377 г.; 5.08.1377 г.).

Текст известия об ордынском походе на Русь в Рог. (и других летописях) представляет собой рассказ современника событий: действий «нашей рати» против ордынцев, движения татар к Нижнему Новгороду после битвы («татарове же одолѣвшє христіаномъ... пондоша къ Новѹгороду къ Нижнему изгономъ безъ вѣсти»), бегстве нижегородского князя Дмитрия Константиновича в Суздаль и разорении татарами Нижнего Новгорода. Текстологически запись Рог. тождественна Сим. (в Тв. сб. текст сокращен). Правда, в Рог. в начале известия после слов «къ Новѹгороду Нижнему» против Сим. имеется пропуск текста. Этот пропуск нарушает смысловое содержание начала известия. Пропущенная часть читается в Сим. (от слов «князь же Дмитрен Костянтиновичъ» до слов «въ силѣ тяжцѣ») ⁵⁰.

Ср.:

Сим.: Того же лѣта перебѣжа изъ Синіе Орды за Волгу нѣкоторыи царевичь, именемъ Арапша, и въсхотѣ ити ратью къ Новѹгороду къ Нижнему. Князь же Дмитрен Костянтиновичъ посла вѣсть къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великин Дмитрен събравъ воя многы и приде ратью къ Новѹгороду къ Нижнему въ силѣ тяжцѣ... ⁵¹

Рог.: Того же лѣта перебѣжа изъ Синее Орды за Волгу нѣкоторыи царевичь именем[ъ] Арапша и восхотѣ ити ратию къ Новѹгороду Нижнему (пропуск текста — Н.Г.) въ силѣ тяжцѣ... ⁵²

Пропуск в Рог. можно объяснить невнимательностью лица, списывавшего текст протографа, или переписчика, работавшего с оригиналом Рог. Это случай гаплографии, когда фрагмент текста пропущен между четырьмя одинаковыми

словами. В данном случае это «ратію къ Новугороду Нижнему».

б) В восьмом известии статьи отмечено, что смерть митрополита Алексея наступила «въ день пяток» (пятница) 12 февраля на память святого отца Мелетия. Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским стилем (12.02.1378 г.). Указание Рог. на то, что Алексей умер «промежи говѣніа» (Филиппов пост закончился 25 декабря, Великий пост начался с 1 марта) подтверждает мартовскую датировку. Отметим, что в дате сводчиком допущена неточность при указании памяти святого. Православная церковь 12 февраля отмечает память святого отца Мелетия архиепископа Антиохийского. В Рог., Сим. и Вл. он определен как «епископ Мелетийский». Возможно, эта неточность сводчика (летописца?) связана с тем, что святой Мелетий был уроженцем г. Мелетины Армянской, ставший архиепископом Антиохийским⁵³.

Текстологически запись Рог. тождественна известию в Сим. и выписке Н.М.Карамзина из Тр.⁵⁴ Сходный текст содержит Тв. сб. (дан в сокращении). Против Сим.-Тр., в которых указано, что Алексей был митрополитом 24 года (эта же цифра приведена в МС, Воскр. и Вл.), в Рог. обозначено 23 года. Возможно, в Рог. число 23 появилось в результате пересчета сводчиком количества лет митрополичьего настоявания Алексея от даты смерти митрополита Феогноста, отмеченной в статье 6862 ультрамартовским годом, что составляет 23 года. Изменив, таким образом, начальную часть записи, летописец не обратил внимания на то, что в источнике в пространном повествовании о жизни и деятельности митрополита, следовавшего за записью о смерти Алексея, вновь встречается та же цифра 24. Он, вероятно, механически воспроизвел ее по источнику в рассказе о жизни Алексея, что привело к несоответствию в количестве лет пребывания Алексея в митрополитах в тексте известия Рог.

6886. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В третьем известии статьи сообщается о битве на р. Воже в среду 11 августа на память святого мученика Еупла (аналогичный текст читается в Сим.). Полная дата точна.

Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (11.08.1378 г.)⁵⁵.

б) В шестом известии статьи сообщается о лунном затмении, произошедшем «въ недѣлю» (воскресенье) 5 декабря на память святого отца Гавы в Филиппово говенье. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским стилем (1378/9 г.). В записи о затмении сообщается, что оно было полное. На это указывают слова: «луна помрачнися и во кровь преложися»⁵⁶. Действительно, при полном затмении луна приобретает бурый, темно-красный, а иногда и красно-кирпичный цвет (это происходит в результате рефракции солнечных лучей в земной атмосфере)⁵⁷. Следовательно, запись оставил очевидец затмения.

Полное лунное затмение, по астрономическим данным, произошло с 4 на 5 декабря 1378 г. (соответствует 6886 мартовскому году)⁵⁸. Исследуя запись события по Ник., Д.О.Святский отмечал, что летописец верно указал, с какой стороны лунного диска началось затмение («а помрачнися со вѣстока») ⁵⁹. То, что отмечал Д.О.Святский для Ник., характерно и для Рог., в котором тоже читается, что «луна... помрачнися со вѣстока». Это также указывает на то, что запись делал очевидец.

Текстологически запись Рог. тождественна известию в Сим. (новгородско-софийская группа летописей не упоминает об этом явлении). В Ник. запись претерпела небольшую правку при составлении свода (в ней отсутствует упоминание памяти святого, а вместо «въ заутреннюю годину» поставлено «въ раннюю зарю»⁶⁰). В выписке Н.М.Карамзина (без ссылки на источник⁶¹) о данном затмении отмечено, что «луна обратилась в кровь» и стояла 2 часа.⁶² В текстах Рог., Сим. и Ник. такого уточнения нет. Хотя выписка сделана Карамзиным в виде пересказа записи события, однако можно предположить, что запись известия была сходна с текстом Рог.-Сим., но в ней присутствовало чтение о длительности полного лунного затмения. Такое уточнение относится к первоначальной записи события, т.е. сделано очевидцем, а не сводчиком. Известно, что фаза полного затмения луны имеет разную длительность по времени в разные годы. Мак-

симально она может длиться до двух часов ($1\frac{3}{4}$ часа), а вместе с частными фазами затмение может длиться до 3,8 часа.⁶³ Для человека, наблюдавшего затмение ночью 1378 г., перед рассветом, могло показаться, что с момента изменения цвета луны до восстановления прежнего прошло именно 2 часа. По астрономическим данным (Пулковское время) начало затмения наблюдалось 5 декабря около 1 ч. 30 мин. ночи. Фаза затмения равнялась 13,5 дюймам, т.е. на 1,5 единицы больше максимальной величины полного затмения, за которое принимается 12 дюймов. Это означает, что в данном случае речь должна вестись о сверхполном затмении⁶⁴. При таком затмении продолжительность полной фазы затмения увеличивается. При фазе в 13,5 дюймов общая продолжительность лунного затмения приблизительно равна 2 ч. 05 мин., полного затмения луны — в пределах 45-54 мин.⁶⁵ Исходя из расчетов, можно предположить, что в записи Тр. была указана общая продолжительность полного лунного затмения, начавшегося 5 декабря около 1 ч. 30 мин. ночи и закончившегося приблизительно в 3 ч. 30 мин. В источнике Рог.-Сим. указание на длительность затмения, очевидно, было сокращено сводчиком.

6887. В статье содержатся пять полных календарных дат:

а) В первом известии статьи летописец отметил, что **Благовещения святой Богородицы совпало с Пасхой**, т.е. полная дата известия — 25 марта Благовещение святой Богородицы воскресенье на Пасху⁶⁶. Кириопасха — совпадение церковных праздников Пасхи и Благовещения — достаточно редкое событие, что и отметил летописец: «...се же написахъ того ради, понеже не чясто такъ вываецъ[ъ], но рѣткажды»⁶⁷. В 6887 мартовском (или сентябрьском) году Благовещение с Пасхой не совпадало. В этом году 25 марта (Благовещение) попадало на пятницу, а Пасха была 10 апреля. Также, как и Рог., на единицу меньше мартовского (или сентябрьского) 6888 года датирует сообщение Сим. Указанное летописью сочетание имело место в 6888 мартовском (или сентябрьском) году (25.03.1380). Именно под этим годом помещают известие С1Л, Н4Л, Авр. и Ник. Можно предположить, что измене-

ние года (-1) было произведено в силу того, что источник, которым пользовался сводчик, был датирован сентябрьским 6888 г., либо 6888 г. был принят им за ультрамартовский.

Текстологически запись Рог. аналогична тексту Сим. за исключением последней фразы: «окромѣ того лѣта отселѣ еще до втораго пришествіа одинова вѣдетъ» (читается только в Рог.). Является ли эта фраза добавлением к тексту источника сводчиком Рог. или она присутствовала в первоначальной записи источника и была сокращена сводчиком Сим.? Такого, как в Рог.-Сим., или сходного текста в других летописях не встречается. В Н4Л, С1Л, Авр. и Ник. содержится запись о кириопасхе в ином чтении:

Рог.: 6887. (1-я часть) Бысть Благовѣщеніе святыя Богородица въ Великъ день. (2-я часть) Се же написахъ того ради, понеже не чясто такъ ывааетъ], но рѣткажды, (3-я часть) [окромѣ того лѣта отъселѣ еще до втораго пришествіа одинова вѣдетъ]⁶⁸.

[] — текст, заключенный в скобки, отсутствует в Сим.

Н4Л: 6888. (1-я часть) А Благовѣщеніе высть въ Вѣликъ дѣнь, (2-я часть) а перво сего высть за 80 лѣтъ и за 4, а потомъ вѣдетъ за 80 лѣтъ безъ лѣта, (3-я часть) [а потомъ за 11 лѣтъ]⁶⁹.

(аналогичный текст читается в С1Л)

[] — текст, заключенный в скобки, отсутствует в Авр. и Ник.

Что это, две разные записи об одном и том же событии или одна из них редакция другой? Как видно из приведенных текстов, первая часть (разбивка текстов на части сделана нами — Н.Г.) в двух записях аналогична («святая Богородица» могла быть добавлена сводчиком источника Рог. или сокращена сводчиком протографа Н4Л-С1Л). Это может говорить в пользу того, что в одном из источников была проведена редакционная работа. При разборе вопроса о редакции текста можно сделать два вывода:

1. Вторая и третья части записи Рог. могут представлять редакцию второй части текста, читающегося в Н4Л-С1Л А.А.Шахматов предлагал считать запись Н4Л-С1Л, как сделанную летописцем в 1380 г., а добавление (3-я часть) — в 1448 г.⁷⁰ По мнению Лурье, предположение, выдвинутое

А.А.Шахматовым, имеет преимущество перед другими, так как оно основано на реальном тексте обеих летописей⁷¹. Но на появление записи в Рог.-Сим. оно не проливает свет, т.к. по водяным знакам Рог. датируется 40-ми гг. XV в., а источник Рог.-Сим., где уже читался данный текст, должен быть более раннего происхождения. Следовательно, о редактировании записи в 1448 г. речи не может вестись. Можно говорить только о новгородско-софийском своде 30-х гг. XV в. В этом случае последняя фраза текста Рог. (3-я часть) может принадлежать сводчику Рог. Она могла быть добавлена к тексту источника, который представлял собой отредактированную запись (вторая часть) протографа. Эта запись протографа сохранилась в Н4Л-С1Л. Перед нами не стоит задача объяснения (толкования) текста 6888 г. в Н4Л-С1Л⁷². Мы лишь отмечаем, что есть вероятность того, что известие в Рог. под 6887 г. о кириопасхе — это редакция текста, сохранившегося в Н4Л-С1Л. Установить приблизительные временные границы написания (редактирования) известия по тексту Рог. нет возможности, т.к. слова «...окромѣ того лѣта», означающие «кроме того лета» (о котором говорится в записи — 6887 г.), «отъсель...», т.е. «с этого времени» (когда проводится составление новой летописи/записи — точное время не указано) будет еще одно совпадение до 7000 г. (времени второго пришествия Христа), т.е. 1459 г., являются довольно общей формой. Поэтому, если считать, что известие в Рог. является редакцией записи, читавшейся в Новгородско-Софийском своде 30-х гг. XV в., то можно полагать, что редакция была сделана между 30-ми и 40-ми гг. XV в. Но существование аналогичной записи, как отмечалось, в Сим. (без 3-ей части Рог.) противоречит данному выводу, т.к. источником Сим. новгородский свод не является, а зависимость Сим. и Рог. определяется тем, что в основе обеих летописей лежит общий источник. В этом случае можно лишь предполагать, что запись о кириопасхе, сделанная в 1380 (6888) г., принадлежит Ростовскому владычному своду, отразившемуся, с одной стороны, в Новгородско-Софийском своде 30-х гг. XV в. (откуда она попала в Н4Л и С1Л). С другой, известие из этого свода отразилось в источнике Рог.-

Сим. (возможно через Тр.?), но в отредактированном виде. При такой трактовке можно предположить, что редакция записи (первоначальной) была сделана ранее 30-х гг. XV в. Причем третья часть записи Рог. читалась в источнике Рог.-Сим., а сводчик Сим. сократил ее в момент формирования свода.

2. Вторая часть текста известия в Н4Л-С1Л может представлять развернутую редакцию второй и третьей части текста Рог., сделанную не ранее 20-х гг. XV в. и вошедшую в таком виде (первая и вторая части) в новгородско-софийский свод 30-х гг. XV в. Первичной записью о кириопасхе, сделанной летописцем в 1380 г., является, таким образом, первая и вторая части текста Рог. На такую мысль наталкивает начало второй части текста известия в Рог. («се же написахъ того ради»), идущее от первого лица. Третья часть Рог. (отсутствует в Сим.) была добавлена позднее. Это показывают слова «окроме того лета (т.е. 6887 — Н.Г.) отселе», что может означать: «кроме лета 1380 г. отсюда» (т.е. от момента/времени дополнения записи). Это выражение предполагает то, что для редактора записи 1380 г. является уже прошедшим годом. Однако считать это дополнение работой сводчика Рог. нет серьезных оснований. На основе третьей части Рог. можно сделать развернутую временную редакцию. Один из вариантов такой редакции представлен в Н4Л-С1Л. Запись, отраженная в Н4Л-С1Л, перешла в эти летописи, вероятно, из Новгородско-Софийского свода 30-х гг. XV в. через свод Фотия 1423 г. Сам же свод в своем составе, по мнению Приселкова, содержал митрополичий свод 1408 г. (или восходил к источникам этого свода), где мог читаться тот же текст о кириопасхе, что и в Рог. (все три части)⁷³. Редакция текста могла быть сделана при составлении Фотиева свода или Новгородско-Софийского свода 30-х гг. XV в. Резонно предположить, что добавление третьей части Рог. произошло до 1408 г., возможно при формировании общего источника Рог. и Тр., либо, если считать Тр. протографом Рог., то при составлении свода 1408 г. (в Сим. третья часть в таком случае была исключена составителем данной летописи

в силу того, что кириопасха 1459 г. уже была прошедшим событием).

б) Во втором известии статьи сообщается о поездке архимандрита Михаила (Митяя) в Царьград на поставление в митрополиты (аналогичный текст читается в Сим.⁷⁴). В тексте известия отмечено, что во вторник 26 июля на память святого мученика Ермолая Митяй переехал р. Оку. Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (26.07.1379 г.).

в) В четвертом известии статьи сообщается о казни, «на Кучковѣ полѣ», Ивана Васильевича, сына московского тысяцкого, во вторник 30 августа. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (30.08.1379 г.).

Текстологически запись в Рог. тождественна известию Сим., но в последней вместо 4 часов дня — времени казни — стоит 1 час дня (в Тв. сб. текст сокращен, новгородско-софийская группа летописей такого события не содержит). Выписка Карамзина из Тр. сходна с записью Рог. В ней также указано 4 часа дня⁷⁵. Это же время приведено в Ник. В ней текст известия содержит дополнения, против первых трех, касающиеся выезда Ивана из Орды, его поимке в Серпухове и казни в присутствии народа⁷⁶. Последнее обстоятельство помогает решить вопрос о времени казни (1 или 4 часа дня), т.е. правильности записи (Рог.-Тр. или Сим.). Приблизительное время, когда люди в средние века на Руси обедали — 7 часов дня (около 13 часов дня по современному счету). Четыре часа дня («до обеда») — примерно 9 часов утра, а 1 час дня — около 5 часов утра.⁷⁷ Н.М.Карамзин к выписке из Тр. добавляет: «*Вотъ первая торжественная казнь, о коей упоминаютъ наши Летописцы*»⁷⁸. Такая «торжественная» казнь реально могла быть осуществлена в 4 часа дня, а никак не в 1-ом часу дня. Очевидно, в записи Сим. сводчик пропустил цифру 4, которая стояла в протографе (во всех летописях, где встречается упоминание о времени убийства, 4 написано буквой-цифрой, а не словом).

г) В пятом известии статьи сообщается о смерти сына великого князя Дмитрия Ивановича Московского — Семе-

на — 11 сентября «въ недѣлю» (воскресенье). Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским стилем (11.09.1379 г.). Это известие читается еще в Сим. (текст тождественен Рог.) и Ник. (опущены число и день недели). Мы согласны с предположением М.Д.Приселкова и Л.Л.Муравьевой, что такое же сообщение читалось в Тр.⁷⁹ Хронологические данные, приведенные Н.М.Карамзиным в выписке, одинаковы с указанными в тексте Рог.-Сим. Правда, Л.Л.Муравьева отмечает: «... в выписке Карамзина читается, что княжич умер не "в неделю", а в воскресенье». И делает на этом основании вывод о расхождении в чтении Тр. с Рог.-Сим.⁸⁰ Думается, что Н.М.Карамзин, правильно указав день недели (в Тр. читалось «в неделю»), делая выписку (не дословную, в пересказе) из летописи, заменил слово «неделю» на «воскресенье». Таким образом Н.М.Карамзин поступал во всех случаях, где не придерживался текста дословно⁸¹. Поэтому считать, что в Рог.-Сим. наблюдается расхождение в чтении с Тр., нет основания.

д) В седьмом известии статьи, сообщающем о походе Владимира Андреевича Серпуховского на Литву, отмечено, что он начался «въ пятокъ» (пятница) 9 декабря (аналогичный текст читается в Сим., в МС-Воскр. опущена дата). Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским стилем (9.12.1379 г.).

6888. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В первом известии статьи сообщается об освящении в Серпухове соборной церкви святой Троицы «въ недѣлю» (воскресенье) 15 июня (аналогичный текст читается в Сим., МС-Воскр. и Ник., в записи последней опущено указание на день недели). На воскресенье 15 июня не попадало ни в 6888 мартовском (или сентябрьском) году (для данного года — это пятница), ни в ближайшие 6887 и 6889 мартовские (или сентябрьские) годы. В то же время воскресеньем в 6888 мартовском (или сентябрьском) году было 15 июля. Сходство написания двух месяцев позволяет утверждать, что это описка сводчика, приведшая к замене «июля» на «июнь». Повидимому, ошибка содержалась уже в источнике Рог., т.к.

«июнь» читается во всех летописях, где встречается это известие.

б) В третьем известии статьи сообщается о Куликовской битве, состоявшейся **в субботу 8 сентября на Рождество святой Богородицы** (аналогичный текст читается в Сим.). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским стилем (8.09.1380 г.).

6890. В третьем известии статьи сообщается о приходе хана Тохтамыша к Москве **в понедельник 23 августа**. Расхождений в указании даты события по другим летописям не встречается. Однако сама дата в источниках (в том числе и в Рог.) приведена с ошибкой. В 6890 мартовском (или сентябрьском) году 23 августа не являлось понедельником (для мартовского /или сентябрьского/ года — суббота; для ультрамартовского — пятница). На понедельник 23 августа попадало в 6897 мартовском (или сентябрьском) году. В 6890 мартовском (или сентябрьском) году понедельником было 25 августа. Можно предположить, что в результате неправильно прочитанной сводчиком буквы-цифры, произошла замена 25 (кє) на 23 (кг). Или дата была воспринята как порядковое числительное 20 (в именительном падеже окончание «е», в родительном — окончание [о]г[о]), а затем окончание было принято за цифру, число 25 в результате последовательной работы летописцев превратилось в 23: кє (25)- кє (20-е)- кг (20-го)- кг (23). Н.М.Карамзин сделал несколько выписок из Тр. с описанием похода Тохтамыша⁸². Они близки к текстам Сим. и Рог., хотя запись в последнем имеет небольшие отличия в чтении и дополнение о князе Олеге Рязанском («И указа ем҃у вроды на Оцѣ»). Хотя в выписках Н.М.Карамзина не приведены даты, но в самом тексте «Истории» упоминается 23 августа, как день прихода татар к Москве⁸³. Очевидно, разночтений с другими летописями относительно даты в Тр. историограф не нашел. Это может свидетельствовать о существовании такой даты в источнике Тр.-Сим.-Рог. Следовательно, ошибка в дате могла возникнуть на раннем этапе летописной работы (возможно, еще в конце XIV в.), т.к. все своды, где содержится известие о нашествии, приводят

23 августа как время прихода Тохтамыша к Москве⁸⁴. Но даже имея ошибку в дате известия, датировать поход Тохтамыша ранее 6890 мартовского (или сентябрьского) года нет оснований, т.к. в сентябре 6888 мартовского года (1380/1) произошла Куликовская битва, после которой, со смертью Мамая, Тохтамыш стал ордынским ханом. А осенью того же года великий князь Дмитрий Иванович Московский послал к нему послов, которые вернулись из Орды к 15 августа 6889 мартовского (или сентябрьского) года (1381). Вслед за ними Тохтамыш отправил к великому князю своих послов во главе с царевичем Акхозею (тот же 6889 мартовский /или сентябрьский/ год)⁸⁵. Позже 6890 мартовского (или сентябрьского) года, т.е. 6891 мартовским (или сентябрьским) годом, поход также не может быть датирован, т.к. в этом году 5 июля умер князь Дмитрий Константинович Нижегородский (разбор даты см. ниже), который в момент нападения Тохтамыша на Москву послал к нему двух своих сыновей Василия и Семена⁸⁶ («...князь Дмитрен Костянтинович посла къ царю (Тохтамышу — Н.Г.) два сына своя князя Васлаіа да князя Семена, и гнаша въ слѣд его ...»). Таким образом, реально поход Тохтамыша мог быть совершен в августе 6890 мартовского (или сентябрьского) года (август 1382 г.). В отличие от Рог.-Сим., в Н4Л и ряде более поздних летописей рассказ о «московском взятии» дан в пространным виде (варианты чтения близки друг другу). По мнению М.А.Салминой, разбиравшей сообщения летописей о нашествии Тохтамыша, краткий рассказ 1382 г., читающийся в Сим. (Тр.) первичен по отношению к пространной Повести, содержащейся в Н4Л и др., и он послужил основой для написания этой Повести. М.А.Салмина считает, что «*краткий рассказ 1382 г. был создан внутри свода 1408 г., а не привнесен в свод извне*»⁸⁷. Возможно, что все это так с точки зрения текстологических особенностей известия о нашествии Тохтамыша. Но как уже было отмечено, в рассказе наблюдается ошибка в дате события. Следуя выводу М.А.Салминой, можно предположить, что ошибка в полной дате возникла при создании краткого рассказа в своде 1408 г. (т.е. летописец плохо знал временные ориентиры события). Однако наличие

в известии двух дат (одна из них полная и содержит ошибку, а вторая является производной от первой) дают основание полагать, что в свод 1408 г. (а также Рог., Сим.) был включен текст из источника, содержавшего сообщение о нашествии Тохтамыша⁸⁸. Очевидно, в свод 1408 г. (Рог.-Сим.) был включен переработанный текст этого источника. На этом этапе летописной работы и могла возникнуть ошибка в дате⁸⁹. Следовательно, говорить о создании краткого рассказа в своде 1408 г. нет достаточных оснований. Это, скорее всего, переработка текста источника лицом, работавшим при митрополичьем дворе во времена Киприана. Последнее подтверждается текстологической близостью данного рассказа, как показала Салмина, с некоторыми другими рассказами Рог⁹⁰.

6891. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В первом известии статьи отмечено, что **Благовѣщение** было **в среду на Святой недѣле**, т.е. 25 марта было средой (аналогичный текст читается в Сим. и выписке Карамзина из Тр.⁹¹). Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (25.03.1383 г.). Святая неделя в 6891 мартовском (или сентябрьском) году приходилась на 23-29 марта, что подтверждает правильность данной датировки года известия.

б) В шестом известии статьи сообщается о смерти великого князя Дмитрия Константиновича Нижегородского «**въ недѣлю**» (воскресенье) **5 июля на память святого отца Бѣлупада** (аналогичный текст читается в Сим. и выписке Карамзина⁹²). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (5.07.1383 г.). Пространное сообщение о смерти князя Дмитрия Константиновича в Рог. и Сим., возможно, нижегородского происхождения. А.Н.Насонов полагал, что запись была сделана в Нижнем Новгороде при соборе Спаса Преображения⁹³.

6893. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В первом известии статьи сообщается о взятии Коломны князем Олегом Рязанским **25 марта в Лазареву суббо-**

тү (аналогичный текст читается в Сим. и в выписке Карамзина⁹⁴). Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (25.03.1385 г.)⁹⁵. Л.Л.Муравьева считает, что запись Рог. восходит к рязанской летописи и носит местный характер⁹⁶. Полагаем, что запись в Рог.-Сим. принадлежит московскому источнику. Коломна в этот период располагалась на границе Московского с Рязанским княжеством. Следовательно, для Москвы такое событие, как нападение на пограничный город княжества, не могло пройти незамеченным. Убеждает в этом и то обстоятельство, что в том же году, после известия о взятии города в летописи читается известие, где сообщается о том, что великий князь Дмитрий Иванович Московский послал «воя многы» во главе со своим двоюродным братом князем Владимиром Андреевичем на Рязанскую землю, что явилось, очевидно, ответным действием москвичей на взятие Коломны.

б) В восьмом известии статьи сообщается о победе из Орды Василия, сына великого князя Дмитрия Ивановича Московского, в «Юріевъ день» (26 ноября) «въ недѣлю» (воскресенье) (аналогичный текст читается в Сим.). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским стилем (26.11.1385 г.).

6896. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В третьем известии статьи сообщается о походе нижегородских князей Василия и Семена Дмитриевичей против князя Бориса Константиновича (аналогичный текст читается в Сим. и выписке Карамзина из Тр.⁹⁷ Рать подошла к Нижнему Новгороду во вторник 10 марта в великое говѣнье на Похвальной неделе. Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (10.03.1388 г.). Похвальная неделя в 6896 мартовском (или сентябрьском) году приходилась на 9-15 марта, что подтверждает данную датировку года известия.

Кратко, без указания даты, отмечают событие Н4Л, С1Л и МС-Воскр. Эти летописи помещают известие под 6895 мартовским годом. Такое расхождение в обозначении года

известия может быть связано с тем, что в Рог.-Сим. событие датировано по году окончания конфликта, в остальных — по году начала. На такой вывод наталкивает начало текста известия в Рог.-Сим. Свое сообщение летописец начинает со слов: «Тоѣ же зимы ... Дмитриевичи, собравъ воя многы ... подоша къ Новугороду Нижнемуг...»⁹⁸. Начало похода, очевидно, надо относить к концу 6895 мартовского года (возможно, конец февраля).

б) В пятом известии статьи отмечено возвращение митрополита Пимена из Царьграда в Москву «въ недѣлю» (воскресенье) 6 июля на память святого отца Сисоя (аналогичный текст читается в Сим.). Ни в 6895, ни в 6896 мартовских (или сентябрьских) годах 6 июля не попадало на воскресенье (для первого — это суббота, второго — понедельник). В 6896 мартовском (или сентябрьском) году на воскресенье приходилось 5 июля, в 6895 мартовском (или сентябрьском) году — 7 июля. Объяснить такое хронологическое несоответствие в дате можно двояко:

1. Сводчик неверно указал день недели (возможно, в начальной записи указание на день недели отсутствовало). Это предположение подтверждается имеющимися в известии уточнениями: упоминанием памяти святого отца Сисоя (приходится на 6 июля), а также указанием на то, что Пимен приехал в Москву «по Петровѣ дни за недѣлю», что означает «через неделю после Петрова дня». «Петров день» (поминовение апостолов Петра и Павла) отмечается церковью 29 июня (непереходящий религиозный праздник). 29 июня и 6 июля разделены в общей сложности недельным интервалом. Таким образом, есть вероятность отсутствия ошибки в числе и месяце. Возможно, составитель источника Рог. и Сим. посчитал 29 июня воскресным днем (в 6896 мартовском /или сентябрьском/ году оно, действительно, попадало на воскресенье) по уточнению о недельном разрыве Петрова дня и 6 июля, а по аналогии и 6 июля также принял за воскресенье, добавив к дате слово «въ недѣлю».

2. Сводчик изменил число месяца. В первоначальной записи могло стоять 5 июля воскресенье на память святого отца Сисоя. 29 июня и 5 июля в 6896 мартовском (или сен-

тябрьском) году приходились на воскресные дни и интервал между ними равен ровно неделе. Кроме того, память преподобного Сисоя Великого по греческим евангелиям XI-XII вв. отмечалась 5 июля (в других святцах 6 июля)⁹⁹. В предложенном варианте соблюдены все элементы даты, читающиеся в известии о приходе митрополита Пимена из Царьграда: 5 июля было воскресным днем, на этот день приходилось поминовение святого Сисоя и это число было отделено от Петрова дня (29 июня) недельным интервалом. В данном случае можно предположить, что поздний сводчик, знавший по святцам о поминовении святого отца Сисоя 6 июля, заменил 5 на 6, что повлекло за собой ошибку в дате.

Однако, даже имея ошибку в дате, уточнить время прихода Пимена из Царьграда позволяют косвенные данные. Рог.-Сим., МС-Воскр., Н4Л, С1Л, Тв. сб. (в трех последних отсутствует дата) помещают известие под 6896 г., Ник. (запись сходна с Рог., но в ней отсутствует указание на память святого и название дня недели) под 6895 г. Какой год является для события верным? Для разрешения вопроса обратимся к новгородско-софийской группе летописей. В С1Л читаем: «**Ғоиде со владычства владыка Алексеи Новгородьскни..., а Пүминъ митрополитъ прінде из Царяграда...**»¹⁰⁰. Следовательно, Пимен появился в Москве приблизительно в то же время, когда новгородский владыка оставил епископскую кафедру. В Н1Л младшего извода говорится, что Алексей оставил кафедру в 6896 г. на Преполование (среда 4-ой недели по Пасхе)¹⁰¹. Новый владыка Иоанн, игумен «святого Спаса», был возведен на епископскую кафедру 7 мая на память святого Пахомия¹⁰² на Вознесение (четверг 6-ой недели по Пасхе). Летописец, давая описание избрания нового владыки, отметил: «...не бысть тогда митрополит в Рускои земли»¹⁰³. Указанные элементы даты события (в Н1Л младшего извода) соответствуют 6896 мартовскому (или сентябрьскому) году. Значит, Пимен прибыл в Москву после 7 мая 6896 мартовского (или сентябрьского) года. Подтвердить датировку года и уточнить время прихода митрополита позволяет дата поставления Феогноста епископом в Рязань (по Рог.). Пимен рукоположил Феогноста епископом 15 августа 6896

мартовского (или сентябрьского) года. Хотя дата в летописи приведена не полностью (отсутствует день недели), но мартовскую (или сентябрьскую) датировку года подтверждает дата утверждения Иоанна архиепископом в Новгород митрополитом Пименом в Москве 17 января в воскресенье (по НІЛ младшего извода), которая соответствует 6896 мартовскому году. На его поставлении, как сообщает Рог., в качестве рязанского епископа присутствовал Феогност. Таким образом, даже имея неточность в дате Рог.-Сим., можно с уверенностью утверждать, что Пимен пришел в Москву в интервале 7.05-15.08.6896 мартовского года (1388) и дата его приезда в Москву, указанная в тексте Рог., является реальной (имеется ввиду месяц¹⁰⁴). Когда могла возникнуть неточность в дате известия? Наличие такой, как в Рог., даты в Сим. и «глухой» выписке Н.М.Карамзина (предположительно из Тр.¹⁰⁵ — в Воскр. отсутствует число, в Ник. не указан день недели) говорит за то, что ошибка была сделана при формировании свода, явившегося источником Рог.-Сим. и Тр.

6897. В первом известии статьи сообщается о смерти великого князя Дмитрия Ивановича Московского в среду 19 мая на память святого мученика Патриккия на 5 неделе по Пасхе. Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (19.05.1389 г.)¹⁰⁶. В летописях наблюдается разночтение в календарной части даты события. Большинство летописей приводят дату смерти Дмитрия такую же, как в Рог. НІЛ младшего извода и Авр. (тексты аналогичны) относят смерть московского князя к 9 мая на память святого пророка Исайи. Полагаем, что в записи одного из ранних источников этих летописей присутствовало число 19 мая без указания памяти святого. В процессе летописной работы произошла замена 19 (·і) на 9 (·) и добавлена память святого, соответствующая 9 мая. Составитель источника мог принять «і» за окончание буквы-цифры, обозначающей дату смерти князя.

Рог. и Сим. содержат аналогичный текст известия «*О преставлении князя великого Дмитрия Ивановича*»¹⁰⁷. Наблюдается лишь два разночтения: а) в Рог. Дмитрий Иванович

именуется «великим князем всея Руси», в Сим. — Московским; б) время смерти в Сим. дается как час ночи, в Рог. — 2 часа ночи. В отличие от Рог.-Сим., МС-Воскр. и Ник. имеют в своем составе отдельное сочинение: «*Житие и представление великого князя Дмитрия Ивановича*»¹⁰⁸. В них время смерти князя аналогично Рог. (та же цифра приведена в Н4Л). Карамзин, излагая события смерти князя по Ростовской летописи, в Примечаниях оговаривается: «*Описываемыя здесь подробности взяты из Слова о житіи...Вел. Кн. ... Оно, какъ твореніе современное, внесно въ Ростовскую и другія летописи. Великій Князь скончался..., во второмъ часу ночи*»¹⁰⁹. Упоминание «других летописей» говорит за то, что в тексте Тр., видимо, не наблюдалось отличия от других источников в обозначении часа смерти князя, т.е., как и в Рог., читалось 2 часа ночи. Это позволяет говорить о том, что в Сим. ошибка в указании часа смерти Дмитрия была допущена составителем летописи. По всей видимости, он принял букву-цифру 2 (в) за предлог «въ».

6898. В статье содержатся две полные календарные даты:

а) В четвертом известии статьи сообщается о приезде в Москву Софьи Витовтовны, невесты князя Василия Дмитриевича Московского, «*въ четвертокъ*» (четверг) **1 декабря на память святого пророка Наума** (аналогичный текст читается в Сим.)¹¹⁰. Полная дата точна. Она показывает, что известие датировано мартовским стилем (1.12.1390 г.).

б) В шестом известии статьи сообщается о женитьбе великого князя Василия Дмитриевича Московского «*въ недѣлю*» (воскресенье) **9 января на память святого мученика Полукта** (аналогичный текст читается в Сим.). Полная дата точна. Она обнаруживает, что известие датировано ультрамартовским (или сентябрьским) стилем (9.01.1390 г.).

Сопоставив две даты, видим, что обвенчаться с литовской княжной Василий не мог 9 января 1390 г., т.к. она появилась в Москве 1 декабря 1390 г. Следовательно, одна из дат ошибочна. Полагаем, что ошибка содержится в первой дате (а). По церковным канонам венчание не производится в канун воскресных (суббота), двенадесятых (для января —

Крещение), храмовых и великих (для января — день памяти святого Василия Великого) праздников, а также по вторникам и четвергам. Таким образом, день недели, приемлемый для венчания — это воскресенье. Что и имеем во второй дате (б). В первой же дате (а) неверно указано число. Реально вместо 1 (а) должно стоять 30 (л), по написанию наиболее сходное с 1. В 6898 ультрамартовском (или сентябрьском) году 30 декабря попадало на четверг (30.12.1389). 30 декабря, как дата приезда Софьи Витовтовны в Москву, читается в «глухой» выписке у Н.М.Карамзина¹¹¹. По-видимому, эта выписка сделана Карамзиным из Тр. Текст выписки сходен с записями известия в С1Л-Н4Л (отсутствует дата), Воскр., Ник. Отнести выписку Н.М.Карамзина к Воскр. или Ник. нельзя. При сравнении текстов летописей с выпиской обнаруживаются небольшие разночтения: в обеих летописях дата приезда Софьи — 1 декабря; кроме того, в Ник. вместо «тоѣ» стоит «тоя», «Новгородъ» — «Новъгород», «Софією» — «Со-о-ѣєю», «Витовтовою» — «Вито-ѣтовою», «дщерію» — «дщерью», «стояша» — «стоявъ», «къ Москве» — «на Москву» и др.; в Воскр. вместо «Новгородъ» — «Новъгородъ», «со княжню» — «съ княжною», «Витовтовою» — «Витофтовою», «дщерію» — «дочерію», «стояша» — «стоявъ», «къ Москве» — «на Москву» и др. Это говорит в пользу того, что выписка могла быть сделана Карамзиным из Тр. Это можно подтвердить тем, что запись известия о приезде Софьи из Литвы в МС сходствует с выпиской Н.М.Карамзина (но не тождественна ей). В ней, как и в выписке, указана точная дата приезда княжны (но уже в искаженном виде, т.е. 1 декабря). Отнести известие данной летописи можно только к ее второму источнику — к Тр. или сходной с ней летописи, т.к. в основном источнике МС, по А.А.Шахматову — это протограф С1Л, отсутствовала дата известия и попасть в МС она могла только из второго источника (Тр.)¹¹². Исходя из разобранного материала, можно предположить, что в Рог.-Сим. отразилась редактированная запись источника (с добавлением в дату памяти святого для 1 декабря). Ближе к первоначальному тексту, скорее всего, выписка Н.М.Карамзина и записи в МС-Воскр. Интересным является тот факт, что тек-

стологически известие о женитьбе Василия во всех летописях (Карамзин не приводит выписки, а только указывает дату события) сходствует, хотя читается в разных редакциях (сокращениях). Скорее всего, оба известия восходят к московскому источнику.

6907. В восьмом известии статьи сообщается о смерти и погребении князя Михаила Александровича Тверского (аналогичный текст встречается в Сим.). В тексте указаны две полные календарные даты: наступление смерти — во вторник 26 августа, похороны — в среду 27 августа на память святого отца Пимена. Полные даты точны. Они обнаруживают, что известие датировано мартовским (или сентябрьским) стилем (26-27.08.1399 г.). М.Д.Приселков известие Сим. считал позднего происхождения и поэтому текст Тр. восстанавливал по Воскр. Но исследователь не объяснил, что означает «позднего происхождения». Наличие аналогичной записи в Рог. свидетельствует о том, что текст известия в таком виде существовал уже в 10-х гг. XV в.

Для наглядности полученные результаты сведены в таблицы. Из табл. 1 видно, что из 38 выделенных в Рог. полных календарных дат 31 дата не содержит ошибок или неточностей. Эти даты обнаруживают, что большинство известий (28) датированы мартовским (или сентябрьским) стилем (табл. 2). Из них восемь дат являются чисто мартовскими. Это дает право сделать вывод о том, что в основу датировки известий Рог. положено мартовское начало года. Однако наличие в летописи известий с ультрамартовской датировкой (табл. 3) показывает, что Рог. является сложным по своему составу источником. Разобранные даты могут служить опорными для дальнейшего исследования как хронологии Рог., так и истории его текста.

При сопоставлении данных хронологии и текстологии, выделенных известий Рог. с аналогичными или сходными записями известий других летописей, обнаруживается, что источники, использованные для их создания, имели также составной характер. Из табл. 4 видно, что в общем источни-

ке Рог. и Сим. присутствовала, как мартовская, так и ультрамартовская датировка известий (дата № 1 и восстановленные — № 2, 19). В общем источнике Рог., Сим. и Тв. сб. наблюдается та же картина (табл. 5 — дата № 8). Наличие ультрамартовской датировки в общем источнике Рог. и Тв. сб. (табл. 6 — дата № 1) не дает, на данном этапе исследования хронологии Рог., оснований для предположения о существовании тверского источника с ультрамартовской датировкой. Появление такой датировки в единственной полной календарной дате, имеющей сходную запись с Тв. сб., может указывать лишь на редакцию текста известия источника составителем Рог. (в Тв. сб. она отнесена к 6819 мартовскому /или сентябрьскому/ году).

В отношении четырех известий с ультрамартовской датировкой (табл. 2 и 7 — восстановленная дата № 7) можно сделать предположение о принадлежности этих известий к московскому источнику, который, возможно, был датирован ультрамартовским стилем. Что это мог быть за источник? Исходя из содержания известий, можно сделать два предположения:

1. Три из четырех известий посвящены семейным делам московских князей (женитьба князей, приезд княжны Софьи). Это дает основание говорить о возможности существования в Москве княжеской летописи¹¹³.

2. Три из четырех известий связаны с церковными делами (поставление митрополитом епископа, венчание), что может говорить о существовании митрополичьего свода, в который заносились сведения о наиболее значительных событиях, связанных с церковью. Если учесть восстановленную дату о пожаре в церкви на Городце (табл. 7 — дата № 1) также с ультрамартовской датировкой, то можно предположить, что сведения, собиравшиеся в этот свод, не ограничивались территорией московского княжества или местом пребывания митрополита (например, Тверь).

В результате обследования полных календарных дат обнаружилось, что ряд дат в записях содержат ошибки или неточности (табл. 7). Наличие ошибок или неточностей в текстах известий связано с работой не сводчика Рог., а состави-

телей его источников. Такой вывод делаем на основании того, что аналогичные ошибки присутствуют и в записях летописей, генетически связанных с Рог., но не находящихся от него в прямой зависимости. Эти летописи содержат тексты тождественные или сходные с ним. Следовательно, ошибки или неточности в датах уже присутствовали в источниках, общих для Рог. и этих летописей (Сим., Тв. сб.).

Сокращения принятые в таблицах:

- сх – текст сходен с записью в Рог.;
- а – текст тождественен записи Рог.;
- с – текст сокращен по отношению к записи в Рог.;
- м/с – мартовский (или сентябрьский) стиль;
- м – мартовский стиль;
- у – ультрамартовский стиль;
- у/с – ультрамартовский (или сентябрьский) стиль;
- Лавр – Лаврентьевская летопись;
- Тв – Тверской сборник;
- Сим – Симеоновская летопись;
- Н1 – Новгородская первая летопись младшего извода;
- СМ – год от «Сотворения мира»;
- РХ – год от «Рождества Христова»;
- ** – даты, содержащие ошибки или неточности;
- *** – известия с ультрамартовской датировкой.

Таблица 1

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями		Предположительное исправление ошибки в дате (если есть)
					6	7	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	6744	3 августа, воскресенье	1236	м/с	Лавр	сх	
2***	6820	21 марта, воскресенье	1311	у	Тв	сх	
3***	6874	18 января, воскресенье	1366	у/с	Сим	а	
4**	6876	11 апреля, четверг	?	?	Сим	а	15 апреля, четверг, 6876 — у (1367)
5	6876	21 ноября, вторник	1368	м	Сим	а	
6	6879	15 июня, воскресенье	1371	м/с	Сим	сх	
7	6880	31 мая, понедельник	1372	м/с	Тв	с	
8	6881	11 апреля, понедельник	1373	м/с	Тв	с	
9	6882	9 марта, четверг	1374	м/с	Тв	сх	
10	6883	29 июля, воскресенье	1375	м/с	Тв	с	
					НІ	сх	

1	2	3	4	5	6	7	8
11-12	6883	5 августа, воскресенье;	1375	м/с	Тв	с	
13	6884	8 августа, среда					
		17 октября, пятница	1376	м	Н1	а	
14**	6884	16 марта, понедельник	?	?	Сим	а	16 марта, понедельник, 6885 — м/с (1377)
15-16	6885	2 августа, воскресенье;	1377	м/с	Сим	а	
		5 августа, среда			Тв	с	
17	6885	12 февраля, пятница	1378	м	Сим	а	
18	6886	11 августа, среда	1378	м/с	Тв	с	
19	6886	5 декабря, воскресенье	1378	м	Сим	а	
20**	6887	25 марта, воскресенье	?	?	Сим	сх	25 марта, воскресенье, 6888 — м/с (1380)
21	6887	воскресенье					
		26 июля, вторник	1379	м/с	Сим	а	
22	6887	30 августа, вторник	1379	м/с	Сим	а	
23	6887	11 сентября, воскресенье	1379	м	Тв	с	
		воскресенье			Сим	а	
24	6887	9 декабря, пятница	1379	м	Сим	а	
25**	6888	15 июня, воскресенье	?	?	Сим	а	15 июля, воскресенье, 6888 — м/с (1380)

1	2	3	4	5	6	7	8
26	6888	8 сентября, суббота	1380	м	Сим	а	
27**	6890	23 августа, понедельник	?	?	Сим	сх	5 августа, понедельник, 6890 — м/с (1382)
28	6891	25 марта, среда	1383	м/с	Сим	а	
29	6891	5 июля, воскресенье	1383	м/с	Сим	а	
30	6893	25 марта, суббота	1385	м/с	Сим	а	
31	6893	26 ноября, воскресенье	1385	м	Сим	а	
32	6896	10 марта, вторник	1388	м/с	Сим	а	
33**	6896	6 июля, воскресенье	?	?	Сим Тв	а с	1) 6 июля, понедельник, 6896 — м/с (1385) 2) 5 июля, воскресенье, 6896 — м/с (1385)
34	6897	19 мая, среда	1389	м/с	Сим	сх	
35**	6898	1 декабря, четверг	1390?	м?	Сим	а	30 декабря, четверг, 6898 — у/с (1389)
36***	6898	9 января, воскресенье	1390	у/с	Сим Тв	а с	
37-38	6907	26 августа, вторник; 27 августа, среда	1399	м/с	Сим	а	

Таблица 2

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями	
					6	7
1	2	3	4	5	6	7
1	6744	3 августа, воскресенье	1236	м/с	Лавр	сх
2	6876	21 ноября, вторник	1368	м	Сим	а
3	6879	15 июня, воскресенье	1371	м/с	Тв	с
4	6880	31 мая, понедельник	1372	м/с	Сим	сх
5	6881	11 апреля, понедельник	1373	м/с	Тв	с
6	6882	9 марта, четверг	1374	м/с	Н1	сх
7	6883	29 июля, воскресенье	1375	м/с	Тв	с
8-9	6883	5 августа, воскресенье; 8 августа, среда	1375	м/с	Н1	сх
10	6884	17 октября, пятница	1376	м	Н1	а
11-12	6885	2 августа, воскресенье; 5 августа, среда	1377	м/с	Сим	а
13	6885	12 февраля, пятница	1378	м	Тв	с
14	6886	11 августа, среда	1378	м/с	Сим	а
15	6886	5 декабря, воскресенье	1378	м	Тв	с
					Сим	а

1	2	3	4	5	6	7
16	6887	26 июля, вторник	1379	м/с	Сим	а
17	6887	30 августа, вторник	1379	м/с	Сим	а
18	6887	11 сентября, воскресенье	1379	м	ТВ	с
19	6887	9 декабря, пятница	1379	м	Сим	а
20	6888	8 сентября, суббота	1380	м	Сим	а
21	6891	25 марта, среда	1383	м/с	Сим	а
22	6891	5 июля, воскресенье	1383	м/с	Сим	а
23	6893	25 марта, суббота	1385	м/с	Сим	а
24	6893	26 ноября, воскресенье	1385	м	Сим	а
25	6896	10 марта, вторник	1388	м/с	Сим	а
26	6897	19 мая, среда	1389	м/с	Сим	сх
27-28	6907	26 августа, вторник; 27 августа, среда	1399	м/с	Сим	а

Таблица 3

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями
1***	6820	21 марта, воскресенье	1311	У	Тв сх
2***	6874	18 января, воскресенье	1366	У/с	Сим а
3***	6898	9 января, воскресенье	1390	У/с	Сим а Тв с

Таблица 4

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями			Предположительное исправление ошибки в дате (если есть)
					5	6	7	
1	2	3	4	5	6	7	8	
1***	6874	18 января, воскресенье	1366	У/с	Сим а			
2**	6876	11 апреля, четверг	?	?	Сим а			15 апреля, четверг, 6876 — У (1367)
3	6879	15 июня, воскресенье	1371	М/с	Сим сх			
4**	6884	16 марта, понедельник	?	?	Сим а			16 марта, понедельник, 6885 — М/с (1377)
5	6886	5 декабря, воскресенье	1378	М	Сим а			
6**	6887	25 марта, воскресенье	?	?	Сим сх			25 марта, воскресенье, 6888 — М/с (1380)

1	2	3	4	5	6	7	8
7	6887	26 июля, вторник	1379	м/с	Сим	а	
8	6887	11 сентября, воскресенье	1379	м	Сим	а	
9	6887	9 декабря, пятница	1379	м	Сим	а	
10**	6888	15 июня, воскресенье	?	?	Сим	а	15 июля, воскресенье, 6888 — м/с (1380)
11	6888	8 сентября, суббота	1380	м	Сим	а	
12**	6890	23 августа, понедельник	?	?	Сим	сх	25 августа, понедельник, 6890 — м/с (1382)
13	6891	25 марта, среда	1383	м/с	Сим	а	
14	6891	5 июля, воскресенье	1383	м/с	Сим	а	
15	6893	25 марта, суббота	1385	м/с	Сим	а	
16	6893	26 ноября, воскресенье	1385	м	Сим	а	
17	6896	10 марта, вторник	1388	м/с	Сим	а	
18	6897	19 мая, среда	1389	м/с	Сим	сх	
19**	6898	1 декабря, четверг	1390?	м?	Сим	а	30 декабря, четверг, 6898 — у/с (1389)
20-21	6907	26 августа, вторник; 27 августа, среда	1399	м/с	Сим	а	

Таблица 5

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями	Предположительное исправление ошибки в дате (если есть)
1	6876	21 ноября, вторник	1368	м	Сим Тв	а с
2-3	6885	2 августа, воскресенье;	1377	м/с	Сим	а
		5 августа, среда			Тв	с
4	6885	12 февраля, пятница	1378	м	Сим	а
		11 августа, среда			Тв	с
5	6886		1378	м/с	Сим	а
					Тв	с
6	6887	30 августа, вторник	1379	м/с	Сим	а
		6 июля, воскресенье	?	?	Тв	с
7**	6896				Сим	а
					Тв	с
8***	6898	9 января, воскресенье	1390	у/с	Сим	а
					Тв	с

1) 6 июля, понедельник,
6896 — м/с (1385)
2) 5 июля, воскресенье,
6896 — м/с (1385)

Таблица 6

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями
1***	6820	21 марта, воскресенье	1311	у	Тв
2	6880	31 мая, понедельник	1372	м/с	Тв
3	6881	11 апреля, понедельник	1373	м/с	Тв
4	6882	9 марта, четверг	1374	м/с	Н1
5	6883	29 июля, воскресенье	1375	м/с	Тв
6-7	6883	5 августа, воскресенье; 8 августа, среда	1375	м/с	Н1
					Тв
					сх
					с
					с
					сх
					с

Таблица 7

№	Год от СМ	Дата	Год от РХ	Стиль	Сходство с другими летописями			Предположительное исправление ошибки в дате (если есть)
					6	7	8	
1**	6876	11 апреля, четверг	?	?	Сим	а	15 апреля, четверг, 6876 — у (1367)	
2**	6884	16 марта, понедельник	?	?	Сим	а	16 марта, понедельник, 6885 — м/с (1377)	

1	2	3	4	5	6	7	8
3**	6887	25 марта, воскресенье	?	?	Сим	сх	25 марта, воскресенье, 6888 — м/с (1380)
4**	6888	15 июня, воскресенье	?	?	Сим	а	15 июля, воскресенье, 6888 — м/с (1380)
5**	6890	23 августа, понедельник	?	?	Сим	сх	25 августа, понедельник, 6890 — м/с (1382)
6**	6896	6 июля, воскресенье	?	?	Сим Тв	а с	1) 6 июля, понедельник, 6896 — м/с (1385) 2) 5 июля, воскресенье, 6896 — м/с (1385)
7**	6898	1 декабря, четверг	1390?	М?	Сим	а	30 декабря, четверг, 6898 — у/с (1389)

- ¹ Вторая публикация свода была осуществлена в 1965 г.
- ² Попытка реконструкции текста «Свода 1408 г.» была предпринята М.Д.Приселковым. Как основной материал при реконструкции пергаменного памятника исследователь использовал текст Симеоновской летописи, являвшейся, предположительно, вторым этапом переработки свода. Первую обработку Троицкой летописи, содержал Рогожский летописец (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.-Л., 1950. Стб. 23; *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси. XIII-XV века. М., 1983. С. 23; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 37-38).
- ³ А.А.Шахматов не ставил перед собой задачи исследования всего состава летописи. Он ограничился лишь краткими замечаниями относительно возможности разбить ее на части в зависимости от сходства и связи этих частей с другими летописными сводами (см.: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.-Л., 1938. С. 311-312).
- ⁴ Впоследствии А.А.Шахматов изменил суждение и пришел к выводу, что в основу первой части Рогожского летописца был положен источник условно названный им как новгородско-софийский свод, составленный предположительно в 1430-х гг. в Новгороде (см.: *Шахматов А.А.* Обзорение... С. 366, 368).
- ⁵ *Шахматов А.А.* Обзорение... С. 311-321.
- ⁶ *Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. //Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 709-738; № 10. С. 739-773; *он же.* Летописные своды Тверского княжества //Доклады АН СССР. М., 1926. Серия В. Ноябрь-декабрь. С. 125-128.
- ⁷ *Приселков М.Д.* История русского летописания. XI-XV вв. Л., 1940. С. 114-115, 141; *он же.* Троицкая летопись... С. 19-20.
- ⁸ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 36, 49-50.
- ⁹ *Прохоров Г.М.* Избыточные материалы Рогожского летописца // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 186-187, 194, 202.
- ¹⁰ *Муравьева Л.Л.* Летописание... С. 24; *она же.* Заметки о Рогожском летописце //Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. 1984. М., 1986. С. 145-152; *она же.* Рогожский летописец XV века. М., 1998. С. 9.
- ¹¹ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 37-42.
- ¹² *Кучкин В.А.* Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь // Летописи и хроники. Сб. ст. 1973. М., 1974. С. 12; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 50.
- ¹³ *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247-1485 г.). Тверь, 1994. С. 30.

- 14 Ключ Э. Указ. соч. С. 135 (примеч. 24), 176, 196-197, 237 (примеч. 4) и др.
- 15 *Святский Д.О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. Пг., 1915. С. 14-15, 34-35 (для определения солнечных и лунных затмений автор работы пользовался «Канонем Опольцера», а также «Канонем русских затмений» М.А.Вильева); *Степанов Н.В.* Календарно-хронологический справочник // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1917. С. 180 (автор работы делал расчеты солнечных и лунных затмений на основе работ Опольцера, в том числе его трудом «Canon der Finsternisse»); *Морозов Н.А.* Христос. Руины и Привидения. Т. 5. М., 1998. С. 126 (систематизированные хронологические таблицы лунных и солнечных затмений составлены В.А.Казицыным и Н.А.Морозовым на основе числовых данных Опольцера в Астрономическом отделении Государственного научного института имени П.Ф.Лесгафта).
- 16 Расчет соотношения между величиной фазы видимости, определявшейся летописцами по дням возраста луны, и действительной величиной фазы в дюймах был сделан М.А.Вильевым (см.: *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 11).
- 17 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 34-35.
- 18 Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 1. М., 1962. Стб. 460; Т. 10. СПб., 1885. С. 104.
- 19 ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 54; Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915. С. 214; Т. 16. СПб., 1889. Стб. 50; Т. 25. М.-Л., 1949. С. 126; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 156; Т. 23. СПб., 1910. С. 74.
- 20 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 74, 285; ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 214; Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 210; Т. 25. С. 126; Т. 10. С. 105; Т. 15. СПб., 1863. С. 364.
- 21 *Шахматов А.А.* Обзорение... С. 313-314.
- 22 Софийско-новгородская группа летописей такого известия не содержит.
- 23 *Насонов А.Н.* Летописные памятники... С. 734-735. Считать, что в источнике Рог. произошло совмещение известия, взятого из свода, содержавшего ростовский материал (о поставлении Прохора), с тверским известием о поставлении епископом Харлампия в Твери, нет оснований. В летописях, где встречается известие о поставлении Прохора епископом в Ростов отсутствует дата события.
- 24 К местной версии (тверской) относит данное известие в Рог.-Тв. сб. Л.Л.Муравьева (см.: *Муравьева Л.Л.* Летописание... С. 229).
- 25 Великий пост начинался с 16 февраля 6873 мартовского года (= 6874 ультрамартовскому /или сентябрьскому/ году).
- 26 В Тв. сб. известие отсутствует.

- 27 Разбирая в своем исследовании текст сообщения, Л.Л.Муравьева пишет: «МС-Воскр., Супр. называют, в отличие от Тр. и других летописей, имя княжны — Евдокия» (см.: *Муравьева Л.Л.* Московское летописание второй половины XIV-начала XV века. М., 1991. С. 78). К сожалению, автор допустила неточность: все летописи, где встречается это известие (Ник., МС, Воскр., Н4Л, С1Л, Авр. и др.) дают написание имени — Евдокия и только Рог., Сим. и Вл. — Овдотья. Какое написание имени дочери суздальского князя было в Троицкой летописи, мы точно не знаем, т.к. Н.М.Карамзин не привел выписки из этой летописи (ни дословной, ни в пересказе). Можно только предполагать, что в этом своде оно было таким же, как в Рог.-Сим.
- 28 ПСРЛ. Т. 18. С. 107; Т. 25. С. 394; Т. 8. СПб., 1859. С. 15.
- 29 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 2. Примечания. Т. 5. М., 1989. Примеч. 137.
- 30 У Приселкова отсутствует указание на эту выписку (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 386).
- 31 Н.Г.Бережков датировал всю статью Сим. под данным годом (не разбирая известий) как мартовскую, а, следовательно, и указанное известие (см.: *Бережков Н.Г.* Хронология... С. 27, 352).
- 32 Запись сообщения, скорее всего, восходит к московскому источнику. Автор с горечью повествует о приходе князя Ольгерда: «Се же зло сътворися за наши грѣхы, а преже того толь велико зло Москвѣ отъ Литвы не вывало въ Руси, аще и отъ Татаръ бывало. Отъ Федорьчуковы до Олгердовы рати лѣтъ 41» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 90). О шероховатости этой фразы писал еще М.Д.Приселков. Он полагал, что в первоначальной записи читалась только первая часть фразы до слова «въ Руси», т.к. это было первое чувствительное поражение Москвы от Литвы. Вторую часть мог приписать, как считал исследователь, позднейший сводчик, работавший при митрополичьем дворе во времена митрополита Киприана (начало XV в.): «... не ясно ли, что сопоставление татарского погрома Твери в 1327 г. с опустошением Москвы в 1368 г. могло быть сделано лицом, пытавшимся стать выше споров Москвы с Тверью и оспориавшим прошлое с точки зрения Руси» (см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940. С. 138). Вторая часть фразы не могла быть написана при предшественнике Киприана митрополите Алексее, придерживавшегося промосковской ориентации и стремившегося помочь московской княжеской династии укрепиться на великокняжеском столе. Начало рассказа («...и тако, воюя хитростію и скрадывая ... многы ... страны пополнилъ; не толма силою елико үменіємъ воеваше...»). В 1375 г. патриарх Филофей поставил

Киприана митрополитом «всей Русской земли». В это время был еще жив митрополит Алексей и великий князь не пожелал принять митрополита, фактически ставленника литовского князя Ольгерда. Для привлечения на свою сторону новгородцев, Киприан послал им зимой 6884 мартовского (1376/7) года из Литвы, где он в это время находился, ставленные патриаршие грамоты. Новгородцы, в тот момент дружившие с Москвой, отвечали: «шан князю великому, аще примет тя князь великий митрополитом всеи Рускои земли, и намъ еси митрополитъ». Но Киприан, зная ответ великого князя на Москву послов не отправил (см.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 374; *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 5. Стб. 30; *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 46; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993. С. 320-323). Таким образом, похвала воинскому искусству Ольгерда могла быть вставлена в текст уже существовавшего сообщения только при Киприане, знавшего литовского князя непосредственно. На эту приписку позднейшего сводчика указывал и Приселков (см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания... С. 137).

- 33 21 ноября входит в рождественский пост, в этот день отмечается Введение святой Богородицы в храм.
- 34 А.Н.Насонов относил известие Рог. к протографу Сим., т.е. к Московскому своду (см.: *Насонов А.Н.* Летописные памятники... С. 724-726).
- 35 Сим., Вл., МС-Воскр. дают известие под ультрамартовским 6881 г.
- 36 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 101.
- 37 Что это был за новгородский источник? Точно такое же, как в Сим., чтение известия о взятии Торжка дает Н1Л младшего извода (под 6880 г.). В ней лишь отсутствует фраза, данная в Сим. в конце сообщения от слов «И тако взявъ Торжекъ» до «въ свои градъ на Тферъ» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 371-372; ПСРЛ. Т. 18. С. 113). Видимо, обе летописи в данном случае имели общий источник новгородского происхождения.
- 38 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 27. Л.Л.Муравьева относит выписку Н.М.Карамзина о походе к Тр. (см.: *Муравьева Л.Л.* Московское летописание... С. 84, 114).
- 39 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 372.
- 40 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 104.
- 41 Там же. Т. 15. Стб. 433.
- 42 *Насонов А.Н.* Летописные памятники... С. 735.
- 43 В Ник. против Рог. отмечено, что Алексей прибыл в Тверь в феврале. Другие летописи, в том числе Сим., такого известия не содержат.

- 44 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 39; *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 132.
- 45 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110.
- 46 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 372.
- 47 ПСРЛ. Т. 4. Вып. 1. С. 301; Т. 16. Стб. 99; Т. 25. С. 190; и др.
- 48 В тексте Сим. после слов «и пріатчь... Алексня въ любовь» дополнительно читается «и взъвеселнишася веселіемъ духовнымъ». У Н.М.Карамзина читается выписка о событиях в пересказе, без указания на источник (см.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 137). Полагаем, что она сделана на основе известия, содержавшегося в Тр. В выписке Н.М.Карамзина Алексей именуется «архиепископом». Такое чтение содержит только Сим., в других летописях – НІЛ младшего извода, Рог., МС-Воскр., Ник., Вл. – «владыка». В выписке также сказано, что 17 октября (день возвращения Алексея в Новгород Великий) – «пятница». День недели указан только в Рог. и НІЛ младшего извода. Наличие разночтений в Рог., НІЛ младшего извода, Сим. и выписке Карамзина позволяют говорить в пользу того, что выписка сделана по Тр. и название недели присутствовало в записи Тр. М.Д.Приселков не учел данного обстоятельства при восстановлении текста известия Тр. и восстановил текст по Сим. (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 401).
- 49 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116.
- 50 Эта часть текста читается также в Н4Л, МС и ряде других сводах, содержащих запись о событии в близкой к Рог. редакции.
- 51 ПСРЛ. Т. 18. С. 118.
- 52 Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 118.
- 53 *Сергий.* Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1997. С. 41. В некоторых месяцесловах, прологах, уставах он именуется патриархом Антиохийским (*там же.* С. 52, 72, 252, 256). *Мальцев А.* Месяцеслов православной кафолической Восточной церкви. Ч. 1. Берлин., 1900. С. 948.
- 54 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 55.
- 55 НІЛ младшего извода, С1Л, Н4Л, Авр. и Вл. помещают известие под ультрамартовским 6887 г.
- 56 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 136.
- 57 *Дагаев М.М.* Солнечные и лунные затмения. М., 1978. С. 92; Астрономия. М., 1983. С. 121; *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 23.
- 58 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 76-86, 108; *Степанов Н.В.* Указ. соч. С. 161.; *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 55.
- 59 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 108.
- 60 Святский отмечал, что в момент лунного затмения астрономические сутки начинались в 6.5 утра и указание на «раннюю за-

- рю» данное в Ник. очень неточно (см.: *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 108).
- 61 Приселков отнес выписку Карамзина к Тр. (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 417. Примеч. 2).
- 62 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 137.
- 63 *Бакулин П.И., Кононович Э.В., Мороз В.И.* Курс общей астрономии. М., 1977. С. 149; *Дагаев М.М.* Солнечные и лунные затмения... С. 92; *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 63.
- 64 Всякое лунное затмение считается сверх-полным в случаях, когда хорда земной тени, проходящая центром луны, превышает ее диаметр, принятый в астрономических единицах за 12 дюймов. Таким образом, если ширина земной тени на пути луны больше, чем лунный поперечник, то полная фаза лунного затмения бывает продолжительной (см.: *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 7; *Дагаев М.М.* Солнечные и лунные затмения... С. 88-90).
- 65 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 108; *Морозов Н.А.* Христос... Т. 5. С. 7, 13, 55.
- 66 Благовещение отмечалось (и отмечается) церковью постоянно 25 марта (непереходящий церковный праздник). Число, когда отмечалась Пасха, год от года менялось (и меняется), т.к. Пасха являлась (и является) праздником подвижным (переходящим). Но при этом Пасха всегда приходилась (и приходится) на воскресный день.
- 67 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 136.
- 68 Там же.
- 69 Там же. Т. 4. Вып. 2. Л., 1925. С. 310.
- 70 Правда, исследователь сомневался в правильности установленной им даты, выведенной из летописной статьи 6888 г., и вторично, предположительно, датировал общий источник Н4Л и С1Л 30-ми гг. XV в. (см.: *Шахматов А.А.* Обзорение... С. 154, 366).
- 71 *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 108-110.
- 72 Для проверки хронологических данных этих текстов необходимо вновь обращаться к составу и тенденциям данных сводов, как предлагал Я.С.Лурье, разобрав варианты толкований исследователями известия о кириопасхе под 6888 г. (см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 110).
- 73 *Приселков М.Д.* История русского летописания... С. 143-146, 163. Связь протографа Н4Л-С1Л с Тр. (свод 1408) не отмечалась А.А.Шахматовым, возводившим свод 1448 г. к Владимирскому Полихрону 1423 г., а Полихрон — к новгородскому и ростовскому сводам.
- 74 МС-Воскр.-Ник. сокращают текст с указанием, что «о них же преже написахомъ в лѣто 85» и «сія же повесть преже написана, въ Митяеве повести» (ПСРЛ. Т. 25. С. 200; Т. 8. С. 33; Т. 11. СПб., 1897. С. 44).

- 75 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 37.
- 76 ПСРЛ. Т. 11. С. 45.
- 77 *Святский Д.О.* Астрономические явления... С. 39-41; *Прозоровский Д.М.* О старинном русском счислении часов. СПб., 1881. С. 57, 72.
- 78 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 37. Как публичную казнь трактует известие об убийстве сына тысяцкого М.Н.Тихомиров (см.: *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV-XV в. М., 1957. С. 173).
- 79 М.Д.Приселков относил выписку Карамзина через Сим. к Тр. (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 418. Примеч. 2).
- 80 *Муравьева Л.Л.* Московское летописание... С. 88, 115.
- 81 Ср.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. Примечания. Т. 4. Примеч. 154; и др.; а также: Кн. 2. Примечания. Т. 5. Примеч. 44, 114, 124, 137.
- 82 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 96-97, 99-100.
- 83 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 5. Стб. 46.
- 84 В Тв. сб. приведена дата 20 августа, как время прихода Тохтамыша к Москве. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 441). По-видимому, в данном случае сводчик пропустил букву-цифру после 20 (к), которая читалась в протографе.
- 85 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 141-142.
- 86 В 6891 мартовском году с весны по ноябрь Семен находился в ставке хана вместе со своим дядей Борисом Константиновичем (см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 148-149).
- 87 Автор исследования не права, возводя аналогичный текст Рог. к Сим. (см.: *Салмина М.А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // Куликовская битва и подъем национального самосознания. ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1979. С. 137). Рог. является ранним источником по сравнению с Сим. В данном случае можно говорить лишь о том, что в Рог. и Сим. отразился текст общего для двух летописей рассказа источника.
- 88 Так Я.С.Лурье, рассматривая вопрос о том, что представлял собой «Летописец великий русский», на который ссылался составитель свода 1408 г. (как один из вариантов), предполагал, что это могла быть московская великокняжеская летопись, доведенная до времени правления Василия I. Эта летопись, по мнению исследователя, не давала еще развернутого изложения официальной идеологии и рассказы о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и смерти Дмитрия едва ли представляли в ней развернутые рассказы в сравнении со сводом 1408 г. (см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 65).
- 89 М.А.Салмина сама же в исследовании отмечает, что «*краткий рассказ свода 1408 г. ... уже в какой-то мере литературно обработанное произведение в «духе» киприановской традиции*» и при-

- водит тому текстологическое подтверждение (см.: *Салмина М.А.* Повесть о нашествии... С. 145).
- 90 Близость в чтении распространяется не только на отдельные выражения, но и на целые обороты (см.: *Салмина М.А.* Повесть о нашествии... С. 137).
- 91 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 137.
- 92 М.Д.Приселков отнес выписку Карамзина через Сим. к Тр. (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 427. Примеч. 1).
- 93 *Насонов А.Н.* История русского летописания. XI – нач. XVIII в. М., 1969. С. 171-172. Как нижегородско-суздальское известие определяет запись в Рог.-Сим. Л.Л.Муравьева (см.: *Муравьева Л.Л.* Летописание... С. 179).
- 94 М.Д.Приселков отнес выписку Карамзина через Сим. к Тр. (см.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 428. Примеч. 4).
- 95 Лазарева суббота в 6893 мартовском (или сентябрьском) году попадала на 25 марта, что подтверждает правильность данной датировки года.
- 96 В недавно опубликованной работе автор отнесла это известие уже к московской летописной традиции, в отличие от предшествующих работ (см.: *Муравьева Л.Л.* Рогожский летописец... С. 94-101; *она же.* Летописание... С. 238).
- 97 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 114.
- 98 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 154.
- 99 *Сергий.* Полный месяцеслов... С. 202.
- 100 ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 243.
- 101 Для 6896 мартовского (или сентябрьского) года – 22 апреля.
- 102 В современных святцах память святого Пахомия приходится на 15 мая, по некоторым греческим и западным источникам в XIII-XIV вв. память св. Пахомия отмечалась 7 мая (см.: *Сергий.* Полный месяцеслов... С. 135).
- 103 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 381-382.
- 104 Относительно числа месяца придерживаемся второго варианта, т.е. 5 июля.
- 105 *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 433. Примеч. 1.
- 106 В 6897 мартовском (или сентябрьском) году на пятую неделю по Пасхе попадали числа с 17 по 23 мая, что подтверждает данную датировку года известия и правильность летописной даты.
- 107 ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 156; Т. 18. С. 138-139.
- 108 Там же. Т. 25. С. 215-218; Т. 8. С. 53-60; Т. 11. С. 108-121.
- 109 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 118.
- 110 Эту же дату приводят МС-Воскр., Ник., Ермолинская и Львовская летописи.
- 111 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания. Т. 5. Примеч. 141.

¹¹² Об источниках МС см.: *Шахматов А.А. Обзорение...* С. 267-268.

¹¹³ А.А.Шахматов, проведя текстологический анализ МС, писал: «Думаю, что не может подлежать сомнению существование в Москве княжеской летописи, если не ведшейся из года в год, то периодически дополнявшейся сообщениями о текущих событиях ... Считаю вероятным предположение, что Московская летопись составляла самостоятельное целое...» (см.: *Шахматов А.А. Обзорение...* С. 282-283). Предположение о существовании семейной хроники московских Даниловичей выдвигал М.Д.Приселков, его поддержал Я.С.Лурье (см.: *Приселков М.Д. История русского летописания...* С. 124; *Лурье Я.С. Общерусские летописи...* С. 64).

НОВЫЙ СПИСОК СКАЗАНИЯ «О ЧЕЛОВЕЦЕХ НЕЗНАЕМЫХ»

Как известно, лучшее является опасным врагом хорошего. А стремление к совершенству может стать главной помехой на пути любого исследования. В истории средневековых литератур упорное стремление к совершенству (*perfectionism*, according to the *American Heritage Dictionary*) нередко принимает форму погони за всеми сохранившимися списками изучаемого сочинения. Погоня эта не лишена азарта, однако далеко не всегда приносит желанные плоды, ибо ведется не в лесу — но в дебрях публичных библиотек и архивов, которые то закрыты, то плохо описаны, то и вовсе секретны. Начиная свое исследование Сказания «О человецах неизвестных», автор потратил годы труда и извлек на свет четырнадцать списков этого сочинения, опубликовал две статьи (1987, 1992)¹, комментарии к «Запискам» Герберштейна (1988)², и небольшую книжку, посвященную анализу Сказания (1993)³. Как и следовало ожидать, четырнадцать списков не исчерпывали всей рукописной традиции статьи «О человецах неизвестных». Уже после того, как книжка вышла из печати, в сентябре 1994 г., заведующая рукописным отделом Государственного исторического музея Елена Ивановна Серебрякова указала мне еще одну рукопись, содержащую Сказание.

Сказание «О человецах неизвестных» является драгоценным источником, рассказывающим о начале продвижения русских за Урал, в Восточную страну. Сказание сохранило отрывки устных преданий тех угро-самодийских народов, с которыми встретились русские военные отряды и купеческие экспедиции на исходе XV столетия. Обширная земля, открывшаяся русским за Уралом, не была известна христианским космографам, и нигде в мире невозможно было отыскать карты или портоланы с описанием хорографии этого круглящегося и отступающего вдаль пространства. Спускаясь

с восточных склонов Уральских гор, русские принесли с собой практическую сметку и трезвый опыт традиционного землеведения, и потому начали свое познание новой страны как акт розыскного дела, опрашивая через толмачей всех местных инородцев. Записи подобных опросов (вероятно, в 1484/85 г.) и послужили материалом для Сказания «О человецех незнаемых». Забелинский список Сказания никогда прежде не изучался и не был издан, и наша статья впервые вводит его в круг ранних известий о начале русской истории Сибири.

Забелинская рукопись не имеет печатного описания и хранится в ГИМ в собрании И.Е.Забелина под номером 419, в четвертку, на 153 листах. Все статьи сборника скопированы одним писцом, который работал вскоре после 1561 г. (дата на л. 115; маркировочные знаки бумаги – «тиара» трех типов, один из них на л. 47-48 идентичен Piccard IX, 152, 1561)⁴. Сборник представляет собой коллекцию статей, восходящую, вероятно, к архиву ростовского и ярославского архиерейского дома (к моменту создания сборника кафедру занимал Никандр, бывший игумен Троице-Сергиева монастыря)⁵. В составе забелинского сборника находим «Стословец» патриарха Геннадия (л. 1-15об.), «Четырдесятисловец» Иоанна Златоуста (л. 16-31), толкования образа Софии Премудрости Божией (л. 31-33), фрагменты из Пчелы, из сочинений Иоанна Златоуста и другие статьи (л. 33-36об.), «Слово» Феодорита о крещении (л. 36об.-37), отрывки славянского перевода византийского чина поставления императора и его брата-соправителя (л. 38-41об.), фрагмент чина поставления константинопольского патриарха (л. 41об.), покаянная молитва (л. 42-42об.), «Исповедание» Каллиста Ксанфопула (л. 43-53об.), оригинальный рассказ о приезде будущего ростовского и ярославского архиепископа Тихона Мальщкина на поставление в Москву 15-17 января 1489 г., с росписью всех дач и поминков участникам поставления и великокняжеской семье (л. 54-56)⁶, «Исхождение» Авраамия Суздальского (л. 60-67)⁷, Повесть об Афонских монастырях (л. 67об.-69об.), интересующее нас Сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» (л. 74-77), отрывок из по-

учения митрополита Петра (л. 84-84об.), фрагмент послания новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Федору о рае (л. 91-91об.), отрывок с датой 1548/49 г., фрагмент ярлыка Сунулбека и известие о казанских князьях (л. 94-96об.)⁸, духовная грамота митрополита Алексея 1378 г. (л. 110об.-111)⁹, разрешительная грамота священноиноку Закхею, выданная киевским митрополитом Иосифом II Солтаном, 1508-1522 гг. (л. 112-113об.)¹⁰, рассказ об афонском посольстве в Москву в 1561 г. (л. 115-116об.) и «Сказание о святей горе Афонской известно и достоверно» (л. 117-153).

Забелинский список Сказания «О человецех незнаемых» оказывается шестым по старшинству среди всех ранее обнаруженных списков этого сочинения. Напомню, что древнейший список был найден в сборнике 1495-1498 гг., составленном в окружении пермского епископа Филофея, вероятно, во владычном городке Усть-Вым¹¹. Сборник Забелина № 419, начала 1560-х гг., принадлежит к тому же типу сборников, куда вошли материалы одной из святительских кафедр, в данном случае — ростовской и ярославской. Составителя сборника мало увлекала практическая идея собрать под одной обложкой формуляры церковных грамот — его интересовали занимательные статьи, богословские темы, разные описания событий церковной истории. Забелинский сборник представляет собой коллекцию переходного типа — от известных церковных формулярников, обычно создаваемых при владычных кафедрах и в больших монастырях взамен или в подспорье кафедральному архиву¹² — к сборникам космографического содержания, особенно популярным в XVII столетии.

Статья «О человецех незнаемых», рассказывающая о диких чудесах Восточной страны (так обычно называли ту территорию, которая впоследствии получила название Сибири), помещалась среди церковно-исторических статей по той причине, что она сама была создана при кафедре пермского епископа в декабре 1484 — августе 1485 г.¹³ и отражает древнейший этап миссионерского интереса русских к языческим народам Восточной страны — Сибири.

Забелинский список (далее: З) безусловно относится ко второй редакции Сказания: в нем есть известие (2) о личной самояди¹⁴. Проследим те особенности списка, которые позволяют определить его место среди прочих списков второй редакции. Заголовок З сходен с заголовками списков Попов 59 (П), Синод. 272 (Син), ф. 181, №591 (Ц): «на Восточной стране» (I, 1) и дополнение «о языцех розных» (I, 2). Отметим и другие безусловные приметы близости З спискам П Син Ц: доб. «окияном» (I, 6), «а межи» вместо «да межи» других списков (I, 12), «в землю его» (I, 20), «товар у них» вместо «товар их» (I, 30), «за теми же людьми над морем же живут» (I, 32), «месяц июнь» (I, 37), «изходят» (I, 46), «за теми же людьми над морем же» (I, 47), «словут» (I, 65), «изыдет» (I, 90), «сопля» (I, 91), «поперег ея ехати день летний» (II, 16) и т.д. В одном случае З обнаруживает особую близость к рукописи Попов 59: «аще ли не» (I, 99).

Таким образом, ясно, что забелинский список восходит к протографу трех известных ранее списков РГБ, Попов 59 (середины XVII в., келейная книга ростовского и ярославского митрополита Ионы Сысоева), ГИМ, Синод. 272 (конца 30-х — начала 40-х гг. XVII в., кодекс был вложен в Воскресенский Истринский монастырь патриархом Никоном в 1657 г.), РГАДА, ф. 181, № 591 (40-х гг. XVII в., был переписан Никоном Ушаковым и впоследствии бытовал в Вологде), и набором своих статей напоминает состав этих сборников¹⁵. Забелинский список не просто входит в эту группу, но и оказывается самым старшим из названных кодексов, что позволяет отнести время складывания архетипа всех четырех списков ко времени не позднее начала 1560-х гг. Местом создания архетипа, вероятно, была ростовская и ярославская владычная кафедра. Судя по совпадению состава статей и текстуальной близости, можно думать, что именно к забелинскому сборнику или копии с него восходит позднейший кодекс Попов 59.

Текст Сказания публикуется с сохранением всех орфографических особенностей; титла раскрыты, использование киновари отмечено полужирным шрифтом; необходимые

дополнительные буквы помещены в круглых скобках; выносные буквы внесены в строку и обозначены курсивом¹⁶.

Забелинский список 2 редакции Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране»

Публикуется по рукописи:

ГИМ. Собрание Забелина 419. Л. 74-77.

/л. 74/

ѡ ч(е)л(ове)цѣхъ незнаемых на Вѣсточнѣи странѣ и ѡ
языцехъ розныхъ.

[1] На Вѣсточнѣи странѣ за Югорскою землею над морем-
ѡкѣаном живут люди самоѣдъ, зовомы молгоньзѣи. А ѡдѣ
ихъ мѣсо ѡленіе да рыба, а межи собою другъ дръга ѡдѣт.
А гость к нимъ ѡткоуды прѣидет, и ѡни дѣти своа закалают
на гости, да тѣмъ кормѣт. А которой оу нихъ гость оумрет, и
ѡни того снѣдают, а в землю его не хоронѣт, а своихъ тако
ж(е).

Съ же люди невелики возрастомъ, плосковиды, носы ма-
лы, но резвы вельми и стрелцы скоры и горазди. А ѣздѣт на
ѡленехъ и на собакахъ. А плат(ь)е носѣт соболіе и ѡленіе. А
товаръ оу нихъ соболи.

[2] В той ж(е) странѣ //л. 74об./ за тѣми же люд(ь)ми над
моремъ же живѣт инаа самоѣдъ такова ж(е), линнаа словет.
Лѣтъ м(е)с(я)ць июнь живѣт в мори, а на сѣсѣ не живѣт
того дѣла м(е)с(я)ца, занеж(е) тѣло на нихъ трѣскаетсѣ. И
ѡни тот м(е)с(я)ць в водѣ лежат, а на берегъ не исхѡдѣт.

[3] В той ж(е) странѣ за тѣми же люд(ь)ми над моремъ же
есть инаа самоѣдъ: по пѣпѣ люди мохнаты до должъ, а ѡт
пѣла вверхъ какъ и прочіи ч(е)л(ове)цы. А ѡдѣ ихъ рыбы да
мѣсо. А торгъ ихъ соболи да песцы, да пыжи, да ѡленьи ко-
жы.

[4] В той ж(е) странѣ за тѣми люд(ь)ми над тѣм же морем инаа самоѣдъ такова. В верхоу словоут ргы: рот на тѣмени, а не говорѣт. А видение в пошлиноу ч(е)л(ове)че. А коли /л. 75/ ѡдаѣт, и ѡни крошат мѣсо или рыбоу, да кладоут пѡд колпакъ или пѡд шапку. И какъ почноут ѡсти, и ѡни ѡчима^а движют вверхъ и внизъ.

[5] В той же странѣ за тѣми людми естъ инаа самоѣдъ: какъ и прочіи ч(е)л(ове)цы, но зимѣ оумирают на два м(е)с(я)ца. Оумирают же тако: какъ которого гдѣ застанет в тѣм м(е)с(я)цы, тои тоуто и сѣдет, а оу него из носа вода изыдет, какъ ѡт потока соплѣ, да возмерзнет к земли. И кто ч(е)л(ове)къ иные земли невидѣніем потокъ тои ѡтразит оу него, и сопхнет с мѣста, и ѡнъ оумрет, то оуже не ѡживет. Аще ли не сопхнет с мѣста, тои ѡживет. И познаетъ и речет емоу: ѡ чем мѣ еси, друже, по /л. 75об./ оурѡдовалъ? А иные ѡживают, какъ с(о)лнце на лѣто поворотитсѣ. Тако на всѣкїи год ѡживают и оумирают.

[6] В той ж(е) странѣ верхъ ѡби реки великіа поперекъ еѣ ѣхати д(е)нь лѣтнеи, естъ такова землѣ, Баидѣ именѣтсѣ. Лѣса на неи нѣт, а люди на неи — какъ и прочіи ч(е)л(ове)цы, живоут в земли. А ѡдаѣт мѣсо соболіе. А иного оу них звѣрѣ никоторого нѣт, ѡпроче соболи. А носѣт платье все соболіе, и роукавицы и ногавицы. А иного платіѣ нѣт оу них, ни товароу никоторого. А соболи же оу них черны вельми и велики: шерсть оу живово соболи по земли с(я) волочить.

[7] В той же странѣ естъ такова самоѣдъ: в пошлиноу аки ч(е)л(ове)цы, но без головъ. Ргы оу них //л. 76 / межоу плечьми, а очи в груоух. А ѡдѣ ихъ головы ѡленьи сырые. И коли имъ ѡсти, и ѡни головы ѡленьи возметываюут себѣ в рот на плечи, и на другїи д(е)нь кости измещѣт из себѣ тоуда же. А не говорѣт. А стрелба же их такова — трѣбка

^а Первоначально было: плечима, затем исправлено основным почерком.

жельзна в ржць, а въ држгои стрълка жельзна. Да стрълкоу тоу вкладает в труубкоу тоу, да бьет молотком в стрълкоу тоу. А товара оу них никоторого нѣт.

[8] Вверхъ томъ же реки ѡби великѣа в тои же странѣ есть инаа самоѣдъ, ходат по пѡдземелю иноу рѣкою, д(е)нь да ночь со ѡгни. И выходат на ѡзеро, и над тѣм ѡзеромъ свѣт пречюдень и град великъ стоит над тѣм же //л. 76об. / ѡзером, а посада оу него нѣт. И коли поѣдет кто ко граду томоу, и тогда шжм великъ слышети въ градѣ том, какъ и въ прочих градѣх. И какъ прїидоут в него, ино людей в немъ нѣт, ни шоумж не слышети никоторого, ни иного чего животна. Толико въ всаких дворех ѡсти и пити много всего, и товароу всакого, комоу что надобе. И ѡнѣ, положивъ цѣнѣ противж того, да возмет что комоу надобет, и прочь ѡтходат. А кто что без цѣны возметъ и какъ проч(ь) ѡт(ъ)идеть, и товаръ изгинет оу него и ѡбращетса паки въ своем мѣстѣ. И какъ проч(ь) ѡтходатъ ѡт града того и шоумъ паки слышети, как и в прочих градѣх.

[9] Въ Восточной же странѣ есть инаа самоѣдъ зовома каменскаа. ѡблежить ѡколо Югорскѣе земли, а живжт по горам по высоким. А ѣздат на ѡленех и на собаках. А платіе носат соболіе и ѡленіе. А ѡдѣ их мѣсо ѡленіе да и собачиноу, и бобровиноу сыроу едат. А кровь пьют ч(е)л(ове)чю и всакою. Да есть оу них таковы люди лекари: оу которого ч(е)л(ове)ка вноутри не здраво, и ѡни брюхо рѣжоут, да ноутро вынимають и ѡчищают, и паки заживляют.

Да в тои же самоѣди видали, скажоут самоѣд же старые люди, з горы подлѣ море мертвых своих: иджт, плачущих, множество их, а за ними идет великъ ч(е)л(ове)къ, погонѣа их палицею жельзною.

¹ Плигузов А.И. Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. 1987. № 5. С. 38-50; он же. Сказание «О человецех незнаемых в Восточней стране» // Russian History / Histoire Russe. Vol. 19. № 1-4 (1992). P. 401-432. Ср. предварительную

публикацию текста Пространной редакции разрядных книг, рассказывающего о походе 1499/1500 года за Урал: *Буганов В.И.* Описание похода на Югорскую землю в 1499-1500 гг. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. Позднее эта публикация вошла в основную текст полного издания Пространной редакции разрядной книги: Разрядная книга 1475-1598 гг. Сост. Буганов В.И. М., 1966. С. 25-27.

- 2 *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 332-336.
- 3 *Плигузов А.И.* Текст-кентавр о Сибирских самоедах. М., 1993.
- 4 *Piccard G.* Die Kronen-Wasserzeichen. Stuttgart, 1961.
- 5 *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 332. (репринт, подготовленный Ф.Б.Поляковым: *Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven.* Köln; Wien, 1990. Bd. 35).
- 6 Текст этого важного известия и комментариев к нему публикуется в моей статье: *Pliguzov A.* Tikhon of Rostov, or Russian Political Games in 1489 // *Russian History/Histoire russe* 22. № 3. (Fall 1995). P. 309-320.

7 См.: *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков. Л., 1980. С. 55-63 (автор знает об «Исхождении» Авраамия в списке Забелин 419).

8 Приведем полностью текст этой заметки: «...или преиначити не ради н(а)шеа кротости, но ради праведна(о) соуда оуставленаго праведным Б(о)гомъ.

Писана в Тоурцехъ оуложенѣмъ всеа земли тоурецкѣе, повелѣнно словомъ Соуноульбех Салтановымъ.

В лһоѣ 7050 седмаг(о) казанскіе кн#зи Мамаи кн#з(ь) в головах и оуланы и молны, афизы и азһи и всѣ кн#зи и со темные кн#зи и дес#тники и горніе люди и арскіе кн#зи и всѣ люди б(о)говенчанномуу ц(а)рю г(о)с(у)д(а)рю великомуу кн(я)сю Ивану Василѣвичю все# Роусіи самодръжшо изменили.

Да послали в Крымъ бити челом (л. 94об.) крымскомуу ц(а)рю, чтобы им даль Довлет Киръа ц(а)р(е)в(и)ча на Казанское царство, да х крымскомуу же ц(а)рю послали с тѣми з своими послы книгоу в поминки, а та книга писана нероускима ѡзыком, а има ей ѡза и бѣехма лоуккать, а по роусски всего мира м(у)дрѡсть, по их боусоурманьской ереси. И тѣх пословъ и татар казанских ц(а)рѡ великогоу кн(я)сѡ люди Оуракъ с товарищи побилъ в поли, да тоу книгоу оу них взали и ѡрлыки, да прислали к Москве того ж(е) лѣта 7050 седмаго маѣа в 1 д(е)нь. А ѡрлыки четыре написаны и в первомъ ѡрлыкѣ пишеть сиче.

(л. 95) Высочайшаго порога великогоу г(о)с(у)д(а)рѡ великомуу власть дрѣжшаго и и справедливаго повелителя и победителя царевоу величествѣ величествѣ (sic!) Казанскѣе земли Мамаи кнѡз(ь) в головах и оуланы и молны, афизы, и зеи, и всѣ кнѡзи

и со темные князи и десатники и горніе люди и арскіе князи, и всѣ люди ѿ твоѣм жалованіи челом бьютъ, а челобитье ѿт г(о)с(у)д(а)рѣ своего ѿт оупокоиника ѿт Саагагирѣ царѣ и до своеи см(е)рти ѿтстоупити есма не хотѣли. При его щастливомъ времени тѣх роусских людей воевати и съчи и ѿсилети оуклонилисѣ были есма или паки тѣ врази наши на вои(л. 95об.)нѣ нас побѣдѣт, и мы тѣм раю достойни были, с такою надежею жили есма истиннаго Б(о)га соудбами, какъ ѿстали есма его, и н(ы)нѣча землѣ твоѣ на твое има многолѣтное поем и ѿ твоѣм счастья Б(о)га молим. И н(ы)не, г(о)с(у)д(а)рѣ, толко похочеш(ь), чтобы тотъ юртъ ѿт тебѣ не ѿтшоль и иномоу бы не досталсѣ. И какъ с сею нашею челобитною грамотою холѣпи твои ~~И~~нбарсѣ да Салкишь доѣдоут, и ты бы, г(о)с(у)д(а)рѣ, наше(о) Довлет Кирѣ царевича ѿтпоустилъ и с сеи земли люди мѣсоулмане ѿ тебѣ стануотъ Б(о)га молити и сп(а)с(е)ніе себѣ пріимешъ и какъ тѣ люди...» (текст оборван).

⁹ См.: АСЭИ. Т. III. № 28.

¹⁰ Другой список той же грамоты см.: РНБ. Q.XVII.64. Л. 290об.-291. Публикацию см.: *Алмазов А.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. III. Прил. III. № 78. С. 77-78.

¹¹ *Седельников А.Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии Наук. Л., 1932. Т. I. С. 33-57; *Кудрявцев И.М.* Сборник последней четверти XV – начала XVI в. из Музейного собрания // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 220-288; *Плигузов А.И.* Текст-кентавр. С. 113-115.

¹² См. о них: *Лихачев Н.П.* Из лекций по дипломатике, читанных в императорском Археологическом институте. СПб., 1905/1906. С. 121-122; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV-XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 11-13, 17-25; *Плигузов А.И.* Предисловие // РФА. Ч. I. С. 3-50.

¹³ *Плигузов А.И.* Текст-кентавр. С. 48-67, 141-153.

¹⁴ Здесь и далее все сличения списков опираются на номера разделов и разночтений в нашем издании Сказания: Там же. С. 77-106.

¹⁵ Характеристику этого протографа см.: Там же. С. 131-132. О составе трех указанных сборников см. С. 122-123.

¹⁶ Публикуемый текст был по моей просьбе сверен с оригиналом Н.А.Кобяк.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЦОВЫХ МАТЕРИАЛОВ XVI ВЕКА

Немногие описания XVI в. подвергались тщательному источниковедческому анализу. Особенно глубокое исследование писцовых материалов мы находим в работах В.Б.Павлова-Сильванского¹. Много интересных наблюдений по метрологии писцовых книг и другим вопросам сделано авторами «Аграрной истории Северо-Запада России»². В своем исследовании аграрного строя России Е.И.Колычева обобщила сведения о проведении писцовых работ в XVI в. По ее мнению, в частности, только третья генеральная перепись (середины 50-х гг.) сопровождалась измерением площади пашни у всех групп землевладельцев. Однако только в 4-й генеральной переписи 1585-1587 гг. подсчет «количества земли» достигает необычайной точности, в силу чего этими писцовыми книгами часто пользовались и в XVII в.³ Этот вывод противоречит утверждению санкт-петербургских исследователей об очень относительной точности новгородских писцовых книг. Так, в Шелонской пятине цифры перелога и лесом поросшей пашни, на их взгляд, сколько-нибудь точно размеры этих угодий не отражали. В Водской пятине дела обстояли несколько лучше, зато в Заонежских погостах книга 1563 г. просто копировала данные о пашне 1496 г., а писцовые книги 1582 г. вообще не дают возможности определить количество четвертей пашни в пустых обжах⁴.

С.М.Каштанов обратил внимание на заметную эволюцию приемов составления писцовых книг и сотниц, которую он связывает с изменением целей проведения описаний. Первоначально правительство стремилось к установлению простого контроля над привилегированными «боярщинами» и «монастырщинами» и только позднее встала задача зафиксировать зависимое от феодалов население и обложить его податями. Вследствие чего с конца 60-х гг. XVI в. установил-

ся «подробный формуляр сотниц, предусматривающий запись количества пашни, числа дворов, копен сена для каждой деревни», чего не было в более ранних источниках этого типа. В дальнейшем писцовое дело использовалось все более как средство закрепощения крестьянства⁵.

Степень сохранности материалов писцового делопроизводства XVI в. весьма низкая⁶. Двинский уезд описывался в XVI в. четыре раза. Дошли лишь отдельные строки описания Т.М.Афанасьева 1500-1501 гг.⁷; сотные на владения Николо-Корельского и Архангельского монастырей по письму И.П.Заболоцкого 1552-1553 гг.⁸ и сотные на вотчины Антониево-Сийского, Николо-Корельского и Архангельского монастырей 1586-1587 гг. (писец В.А.Звенигородский)⁹. К этому можно добавить только три сотные (1563, 1575 и 1586 гг.) на волость Варзугу¹⁰. По Заонежью мы имеем писцовую книгу 1563 г. А.Лихачева и подьячего Л.Добрынина (не полностью) и писцовую книгу 1582-1582 гг. А.Плещеева и подьячего С.Козьмина¹¹. Первое описание Кольского уезда было проведено В.Агалиным и подьячим С.Соболевым в 1573/1574 г. Итоги и отдельные отрывки из него включены в писцовые книги А.Михалкова начала XVII в.¹²

Каргопольские писцы Я.Сабуров и И.Кутузов описывали уезд в середине XVI в. Результатом их работы стали книги «сотные Каргопольского уезда Турчасовского стану подлинны, да перечневые», содержание которых заметно отличалось друг от друга. В «подлинных» записаны были деревни, обжи и пашня «подлинно», а в «перечневых» только волости и в них «сошки малые». И подати в них были зафиксированы разные — то, что было в «подлинных» не писалось в «перечневых», за исключением «посопного хлеба» и денег за белки, за горностаи и ямские, которые попади туда, вероятно, по ошибке и при сборе не учитывались, так как были уже записаны в «подлинных»¹³. Их писцовые книги были составлены и находились уже в Москве к 11 декабря 1551 г., однако и в 1553, и 1554, и 1555 гг. писцы продолжали свою деятельность, выдавая выписи, оброчные и льготные грамоты местному населению, для подтверждения или установления их прав на земельные и промысловые угодья¹⁴. Сначала

писцы обязаны были проверить наличие документов на владение землей или найти наследственных вотчинников. Отсутствие законных владельцев давало им право утвердить нового по своему усмотрению, как это было, например, в деревнях Олутинской и Антоновской Владыченской волости, с предоставлением ему, как правило, нескольких льготных лет¹⁵.

Нам известны два варианта сотных с этих писцовых книг. Одна сотная выпись датируется 4 февраля 1556 г. и содержит описание владений только Соловецкого монастыря. Дошла до нас в списке в составе Грамот Коллегии Экономии¹⁶. Другая – включает сведения о всех деревнях Турчасовского стана и датируется мартом 1556 г. Список ее из архива Соловецкого монастыря по водяным знакам датируется началом XVII в. (1602-1609)¹⁷. Эти сотные отличаются друг от друга составом и содержанием. Из 12 деревень февральской сотной, в мартовской значатся Соловецкими только четыре (деревни За Оченгою, Давыдовская, Филиповская, Родионовская). Но даже по одним и тем же деревням эти источники дают противоречивые данные о владельцах и размерах пашни. Так, в Филиповской по сотной от 4 февраля значится у Лазаря Онисимова пашни «полторы обжи», а в мартовской – у Ивана Мокеева сына Попова «обжа и полчетверти обжи»¹⁸. Если сравнить сотные 1556 г. с выписью из писцовых книг 1620-1622 гг., то окажется, что в февральской из 12 деревень только трем имеется соответствие, а в мартовской – 15 из 29¹⁹. Но самое главное заключается в том, что размер пашни (в обжах) по сотной от 4 февраля совпадает с суммой «живущего» и «пустого» по выписи из писцовых книг 1620-1622 гг., но... в выгях. Например, в той же Филиповской вместо 1,5 обжи значится «пашни паханной» средней земди $4\frac{2}{3}$ чети, а «перелогом и лесом поросло» $16\frac{1}{3}$ чети и 50 копен сена, итого «в живущем» – $\frac{1}{3}$ выти, а в «пусте» – $1\frac{1}{6}$ выти²⁰, т.е. всего 1,5 выти. Сомнения в подлинности февральской сотной усиливает еще и наличие печати черного воска с неясным изображением, которая в «списке с сотные слово в слово», как она себя называет, явно не уместна, так как упомянутая в конце текста печать царя и великого князя должна была бы быть на подлинной

сотной, но никак не на копии. Тем более, что указаний на удостоверение списка чьей-либо печатью отсутствует.

После этих наблюдений можно с полным основанием утверждать, что монастырские власти составили поддельный список о сотной от 4 февраля 1556 г. с писцовых книг Я.Сабурова и И.Кутузова на монастырские дворы и деревни, оброчные пожни, варницы и рыбные ловли. Сделано это было скорее всего уже после дозора старца Капитона 1599/1600 г., так как в первоначальном имеющемся у нас списке его описания использованы были сведения мартовской сотной²¹, а в последнем, третьем — февральской²². Изготовлена эта подделка могла быть после дозора 1615 г. Сем.Языкова и подьячего Сем.Осовина, которые описывали обжами (в 12-14-16 четвертей пашни)²³, в связи с тем, что монастырь в 1616 г. затеял обмен 12 своих деревень и просил вместо утраченных «обельных» деревень обелить соответствующее число оставшихся²⁴. Не случайно, наверно, один из списков этой сотной имеет заголовок: «Сотная на белые деревни Соловецкого монастыря», и количество зафиксированных в ней деревень равно 12²⁵.

Выданная в марте 1556 г. сотная (имеющийся вариант) не содержит информации о размерах пашни²⁶, однако есть все основания предполагать, что в «подлинных» книгах такие сведения присутствовали²⁷. Можно лишь частично согласиться с заключением Е.И.Колычевой о том, что отсутствие сведений о пашне и ее качестве в сотной и повторное описание одного и того же уезда в течение 5-10 лет, является свидетельством того, что первое описание было проведено по старым принципам, ненормированной сохой. В Каргопольском уезде вскоре после Я.Сабурова действительно было проведено новое описание Н.Яхонтова²⁸. Свою деятельность Яхонтов начал в сентябре 1560 г. с проверки купчих на землю²⁹. Проводилось оно со специальной целью — введение оброка «за наместничий откуп» и за сенные покосы, «что за обежную мерою оставались»³⁰, т.е. в этот раз измеряли не только пашню, но и сенокосы, которые раньше в тяглые угодья не включались. Опираясь на имеющиеся сведения, мы можем реконструировать некоторые особенности писцо-

вой книги Я.Сабурова. Во-первых, следует отметить, что сбор основных податей производился по ней вплоть до начала XVII в.³¹ Следовательно, никакого нового общего описания в XVI в. не производилось. А так как обложение основывалось в это время, прежде всего, на тяжелой пашне, то можно с уверенностью утверждать, что измерение ее было произведено еще при первом описании. О «мере» говорит и монастырский дозорщик в конце XVI в.³² Во-вторых, сенокосы Я.Сабуров, очевидно, не мерил и в обжи не включал. Это возможно одна из причин, заставивших правительство проводить еще одно описание. В-третьих, опираясь на разъяснения старца Капитона (в конце XVI в.) о том, что Н.Яхонтов описывал «В мере да и в обежном числе легче», т.е. увеличил норму обжи, что не было связано с какими-либо экономическими или природными потрясениями, так как предназначалось для сбора новых оброков. Судя по соотношению тяжести оклада в одних и тех же деревнях, по описанию Н.Яхонтова — 1562 года и Я.Сабурова — И.Кутузова 1556 года, обжа у последних была в 1,66 раза меньше, т.е. должна была включать пашни около 6 четв. «доброй» земли в одном поле, причем сенокосы в расчет не брались³³. Сам же Н.Яхонтов в обжу клал 10 четв. «доброй», 12 четв. «средней», или 14 четв. «худой» пашни «в поле» и 30 копен сенокосов. За все сенокосы, превышающие эту норму, крестьяне должны были платить дополнительный оброк³⁴. В XVII в. единицей обложения становится, вместо обжи, выть. Размеры ее, по сравнению с описанием 1556 г., увеличены были почти в два раза и составляли 12 четей «доброй», 14 четей «средней» и 16 четей «худой» пашни «в поле, а в дву по тому же», при 30 копнах сенокосов (фактически, по нашим подсчетам, на выть приходилось в среднем 35 копен)³⁵.

Условность государственного описания 1562 г. проявляется еще и в том, что принятая система исчисления размеров земельных угодий, исходя из правильного трехпольного севооборота («в поле, а в дву потому ж»), являлась формальной счетной операцией. В Поморье яровой клин обычно в не-

сколько раз превосходил озимый, а в некоторых районах рожь вообще не культивировалась³⁶.

К 70-м гг. XVI в., по мнению Е.И.Колычевой, относится появление новой разновидности писцовых книг — «книги письма и дозору», которые составлялись в наиболее разоренных уездах с целью зафиксировать состояние посевных площадей, учесть размеры запустения³⁷. Фактически этому дозору подвергалась вся территория страны, включая Новгородский край и Двину. В Каргополе дозор 1573-1574 гг. проводил Борис (Аргун) Иванов сын Беклемишев³⁸. Книги его до нас, вероятно, не дошли. О его деятельности мы узнаем из довольно многочисленных приписок на актах. В Фонде Соловецкого монастыря нам известно 16 поземельных актов, имеющих запись об их предъявлении Аргуну Беклемишеву³⁹. В большинстве из них говорится: «Восемьдесят второго году ся купчая Аргуну явлена, а вотчинник не лживил. Аргун»⁴⁰. Некоторые акты имеют иную редакцию записи: «В восемьдесят во втором году ся купчая кладена перед Аргуном, а вотчинник никак не ставился на ту землю перед Аргуном. Аргун»⁴¹. Исходя из содержания приписок, можно утверждать, что Аргун Беклемишев проводил проверку законности зафиксированных актами сделок. Прежде всего он проверял соблюдение прав вотчинников, имевших по Судебнику 1550 г. сорокалетний срок выкупа владений (ст. 85). Известно также, что Соловецкий монастырь, представив купчие на дворы, купленные в Золотицкой вол., получил выпись из писцовых книг с его личной печатью⁴².

Из 16 выявленных актов с припиской дозорщика, более трети (6) фиксировали переход крестьянских земель Соловецкому монастырю. Можно предположить, что Аргун Беклемишев особое внимание обращал на монастырские приобретения. Это могло быть связано с постановлением освященного собора 1572 г. о необходимости докладывать государю о всех монастырских приобретениях и о том, что законными являются только те монастырские владения, которые были доложены государю и получили одобрение Боярской Думы⁴³. Остальные акты с припиской регулируют внутрикрестьянские поземельные отношения. Среди них заметна

доля купчих (4), в которых владельцами земли выступают женщины. В одной из них Вас.Есипов продал участок, полученный от жены⁴⁴. В другой — мать и дочь продали земли своего мужа и отца на Тевзегоре⁴⁵. В третьей — Лукерья Огородова продала свой участок земли, который до этого сама же купила⁴⁶. В четвертой — Игнатеи Гоголев продал участок, некогда купленный им у Феодоры Фалелеевской жены Седезневской⁴⁷. Такие обстоятельства, возможно, привлекали повышенное внимание дозорщиков.

В это же время (1573-1574 гг.) в Варзужской волости (Двинский уезд) писцы В.Агалин с подьячим С.Соболевым расспрашивали монастырских старцев о принадлежности волостных земель и причинах их запустения⁴⁸. Дозорщики 70-х гг. XVI в., судя по всему, не столько выявляли запустение земель, сколько обязаны были проверить права на владения, разобрать поземельные споры и оформить с учетом установленных изменений выписи из писцовых книг. Измерением земель, уточнением размеров отдельных владений, они, по всей видимости, также не занимались, а только «досматривали» имеющиеся у владельцев крепости. Этим, вероятно, объясняется встречающееся название писцовых книг — «книги письма и досмотру».

-
- ¹ К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского уезда XVI в. // АЕ за 1975. М., 1976. С. 41-54; К методике источниковедения писцовых книг // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 73-102; и др.
 - ² См.: АИСЗР. Т. I. С. 17-31; Т. II. С. 5-19, 79-80; Т. III. С. 5-6, 37-38, 59-70, 81, 87. А также отдельные исследования: *Абрамович Г.В.* К вопросу о достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // ЕАИВЕ за 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 31-42.
 - ³ *Кольчева Е.И.* Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 7-31.
 - ⁴ АИСЗР. Т. II. С. 13-14.
 - ⁵ *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 22-23, 40.
 - ⁶ См.: *Васильев Ю.С.* Поуездный указатель материалов писцового делопроизводства по Северу России XVI в. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984. С. 174-183.

- ⁷ Сб. ГКЭ. Т. I. С. 97.
- ⁸ Там же. № 138; Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2. С. 205-206.
- ⁹ Северный археографический сборник. Вып. 2. С. 223-236, 237-242; ГКЭ. Т. I. № 311.
- ¹⁰ Сб. ГКЭ. Т. I. № 185; Материалы по истории Кольского полуострова в XVI-XVII вв. Л., 1930. № 6; *Савич А.А.* Соловецкая вотчина... С. 201 (пересказ).
- ¹¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Материалы по истории народов СССР. Вып. I. Л., 1930; РГАДА. Ф. 1209. Д. 965.
- ¹² РГАДА. Ф. 1209. Д. 208. Л. 28-28об., 88, 89 и др.
- ¹³ Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417. Л. 2-2об. Эта Сотная опубликована Ю.С.Васильевым. См.: Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95-136.
- ¹⁴ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 419-425; Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. (далее – АСМ). Л., 1988. № 201. По-видимому окончательное составление писцовых книг относится к 1555-1556 г. См.: АИСЗР. Т. III. С. 37. Прим.
- ¹⁵ АСМ. № 197-200.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 281. Д. 5909/2. (Опубликована: АСМ. № 211).
- ¹⁷ Там же. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417.
- ¹⁸ АСМ. № 211. С. 127; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417. Л. 3.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 5932/25.
- ²⁰ Там же. Л. 5-5об.
- ²¹ Там же. Д. 1201. Оп. 5. Л. 473.
- ²² Там же. Д. 472. Л. 17-20.
- ²³ Там же. Ф. 381. Д. 5924/17.
- ²⁴ *Савич А.А.* Указ. соч. С. 74.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 472. Л. 17. Наши наблюдения опровергают вывод Ю.С.Васильева о том, что эти сотные просто дополняют друг друга. См.: *Васильев Ю.С.* Некоторые историко-ведческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI-XVII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 26.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417. Л. 3-55.
- ²⁷ В преамбуле к сотной эти писцовые книги названы книгами «нового письма». (Там же. Л. 3).
- ²⁸ АСМ. № 254.
- ²⁹ Там же. № 237.
- ³⁰ Там же. № 254.
- ³¹ Вотчинная дозорная книга («обежная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане

Каргопольского уезда // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере. Вологда, 1985. С. 137-138.

32 Там же. С. 137.

33 РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417. Из 10 сопоставимых деревень с данными о тягле только в одной д. Олутинской Владыченская вол. в 1562 г. значилось больше (1 обжа), чем в 1556 г. (0,875 обжа). См.: АСМ. № 254. С. 168; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 417. Л. 42об.

34 АСМ. № 254.

35 РГАДА. Ф. 281. Д. 5932/25. Л. 20об.

36 *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 337.

37 *Кольчева Е.И.* Указ. соч. С. 27-28.

38 РИБ. Т. XIV. Стб. 275-276.

39 АСМ. № 99, 140, 143, 180, 189, 217, 225, 233, 234, 262, 336, 368, 402, 440, 442, 535.

40 Там же. № 99.

41 Там же. № 189.

42 Там же. № 519.

43 ЗАРГ вторая половина XVI в. – первая половина XVII в. № 37.

44 АСМ. № 143.

45 Там же. № 180.

46 Там же. № 234.

47 Там же. № 236.

48 *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 461-462.

Н. А. Лобанов
(Москва)

ОБРАЗ РОССИИ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ XVI-XVII ВЕКОВ

Для изучения влияния немецкой литературы XVI-XVII веков, среди которой особое значение имели описания путешественников и ранняя газетная периодика, на формирование образа России в германском обществе, особое значение имело не только познание фактов и процессов прошлого, но и исследование изменений в восприятии западным населением русской национальной культуры. Идеологические установки, во многом основанные на религиозных различиях, препятствовали объективному освещению происходивших в Московской Руси процессов и замедляли пути сближения двух великих народов.

Интенсивное развитие общества в XVI столетии привело не только к значительному расширению западного влияния на Америку, Африку и Азию, но так же к «повторному» открытию России и осознанию ее важной роли в развитии европейской истории. После тяжелых времен монголо-татарского ига, во второй половине XV столетия Россия снова стала играть серьезную роль в европейской политике, стремясь вернуть себе то влияние, которое она имела в период Киевской Руси. Это была одна из основных причин, вызвавших возросший интерес западноевропейских государств к России. Запад нуждался в свежей информации о Московском государстве, которая в этот период могла быть получена только через осуществление взаимных контактов. Одним из важнейших элементов взаимных информационных связей России с Западом были военные инциденты Москвы со своими соседями: Речью Посполитой, Ливонией и Швецией. Частые пограничные конфликты времен Ивана III, Ливонская война Ивана Грозного (1558-1583 гг.), военные

столкновения с Польшей и Швецией в XVII столетии находили свое отражение в немецких периодических изданиях.

Другим важным источником являлись дипломатические контакты русских царей с Габсбургской монархией и Римом, как центром христианского мира, которые в основном базировались на стремлении Москвы заручиться поддержкой Священной Римской империи германской нации в своей борьбе с Польско-Литовским государством и Турцией.

Третий источник по которому шла информация это торговые связи с границей: в первую очередь с Великим княжеством Литовским, Лифляндией, Ганзейскими городами и Италией и начиная со второй половины XVI в. прежде всего с Англией и Голландией.

За фасадом военной, политико-дипломатической и торгово-экономической конфронтации Центральной и Западной Европы с Московским государством в XVI-XVII столетии проглядывает сильный интерес великих народов к взаимным контрактам и культурному обмену. Несмотря на жесткие внутренние запреты московского правительства происходит постепенное проникновение западных элементов в русскую культуру, которые вносят новую прогрессивную струю в процесс культуuroобразования.

Важное значение имели сообщения послов о своих дипломатических миссиях, записки торговых людей и специалистов, в том числе и военных, находящихся на службе у русского правительства. Подобные источники информации использовались московской дипломатической службой и соответственно нашли свое отражение в отечественных источниках этого периода.

Встреча Европы с Московским государством имела несколько этапов. Первая фаза, которая длилась до середины XVI столетия отмечена рядом ранних работ в основу которых легло описание географического положения Руси, нравов и обычаев русского народа. Заключительным пунктом этой фазы явилась вышедшая в 1549 г. знаменитая книга кайзеровского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна «*Regum Moskoticarum commentarii*», в которой он подробно описал свои наблюдения и сделал критические коммента-

рии¹. Несмотря на этот основополагающий труд, ставший классическим по истории России этого периода, в XVI столетии распространялись и другие многочисленные издания на разных языках. Они стали первыми сочинениями второго этапа содержащими в себе сообщения о Московском государстве XVI в. и скоро стали достоянием широкой общественности.

Основными центрами издания литературы о России этого периода была Англия, Польшо-Литовское государство и прежде всего Священная Римская империя, где во второй половине XVI столетия вышло около ста печатных работ описывающих Ливонскую войну и внешнюю политику Ивана IV (1533-1584), который впоследствии назывался иностранцами Иваном Грозным. Многочисленные труды, написанные во второй половине XVI столетия в отличие от работ Герберштейна и Олеария до сих пор мало исследовались и не оказали значительного влияния на последующие сочинения более поздних авторов XVI и XVII вв. Особую ценность в этом информационном потоке приобретали работы написанные непосредственно очевидцами событий.

Важное значение в исследовании многочисленных немецких сочинений помимо классического источниковедческого имеет определение их роли в освещении процесса «открытия» Священной Римской империей Московского государства. «Немецкое видение» России формировалось из множества источников, среди которых описание путешествий и газетная периодика имели решающее значение. Причем если первый пласт, вершиной которого являются работы Гербершттейна и Олеария исследован достаточно полно, то в изучении второго имеются многочисленные проблемы. Вопросы влияния отдельных периодических изданий на общую картину информационного поля приобретают особое значение и требуют тщательного изучения. «Летающие листки» и другие периодические газетные издания, появившиеся в Германии еще в XVI в. играли огромную роль в складывании определенных стереотипов по отношению к России и практически формировали общественное мнение, которое имело огромное значение в решении политических

вопросов. Интерес к «христианской вечерней стране», как западные авторы именовали Россию был проявлен в крупных западноевропейских странах. Газетные периодические издания выпускались различными тиражами в Англии, Франции, Германии и многих других развитых странах, однако наибольший интерес проявлялся в Германии, что объяснялось ее географическим положением и политическими планами. Число немецких периодических изданий этого периода значительно превышает все западноевропейские вместе взятые.

Немецкая литература о России второй половины XVI в. строилась на описании очевидцев, приезжавших в Россию и составивших красочные описания своих путешествий. Первая группа описаний была составлена иностранными дипломатами, побывавшими в Москве по заданию своих правительств. После Герберштейна в 1575/76 г. Москву посетили два кайзеровских посланника Ханс Кобенцль и Даниэль Принцц, которые хотели получить поддержку Москвы относительно Габсбургских притязаний на польский трон. Их работы были опубликованы только в XVII в.² Частью немецкой литературы этого периода стали короткие сообщения польско-литовских дипломатов о политической ситуации в России. Это сообщение посла Тарановски о неудачном турецком походе против Астрахани в 1569 г., письмо члена польского посольства, посетившего Москву в 1570 г., в котором кратко характеризуется политическое положение Московского государства и сообщение польского переводчика о подготовке и проведении русского посольства к Крымскому хану в 1571 г.³

Вторую группу источников составляют записки очевидцев, в подавляющем большинстве немцев, попавших в русский плен в период Ливонской войны и отвезенных в Москву в качестве пленников. Так было с Альбертом Шлихтингом из Померании, который в 1564 г. был взят в плен во время военных действий в Ливонии и отвезен в Москву где провел 6 лет в качестве слуги и переводчика личного врача Ивана Грозного. В 1570 г. он совершил побег в Речь Посполитую, где по требованию польского короля составил подробное

описание деятельности московского царя⁴. Работа Шлихтинга вызвала большой интерес к личности русского монарха. Польский король использовал материалы Шлихтинга при подготовке посольства в Москву в 1571 г. с целью заключения церковной унии между Русской православной церковью и папством. В этот же период появилась широко известная работа Александра Гваньини. Впервые она была напечатана в 1578 г. и впоследствии была переведена на немецкий, чешский, польский и русский языки⁵. Другой очевидец побывавший в русском плену и оставивший описание своих приключений был пастор Тимани Бракель. В 1579 г. он издал свою работу под названием «Христианский разговор об ужасных разрушениях совершенных московитами в Лифляндии», где подробно рассказал о своем пребывании в Москве⁶.

Еще одним очевидцем драматических событий этого периода был подданный польского короля некий Ярмула Андреевич. В 1563 г. он попал в плен и долгое время был слугой одного русского дворянина. Он был очевидцем и участником военных походов Ивана Грозного против Твери, Новгорода и Пскова. В 1570 г. ему удается возвратиться в Польско-Литовское государство. Вскоре в Германии выходит печатная брошюра, где его мемуары занимают основную часть⁷.

В начале Ливонской войны были взяты в плен и отправлены в Москву архиепископ Риги Елерт Крузе и управляющий епископа города Дорпата Иоханн Таубе. Несколько позже оба немца официально поступили на русскую службу и за короткий срок сумели дослужиться до советников Ивана Грозного. Они были инициаторами плана вассальной зависимости Ливонии от русского царя. В октябре 1571 г. Иван Грозный даже послал Таубе и Крузе к польскому королю для ведения переговоров. В 1582 г. они выпустили анонимную брошюру под названием «Ужасная и неслыханная тирания Ивана Васильевича», в которой описали введение и организацию опричнины, а также все с их точки зрения насилия и злодеяния царя за период с 1565 по 1571 гг.⁸ Автор статьи «Немецкие летучие листки о московитах и Иване Грозном в рамках литературы о Руси XVI столетия» Андреас Каппелер выделяет записки очевидцев, побывавших в

русском плену в особую группу источников среди многочисленного пласта немецкоязычных источников этого периода⁹.

Практически до XX столетия оставалось широко не известной работа Генриха фон Штадена, которая давала подробное представление об административном управлении и социально-политической жизни населения в опричный период правления Ивана Грозного¹⁰. Генрих фон Штаден родился в 1542 г. в Вестфалии. В Москву попал из Ливонии, с 1565 по 1576 г. находился на русской службе сначала толмачем, затем опричником. Принимал непосредственное участие в опричных операциях царя. После прекращения опричнины несколько лет занимался торговлей с Поморьем и в середине 70-х гг. уехал из России.

Из немецких торговых людей которые в правление Ивана IV посетили Московское государство необходимо отметить Вайт Сенга из Нюрнберга, который с 50-х гг. начал торговать с русскими. В 1571 г. по заданию герцога Пруссии он поехал в Россию и уже в 1572 г. в переработанной форме по частям появилась немецкая брошюра, в которой Вайт Сенг описал свои наблюдения¹¹.

Все вышеперечисленные немецкие работы охватывают период с 1564 по 1576 гг., годы наивысшей политической активности и опричного террора. Несмотря на тяжелые репрессивные мероприятия, проводимые Иваном Грозным внутри страны и захватническую внешнюю политику на Западе, вылившуюся в длительную Ливонскую войну, позиции немецкой литературы описывающей события этого исторического периода довольно не однозначны. Повествование Кобенцля соответствует политическим целям его посольства и описывает Московское государство в положительных дружественных тонах. Его коллега Принц фон Бухау, торговец Зенг и даже Генрих фон Штаден не пишут о своем отрицательном отношении к русским. Авторы других работ, в основном побывавшие в плену в период Ливонской войны и вернувшиеся в Польско-Литовское государство описывают Московию и ее царя в черных красках.

Вторая группа «русских книг» происходит из Польско-Литовского государства и Ливонии. Большая часть их была

напечатана в различных изданиях последней четверти XVI столетия. В основном в них содержатся сведения о ходе военных действий в Ливонии и о политическом устройстве Московского государства. Некоторые из авторов «русских книг» находились на государственной службе. Так например, Райнхольд Хайденштайн, уроженец Пруссии, служил королевским секретарем у Стефана Батория и составил подробное описание его военных походов¹². Доктор права Лаурентиус Мюллер в период своей активной общественной деятельности успел побывать на польской, шведской и курляндской государственных службах. В своих «Польских, Ливонских, Московских, Шведских и других историях» он в красочной манере описал события происходящие в Московском государстве этого периода¹³. Ливонец Соломон Хеннинг, автор «Ливонско-Курляндской хроники» служил секретарем герцога Курляндии и посетил с соответствующей дипломатической миссией Москву. В своем труде он дает реалистичное представление об устройстве русского государства и даже записывает ряд московских анекдотов¹⁴. Два других автора известных трудов о России этого периода были католическими священниками. Бальтазар Руссов служил проповедником в Ревеле. Во главе угла его прошведской книги «Хроника провинции Лифляндии» стояла война России в северной Ливонии¹⁵. Пастор литовского города Ковно Пауль Одерборн единственный из этой группы авторов поставил в центральный пункт своего повествования не Ливонскую войну, а описание личности русского царя Ивана Васильевича и времени его правления. Его книга была издана в 1585 г., год спустя после смерти Ивана Грозного, на латинском языке в Виттенберге и вскоре была переведена на немецкий¹⁶. Занимаемое официальное положение давало возможность авторам иметь доступ к важным документам, встречаться с государственными деятелями и очевидцами московских событий (послами, военными, перебежчиками и т.д.), что позволяло им с высокой степенью достоверности описывать происходящее. Особенно, в этом отношении характерно сочинение Пауля Одерборна, которое составлено из различных сообщений, рассказов очевидцев, описаний

сражений и других важных событий этого периода, перемежающихся с моральными поучениями автора. Чувствуется, что на Одерборна оказала значительное влияние работа Гваньини¹⁷. Место и обстоятельства возникновения польско-литовских и ливонских работ определили резко отрицательную точку зрения их авторов по отношению к политике и внутреннему устройству Московского государства, которое по их мнению являлось не чем иным как восточной деспотией, а глава государства великий князь Иван Васильевич был законченным злодеем и тираном. Их позиция формировала общественное мнение этого периода и даже оказала значительное влияние на отношение запада к России в последующее время.

Наряду с печатными работами огромное влияние на формирование общественного мнения имела пресса. В Габсбургской империи XVI в. существовали только ранние формы прессы или если так можно выразиться протогазеты. Они назывались «летающие листки» (Flugschriften) или «новые газеты» (Neuen Zeitungen). Большая часть газеты (она представляла из себя небольшую книжку, приблизительно 8 страниц) содержала информационные сообщения о конкретных политических событиях и иллюстрировалась печатными гравюрами, выполненными техникой резьбы по дереву (Holzschnitten). Немецкая газетная периодика этого периода служила показателем отношения западного общества к Московскому государству.

Немецкий историк Андреас Каппелер в своей работе исследует около 50 флюгшрифтов периода Ивана Грозного, которые описывают события непосредственно относящиеся к политике Московского государства¹⁸. Они были напечатаны между 1561 и 1582 гг. по меньшей мере в двойном количестве изданий. Город Нюрнберг был основным центром печатания этих газет. Это далеко не полная коллекция этого периода, часть флюгшрифтов не сохранилась до настоящего времени, часть разбросана по различным архивам и библиотекам и еще не изучена исследователями. Несомненно, что все они представляют из себя значительный интерес для изучения истории России XVI и XVII вв., так как этот новый

вид источников, содержит подчас интереснейшую до сих пор не изученную информацию.

Появившиеся немецкие газеты освещали в первую очередь ход Ливонской войны. Ливония входила в сферу геополитических интересов Габсбургской империи и ее судьба поэтому особенно волновала немецкую общественность. Нападение Ивана Грозного на Ливонию в 1558 г. вызвало тремя годами позже первую волну немецких летучих листов, которые описывали захватнические действия москвитов в Лифляндии и Литве. Большинство этих изданий относилось к группе впервые возникшей сенсационной прессы. Они детально и с большими подробностями сообщали о жестокостях русских солдат по отношению к мирным жителям, о широкомасштабной депортации ливонского населения, о могуществе и военной силе московского царя, при этом сильно преувеличивая количество войск, которыми располагал Иван Васильевич.

В конце 1570 г. появляется ряд флюгшрифтов, в которых описываются военные действия Ивана IV против своих подданных в период конца опричнины (1565-1572). Это свидетельствует о большом интересе, который испытывала западная пресса к вопросам внутренней политики Московского государства. Особенно сильное впечатление произвел на современников карательный поход Ивана Грозного на Новгород в 1570 г. Он описан в газете под названием «Правдивая новая газета о величайших врагах христианства московитах». В ней приводится копия письма начальника Орши к польскому королю, в котором идет речь о том, что московский царь опустошил ряд крупных и богатых городов своего государства: Новгород, Псков, Торжок, Торск (?) и Вирс (?). Автор сообщает, что численность войск Ивана Грозного составляла 40 тыс. чел. Население городов подверглось истязаниям и пыткам и было потоплено в реке Волиам (Волхов). «Все золотые и серебряные украшения церквей и другие добротные товары из этой богатой страны царь забрал и отвез к себе в Александровскую слободу». В начале письма автор сообщает, что лично был очевидцем этих кровавых событий¹⁹. События приведенные в «Правдивой новой

газете» в отдельных деталях совпадают с летописными источниками, что говорит о высокой степени достоверности приведенной информации²⁰. Еще один немецкоязычный источник составленный по рассказам очевидцев и опубликованный уже в 1572 г. описывает тяжелую картину опричного террора в Новгороде²¹.

В другой газете под названием: «Описание одного путешествия или поездки польского господина, посланного с посольством от польского короля в Константинополь и от туда к татарам», отпечатанной в 1571 г. в Нюрнберге, описывается расправа Ивана Грозного с семьей своего двоюродного брата Старицкого Владимира Андреевича²². «Было также объявлено из заслуживающих доверия источников, что брат государя со своей женой и другими детьми (кроме дочери) из-за фальшивой дружбы был приглашен в гости. Им дали отравленный напиток и вскоре после этого обеда они все умерли. После этого государь (Иван Грозный) взял к себе его дочь, а ее отца своего кровного брата, а также его подданных больших и малых жестоко казнил (утопил, саблями порубил) и в ярости посек также его скот. И при этом никого не пощадил. Также те слуги, которые готовили по его приказанию отравленный напиток должны были сами выпить этот яд». Источник довольно подробно описывает расправу Ивана IV с семьей своего ближайшего родственника Старицкого Владимира Андреевича, однако автор текста не мог знать подлинных причин трагедии. Андрей Иванович Старицкий был младшим сыном Ивана III получившем от отца в наследство Старицкое княжество. Он был родным братом царя Василия III, отца Ивана IV. После смерти Василия III Андрей Иванович Старицкий являлся основным претендентом на великокняжеский престол. В 1537 г. поддержанный частью боярства и Великим Новгородом он поднял мятеж против Елены Глинской и малолетнего Ивана IV. Восстание закончилось полным провалом, Андрей Старицкий погиб в тюрьме. Его сын князь Владимир Андреевич, как и его отец имел тесные связи с Новгородом. Боязнь царя новгородской измены в которой ведущую роль могли сыграть Старицкие решила их участь. Мстительный царь заста-

вил князя Владимира выпить отравленный напиток, вместе с ним была отравлена его девятилетняя дочь, чьей матерью была двоюродная сестра боярина Курбского. Царь пощадил старших детей князя наследника Василия и двух дочерей от первого брака²³. После расправы с семьей Старицких последовал опричный разгром Новгорода, который произвел тяжелейшее впечатление на современников.

В газете — «Выписка из одного послания /для принятия во внимание/ о приходе одной высокой царской персоны», шла речь об отрицательных последствиях опричного террора для экономики России. «Голод в Москве чрезвычайно большой, усилилась дороговизна, одна мера пряжи стоит так много, как три дозы соли, за 30 польских гульденов нельзя купить еды, чтобы набить желудок, множество людей умирает от голода, происходят невероятные истории о которых даже невозможно говорить и слушать, я тем не менее все это видел, так как сам туда приходил: бедные люди ели человеческое мясо / часть людей с яростью уезжала прочь/ ежедневно многих людей четвертовали / людей бросали к медведям, которые разрывали их, это была сущность русского царя, который смотрел на все это с удовольствием. Кроме того бедных людей мучали и истязали другими всевозможными способами»²⁴.

Во второй половине 1570-х гг. происходит постепенное политическое сближение между Москвой и Габсбургской империей, которое находит свое отражение в целом ряду флюгшрифтов. Если до этого периода Москва представлялась варварским врагом всего христианского мира и московитов постоянно сравнивали с турками, то теперь Запад стал рассматривать русских как будущих потенциальных противников Османской империи. Высшим пунктом двусторонних отношений явилось большое московское посольство, которое в 1576 г. посетило в Регенсбурге германского кайзера Максимилиана II. Это значительное событие было соответственно освещено в ряде газет, которые донесли до нас положительные отклики современников²⁵.

В XVI в. наибольшее количество немецких флюгшрифтов, содержащих информацию о России появилось в период

с 1577 по 1582 г. По данным немецкого исследователя Андреаса Каппелера около 30 флюгшрифтов описывали события Ливонской войны за этот пятилетний период²⁶.

С 1978 г. наступает перелом в Ливонской Войне. В 1979 г. Стефан Баторий штурмом берет Полоцк, в 1580 г. Великие Луки. Опытный политик и полководец Стефан Баторий переносит войну на русскую территорию, пытаясь перекрыть России доступ в Ливонию. Этот контр-удар был широко освещен в периодической публицистике этого периода. Стефан Баторий опубликовал ряд манифестов в которых обосновывал военные действия против русских и всячески восхвалял значение своих побед. Эти манифесты печатались в передвижных полевых типографиях и затем в виде флюгшрифтов перепечатывались другими типографиями как в Речи Посполитой, так и за границей, в основном в Священной Римской империи. В ряде этих манифестов было детально описано военное поражение Москвы и заключение мира в Яме Запольском в 1582 г. при посредничестве иезуита Поссевино²⁷.

С окончанием Ливонской войны в 1582 г. завершилась первая фаза в развитии немецкой газетной публицистики, писавшей о событиях в России. Большинство флюгшрифтов основано на анонимных источниках, только незначительная их часть имеет своих авторов. К ним принадлежат устные и письменные наблюдения очевидцев, прежде всего участников Ливонской войны, а также сообщения посольств побывавших в России с дипломатическими миссиями. Часто источниками флюгшрифтов были официальные государственные бумаги: манифест Стефана Батория, два письма Ивана Грозного к Германскому кайзеру или официальные сообщения ливонских офицеров пограничников. Важным источником для летучих листов являлась частная корреспонденция. Так известны по меньшей мере три письма Пауля Одерборна ученому из Ростка Давиду Хитраеусу, которые были затем распечатаны в форме флюгшрифтов, а также сообщение Бальтазара Руссова «*Warhafftige Nye Tyding*» посланное в Росток, стало содержанием вышедшего флюгшрифта²⁸. Ряд

флюгшрифтов по своему содержанию напоминал форму письма, однако их автор к сожалению не известен.

По своей идеологической направленности флюгшрифты или летучие листки являлись рупором противников Москвы в Ливонии и Польско-Литовском государстве. Помимо задач по формированию общественного мнения флюгшрифты служили прекрасным средством распространения информации. Сведения содержащиеся в флюгшрифтах (политические события, военные действия, дипломатические усилия и т.д.) практически всегда соответствует действительности и являются ценным историческим источником. При работе с этим видом источников необходимо учитывать очень сильный субъективный фактор, который присутствовал при составлении документов. Как уже говорилось выше, флюгшрифты составлялись противниками русского царя и представляли его как жестокого варвара, противника всего христианского мира. Такие сравнения практически ни чем не отличались от характеристики турецкого султана, с которым Габсбургская империя постоянно находилась в противоборстве. Часть летучих листков использовалась авторами при написании работ о Московии этого периода. Эти авторские вещи описывали Ливонскую войну, так например немецкие «Жалобные стихи» Иоханнеса Райнхарда или латинская «*Querela Lievoniae de sui per Moschos vaxtatione*» Георга Хайнера. Они следовали традициям летучих листков и содержали информацию несомненно заимствованную из последних²⁹.

Основными двумя группами немецкоязычных источников по истории России XVI — начала XVII в. являются труды, написанные по рассказам очевидцев и газетная периодика. В конце XVI в. в своем преобладающем большинстве они констатировали стремление Москвы распространить свое влияние на ближайших соседей Ливонию и Польско-Литовское государство. Авторы не ставили своей задачей показать объективную картину развития Московского государства, а скорее более или менее четко попадали под политическое влияние и стояли на службе геополитических интересов Германской империи. Влияние обеих групп «русских шрифтов» нельзя равнозначно оценивать. Флюгшрифты бы-

ли в состоянии оперативно информировать население о наиболее важных внутренних и зарубежных политических событиях, представляющих значительный интерес для читателей и формировать общественное мнение в нужном для конкретного исторического момента русле. Причем, как и современные газеты, несущие очередные сенсации они были недолговечны и скоро забывались. В отличие от летучих листов фундаментальные труды о России появлялись редко, с большими временными промежутками между публикациями, имели большой объем, часть трудов была написана по латыни. Такие работы могли быть прочитаны только небольшой, наиболее просвещенной частью публики, зато в отличие от летучих листов они имели долговременное влияние и в последующих столетиях всегда использовались как классические исторические источники.

Наибольшее количество «Новых газет» упоминавших о России начинает печататься с 1561 г. описывая в основном события Литовской войны. первые маленькие группы «московских флюгшрифтов» появляются уже с 1515 г., в период, когда в печати постоянно муссировались турецкие события. Пресса изобиловала сообщениями о турках, особенно после битвы при Монако в 1526 г. и первой осады Вены в 1529 г. Во второй половине XVI в. «турецкие флюгшрифты» во много раз превышали «московские флюгшрифты». Часто сообщения о турках и москвичах печатались в одних и тех же типографиях. По данным немецкого исследователя Андреаса Каппелера нюрнбергский издатель Леонард Хойслер напечатал в своей типографии 27 газет с турецкой тематикой и несколько газет о русских с описанием событий Ливонской войны³⁰. Уже начиная с первой половины XVI столетия в немецкой прессе появляется ряд терминов применяемых при описании турок. Так, например, турецкий султан характеризуется как «самый ужасный тиран и губитель христианства». Эти отработанные стереотипы начиная с 60-х гг. XVI в. начинают употребляться при описании московских событий. Часто в одной газете одновременно описывались «турецкие и московские события». Так, например, одна газета отпечатанная в 1582 г. так и называется «Пер-

сидская, турецкая и московская газета». Такое заглавие говорит читателям о том, что в данной газете описываются персидские, турецкие и московские события. Христоф Крузеус в своих коротких «Христианских воспоминаниях...» напечатанных в 1561 г. в летучем листке отмечал, что основными врагами Священной Римской империи являются турки и москвиты. Далее автор развивает мысль, что «безобразные, кровавые турки» ушли прочь, а москвиты, которые не чем не лучше турок захватили большую часть Ливонии и нанесли геополитическим интересам Святого Рима и всей немецкой нации большой урон³¹. В другом флюгшрифте напечатанном в 1578 г. турецкие и русские завоевания связываются с библейскими пророчествами как божья кара за грехи, причем турки и москвиты опять сравниваются и ставятся на одной плоскости общественного сознания. «Ужасные, варварские, развратные народы турки и москвиты», «которые божьим церквям во все времена особые мучения и горе причиняли»³². В отдельных флюгшрифтах начала 1670 гг. русские изображались на гравюрах в турецкой одежде, в турецких шапках с длинными перьями, с длинными усами и кривыми саблями. Только наибольшая часть газет позитивно рассматривала Московское государство, считая его злейшим врагом турок и позитивным союзником немецкой нации.

Обобщая историческую информативность флюгшрифтов этого периода можно сделать заключение, что «летучие листки» не давали полного и четкого описания текущих событий, а скорее содержали отдельные куски информации из событий Ливонской войны, которые рисовали лишь фрагментарную, мозаичную картину, причем очень односторонне и тенденциозно окрашенную. В центре этой картины стояли «москвиты» — «самые кровавые и ужасные враги христианства». Этот односторонний шаблон переносился на русского царя, на его приближенных и на всех русских вообще. Интересно, что особенно резкие эпитеты в адрес русских содержатся в немецких флюгшрифтах. Пресса напечатанная на территории Польско-Литовского государства содержит меньшее количество выпадов против Москвы и написана более осторожным языком. По-видимому, это обстоятельство

можно объяснить тем, что «московиты» были для Священной Римской империи далеким и неизвестным врагом, вступившем в противоречие с геополитическими интересами Габсбургов, в то время как для Речи Посполитой Москва была хорошо изученным и конкретным противником, к которому не надо было применять не соответствующие ему клише и эпитеты. В большинстве флюгшрифтов периода Ливонской войны московиты характеризуются как хитрые, вероломные, нарушающие свое слово политики. Эти негативные оценки очень схожи с описанием турок и по всей видимости заимствованы из более ранних флюгшрифтов. Часто при описании военных действий мощь русских значительно преувеличивалась. В отдельных случаях количество войск, которыми располагал московский царь сильно превышало, чем это было на самом деле. Страх и ужас при описании Ливонской войны в шедших отсюда флюгшрифтах по замыслу их авторов должен был вынудить Габсбургскую империю к более решительным действиям против русских. Некоторые газетные авторы смотрели более далеко и позволяли себе делать долгосрочные прогнозы. Они считали, что Москва способна противостоять турецкой угрозе, нависшей над Западной Европой и выражали надежду на союз Москвы с Западом против Османской империи. Как показало время, такая перспектива была вполне реальной, так как у русского царя были сильные противоречия с Османской Портой.

¹ *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908.

² *Кобенцль Я.* Письма о России XVI века // ЖМНП. 1842. Ч. 35; *Бухов фон Принц Д.* Начало и возвышение Московии / Ред. и пер. Тихомирова А.И. М., 1877.

³ *Kappeler A.* Die letzten Opricinjahre (1569-1571), im Lichte dreier Zeitgenossischer Broschuren. In Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas N.F. 19 (1971). S. 1-30.

⁴ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание Альберта Шлихтинга». Л., 1934.

⁵ *Козлова Г.Г.* Описание Московии Александра Гваньини // Античность и современность. М., 1972. С. 434-444.

⁶ *Brakel T.* Christlich Gesprech von der grausamen Lerstörung in Lifland, durch den Muscowiter vom 58. Jar her geschehenn... Antorff

- 1579; Jahresbericht der Felliner Litterarischen Gesellschaft für das Jahr 1889. Dorpat 1890. Beilage II. S. 51-215.
- 7 *Kappeler A.* Die letzter Opricinajahre... S. 6-7.
 - 8 Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе как исторический источник // Русский исторический журнал. Кн. VII. Пг., 1922.
 - 9 *Kappeler A.* Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter und Iwan den Schrecklichen im Rahmen der Russlandliteratur des 16. Jahrhunderts. S. 157, Sammlung. Einleitung Leo Kapelew. München, 1985.
 - 10 *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.
 - 11 *Kappeler A.* Die letzten Opricinajahre... S. 10-11
 - 12 Reinoldi Heidensteni secr. regii De Bello Moscovitico quod Stephanus Rex Poloniae gessit, Commentariorum libri VI. Basileae, 1588.
 - 13 Müller D. Polonische, Liffländische, Moschoviterische, Schwedische und andere Historien... Franckfort am Mayn. 1585.
 - 14 *Henning S.* Lifflendische churlendische chronica. Leipzig, 1594.
 - 15 Balthasar Russow Revaliensis Chronica der Provintz Lyfflandt. Bart, 1584; Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Рига, 1879-1880. Т. 1-2.
 - 16 Joannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita A. Paulo Oderbornio tribus conscripta. Witebergae, 1585.
 - 17 *Козлова Г.Г.* Об описании Московии Александра Гваньини // Античность и современность. М., 1972.
 - 18 *Kappeler A.* Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter... S. 150-195.
 - 19 Warhaftige Neue Zeitung vom gransamen Feind der christenheit dem Moskowiter. Цит по: *Kappeler A.* Die deutschen Flugschriften über die Moskowiter... S. 164-165.
 - 20 Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 395-405.
 - 21 Eigentliche warhaftige Beschreibung etlicher Handlung so sich un Reussen zur Moskaw Pleskaw Naugarten. Frankfurt am Main, 1572; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 150.
 - 22 Beschreybunge einer Reyse oder zuges / eins fürnemlichen Polischen Herrn / von Königlich Polnischen wurden / Botschaffweiss gen Constantinopel / und von dannen inn die Tartarey gezogen, Nürnberg 1571.
 - 23 Сб. РИО. Т. 71. С. 591. Очерки истории СССР. период феодализма. Конец XV – начало XVII вв. М., 1955; *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. 1947. Т. 22; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 149.
 - 24 Auszuge aus einem Schreiben / für ganz wahrhaftig geacht / wie das einer hohen Fürstlichen person zugekommen. Цит. по: *Kappeler A.* Die deutsche Feugschriften über die Moskowiter... S. 166.

- ²⁵ Warhaftige Contfactur / der Legation oder gesandten des Groß Fürsten aus Moscau / an die Römischen Kayserliche Magestat Auch inn was Kleydung und gestalt / ein jader den Hof gezogen / da sie der Römischen Kayserlich Mayestat den Gredentz Briff und Geschenck überantwortet haben / Zu Regensburg auff diese Reichstag den achtzehenden Julij /dieses M.D.L.XX Jars. Цит. по: *Völkl E., Wesslu K.* Die russisch Gesandtschaft am Regensburger Reichstag 1576. Regensburg, 1976. (Schriftenreihe des Regensburger Osteuropainstituts. Bd. 3.).
- ²⁶ *Kappeler A.* Die deutsche Feudschriften über die Moskowiter... S. 169.
- ²⁷ Eigentliche und kurtze Beschreibung / etlicher ergangener Kriegsübungen / auch die Belägerung der gewaltigen Reussischen Handelsstatt Pleßkaw. Neben ordenlicher Verzeichnuß / deß gemachten und bestettigten Fridens / zwischen beyden Potentaten» aus dem Jahr 1582 z. B. Цит. по: *Kappeler A.* Die Deutsche Flugschriften über die Moskowiter... S. 169-170.
- ²⁸ *Kappeler A.* Die deutsche Flugschriften über die Moskowiter... S. 170-171.
- ²⁹ Ibid. S. 172.
- ³⁰ Ibid. S. 173.
- ³¹ Christliche Erinnerung... durch Christophorum cruceium. o.O. 1561. S. A IIIv, A IV.
- ³² Moscovittische Teranney. Eigentliche warhaftte beschreibung und bericht... Nürnberg, 1578. S. Av.

ОБ ИЗДАНИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА.

(Историко-библиографический обзор публикаций)

Проходившее в 1606-1607 гг. восстание под предводительством И.И.Болотникова, которое являлось кульминационным этапом Крестьянской войны начала XVII в., не было предметом специальной публикации источников в отечественной историографии как в дореволюционной, так долгое время и в советской, вплоть до выхода в свет в 1959 г. сборника, подготовленного А.И.Копаневым и А.Г.Маньковым¹. В сборник вошли все известные к тому времени публикации отдельных документов, отрывки изданных отечественных литературных памятников (летописи, сказания, публицистика) и записок иностранцев — очевидцев и современников восстания Болотникова, последующих событий Крестьянской войны и иностранной военной интервенции. Помимо того в сборник включены были и новые архивные документы, выявленные В.И.Корецким в ЦГАДА, в фонде Поместного приказа (о повстанческом движении в поволжских уездах, об участии новгородских и псковских дворян в карательных операциях против восставших).

Обратимся к истории публикации источников по каждому их классу в отдельности.

Документальные источники. Огромный урон делопроизводству и архивам центральных государственных учреждений России нанесли польская оккупация Москвы в 1610-1612 гг. и опустошительный московский пожар 1626 г. Из документов, освещающих восстание Болотникова, предшествующих ему и последующих событий Крестьянской войны, уцелело немного, не более шести-семи десятков, из значительного некогда собрания дел Разрядного, Стрелецкого, Разбойного,

Поместного, Холопьяго и других приказов. Следует заметить, впрочем, что сведения о событиях Крестьянской войны и, в частности, о восстании Болотникова, получили отображение в документах последующего времени (вплоть до 80-х гг. XVII в.) в челобитных дворян в Поместный приказ о придачах к поместным и денежным окладам за службы их самих или их предков в 1603-1614 гг., за участие в боях, за ранения и иные отличия. Отдельные документы подобного рода сохранились и на местах, в архивах приказных изб XVII в.

Впервые документы о восстании Болотникова вышли в свет в 1819 г. в издании Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Во втором томе этого сборника Комиссия (А.Ф.Малиновский, П.М.Строев, К.Ф.Каллайдович) напечатала грамоты царя Василия Шуйского о ходе борьбы с повстанческим движением и о некоторых других событиях 1606-1607 гг.²

Последующая публикация документов связана с деятельностью возглавляемых П.М.Строевым археографических экспедиций, которые в 1837 г. были преобразованы в Археографическую комиссию. В ходе археографических экспедиций 1817-1820 гг. Строев и его сотрудники обследовали архивы центральных губерний России, а в 1828-1834 гг. — архивы северо-восточных, поволжских и приуральских губерний, где собрали большое число документов XIII-XVII вв., которые были напечатаны в 1836-1838 гг. в четырех томах издания «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской академии наук». Во втором томе этой публикации помещены грамоты царя Василия Шуйского, патриарха Гермогена, ростовского митрополита Филарета, освещающие боевые действия царских войск против отрядов Болотникова и его сподвижников, организации на местах карательных военных формирований и др.; напечатан был и такой уникальный документ, как протокол следственных показаний («допросных речей») виднейшего вожака повстанческого

движения Ильи Горчакова, выступавшего под именем «царевича Петра»³.

В изданном Археографической комиссией в 1841 г. втором томе сборника «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею» были опубликованы законодательные акты Василия Шуйского о холопах и крестьянах (указ от 7 марта 1607 г. и Соборное уложение от 9 марта 1607 г.)⁴.

Отдельные документы увидели свет на страницах других многотомников: в «Сборнике Русского исторического общества» был напечатан статейный список посольства Г.К. Волконского в Польшу в 1606-1607 гг., отображавший официальную трактовку событий, связанных с восстанием Болотникова⁵; составители и редакторы издаваемого Академией наук сборника «Акты московского государства» Д.Я. Самоквасов и Н.А. Попов опубликовали дело Разрядного приказа по челобитной дворянина И.И. Голенищева-Кутузова о причае к поместному и денежному окладам за участие его самого и его отца в боях с отрядами Болотникова⁶.

В конце XIX – начале XX в. ряд историков выпустил публикации, в которых среди прочих материалов были напечатаны документы, освещающие различные стороны истории восстания Болотникова и последующих событий Крестьянской войны. С.А. Белокуров опубликовал извлечения из разрядных книг, записи за 1604-1613 гг., в которых учтены назначения полковых и городских воевод и описан ход боевых действий правительственных войск против повстанцев⁷. А.В. Юшков напечатал грамоты Василия Шуйского, посланные в сентябре и октябре 1607 г. полковым и городским воеводам, с предписанием усилить карательные операции против восставших под Брянском, Пронском, Михайловом и Рязском⁸. А.М. Гневушев опубликовал донесения астраханского воеводы Ф.И. Шереметева в Посольский приказ о борьбе с повстанческим движением в Нижнем Поволжье в 1607-1608 гг. и о переговорах с правителем Нагайской орды Иштереком, направленных на то, чтобы удержать нагайских татар от присоединения к восставшим⁹. Л.М. Сухотин издал материалы Разрядного и Поместного приказов о пожалова-

нии дворян поместными и денежными окладами за их участие в боях против отрядов Болотникова, за полученные при том ранения и за смерть их отцов и братьев¹⁰.

Нельзя не упомянуть о наличии публикаций отдельных документов, освещающих ход повстанческого движения в центральных и поволжских уездах в 1606-1608 гг., на страницах изданий губернских ученых архивных комиссий¹¹.

Таков фонд документальных источников, изданных в дореволюционное время. Эти публикации с текстологической стороны (передача текста документов, их оформление) были подготовлены на вполне удовлетворительном уровне, комментаторский же аппарат в большинстве изданий вовсе отсутствовал, а в тех редких случаях, когда он и имелся, то был явно недостаточен. Задачи источниковедческого изучения этих документов, оценки их информационной емкости и степени достоверности, были решены много позднее, на страницах капитальных исследований И.И.Смирнова (1951) и В.И.Корецкого (1975), в работах А.А.Зимины и других историков, во вводной статье и комментариях к сборнику «Восстание Болотникова» (М., 1959).

Дореволюционные публикации не исчерпали всего запаса документов о Крестьянской войне начала XVII в., находившегося в ЦГАДА и других архивохранилищах. Находки столь уникальных источников — редкостное явление в практике исследовательской работы, и были они либо делом случая, либо же результатом целенаправленного поиска. В последнем наибольших успехов достиг В.И.Корецкий, который, начиная с середины 1950-х гг., просматривая как новые архивные фонды, так и давно, казалось бы, изученные собрания документов Поместного, Разрядного и др. приказов, обнаружил значительное число источников о Крестьянской войне и, в особенности, о восстании Болотникова.

В первую советскую публикацию, подготовленную Г.И.Бибиковым, вошли записи из расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря за 1606-1607 гг. В них учтена выплата денег царским воеводам, проводившим карательные операции против восставших осенью 1606 г. под Волоколамском и Можайском, зафиксированы расходы на содержание

отрядов монастырских «охочих», посошных и даточных людей, участвовавших в походе войска Василия Шуйского в 1607 г. под Серпухов, Калугу и Тулу, на строительство гатей, засек, мостов и плотины на реке Упе, посредством которой была затоплена Тула с осожденными в ней отрядами Болотникова¹². Такого же рода записи, извлеченные из других расходных книг 1606-1607 гг. того же Иосифо-Волоколамского монастыря позднее опубликовал А.А.Зимин¹³. Следует заметить, что среди опубликованных Г.Н.Бибиковым и А.А.Зиминим записей были и такие, в которых шла речь об изъятии монастырских денежных сумм и имущества атаманами повстанческих отрядов, действовавших осенью 1606 г. западнее Москвы и проникавших в вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря.

И.И.Смирнов издал Соборное уложение царя Василия Шуйского (от 9 марта 1607 г.), вводившее новые законодательные нормы в вопросах сыска и прикрепления беглых крестьян и холопов¹⁴. Издание это, осуществленное по раннему и более исправному списку, нежели тот, что был включен в свое время в публикацию В.Н.Татищева, сняло давние сомнения относительно подлинности и достоверности Соборного уложения 9 марта 1607 г.

Выход в свет монографии И.И.Смирнова и его же «Краткого очерка истории восстания Болотникова» (М., 1953) вызвал интерес ряда других исследователей к изучению проблем истории Крестьянской войны начала XVII в.¹⁵, стимулировал архивные разыскания и публикацию новых документов по данной тематике.

В изданном в 1953 г. восьмом томе сборника «Исторический архив» были напечатаны документы, обнаруженные в фонде Разрядного приказа ЦГАДА. А.А.Зимин и Р.Г.Королева опубликовали расходную книгу Денежного стола Разрядного приказа за 1606-1607 гг. Книга фиксирует расходы на финансирование карательных мероприятий правительства Василия Шуйского, направленных на подавление восстания Болотникова. Источник этот не только дополняет разрядные записи, опубликованные в свое время С.А.Белокуровым, но и содержит новые, точно датированные данные о

боях царских воевод с восставшими под Коломной, Можайском, Волоколамском, Москвой, Серебряными Прудами, Калугой и Тулой. Помимо того в записях расходной книги содержатся сведения о положении в приокских и поволжских уездах, затронутых восстанием, о ходе подавления этих очагов повстанческого движения, о создании поуездных ополчений из дворян и даточных людей, о численности и социальном составе «колодников» — захваченных в плен повстанцев, содержащихся в тюрьмах Москвы и других крупных городов¹⁶. Р.В.Овчинниковым издан Боярский список 1607 г., указывающий на место службы бояр, окольных, других думских и приказных чинов, московских дворян в период осады Калуги войском Василия Шуйского¹⁷. И, наконец, в том же томе «Исторического архива» Е.И.Вайнберг опубликовала две челобитных смоленского дворянина Д.П.Дернова, поданные в Разрядный приказ в 1648 г., о пожаловании придачей к поместному и денежному окладу за ратную его службу при царе Василии Шуйском в 1606-1607 гг., когда он, Дернов, находясь в отряде смоленских дворян (640 чел.), участвовал в боях против восставших под Москвой, Калугой, Тулой и Брянском, а также и в последующих походах¹⁸.

С ценной подборкой источников выступил в журнале «Исторический архив» В.И.Корецкий. Ему при просмотре в ЦГАДА фонда Поместного приказа посчастливилось найти несколько документов из деловой переписки вожakov повстанческого движения правобережных уездов Поволжья (Нижний Новгород, Арзамас, Касимов, Кадом) за ноябрь 1606 г.¹⁹ Принимая во внимание то обстоятельство, что историкам дотоле не встречались подлинные документы из повстанческого лагеря, а содержание некоторых из них было известно по тенденциозным изложениям в бумагах правительства Василия Шуйского и церковных властей, публикация В.И.Корецкого была воспринята как научная сенсация²⁰.

Как уже отмечалось выше, изданный в 1959 г. сборник «Восстание Болотникова» не только воспроизвел тексты всех документальных и повествовательных источников по данной теме, но и как бы подвел итоги работы в области их публи-

кации и источниковедческого изучения за весь предшествующий период.

Заметно оживилась работа по разысканию и публикации документов, освещающих события Крестьянской войны и, по-преимуществу, восстания Болотникова, в 1950-80-е гг. Продолжалось археографическое освоение таких фондов ЦГАДА, как Поместный и Разрядный приказы, где находки новых документов были наиболее вероятны. Значительное расширение хронологических рамок поиска позволило выявить в архивных делах 1610-1680 гг. документы, повествующие о бурных событиях начала XVII в., главным образом о дворянах, отличившихся в борьбе против Болотникова, а также пострадавших от восставших (такие документы и известия нашлись в поместных и судебных делах, в составе переписных книг, родословных книг и др. источников). Отдельные документы были обнаружены и в других фондах ЦГАДА (Приказные дела старых лет, фонды Иосифо-Волоколамского, Троице-Сергиева монастырей) и в иных архивохранилищах.

Лидерство в публикации впервые открытых архивных документов принадлежало В.И.Корецкому²¹; одну из документальных подборок он выпустил в соавторстве с другими исследователями²².

Ряд ценных архивных источников издали В.А.Александров²³, Г.Н.Анпилов²⁴, Б.Н.Морозов²⁵, В.Д.Назаров и Б.Н.Флоря²⁶, А.Л.Станиславский²⁷. Продолжая начатую Г.Н.Бибиковым, а вслед за ним и А.А.Зиминым публикацию приходо-расходных книг Иосифо-Волоколамского монастыря, Б.Н.Флоря издал подготовленные им совместно с М.Н.Тихомировым извлечения из книг 1606-1607 гг., в которых речь идет о выдаче денег на содержание дворянских семей с челядью, бежавших из городов и уездов, охваченных восстанием, и укрывшихся за стенами монастыря. В этих же книгах содержатся записи об изъятии из монастырской казны средств атаманами казачьих отрядов болотниковцев, действовавших под Волоколамском, Можайском, Калугой и Алексин²⁸.

Литературные памятники. Среди повествовательных источников, отображающих историю восстания Болотникова и Крестьянской войны в целом, ведущее место принадлежит летописям. Составители этих произведений, описывая отошедшие в прошлое события «Смуты», опирались на официальные акты и разрядные записи того времени, на сказания и публицистические сочинения очевидцев, на личные свои воспоминания.

Официальная трактовка событий «Смутного» времени, включая и Крестьянскую войну начала XVII в., была дана в «Новом летописце» — летописном своде, составленном в 1630 г. при Патриаршем дворе по поручению патриарха Филарета и, естественно, отображавшем династические интересы Романовых. В последующие десятилетия XVII в. появились другие редакции «Нового летописца», которые хронологически продолжали список 1630 г., а вместе с тем и вводили в текст его повествования о «Смутном времени» отдельные дополнительные известия относительно восстания Болотникова. «Новый летописец» в основном его списке 1630 г. был опубликован Археографической комиссией в 1910 г.²⁹ А вот позднейшие редакции этого памятника были изданы значительно раньше. Еще в 1771 г. Н.И.Новиков напечатал текст редакции «Нового летописца», известный под названием «Летопись о многих мятежах» (в списке 1650-х гг.)³⁰, содержащий ряд дополнительных известий о повстанческом движении в низовьях Волги в 1606-1608 гг. Историк-архивист М.А.Оболенский издал в 1853 г. принадлежавший ему список «Нового летописца»³¹ в поздней редакции, содержащий некоторые дополнительные сведения о событиях времени восстания Болотникова (о боевых действиях на территории Среднего и Нижнего Поволжья).

Наряду с официальным летописным сводом, каковым является «Новый летописец», в первой половине XVII в. были созданы летописи частного происхождения, отдельные страницы которых освещали восстание Болотникова и другие периоды Крестьянской войны.

Наиболее содержателен из них — Карамзинский (или Столяров) хронограф (приобретенный Н.М.Карамзиным у

некоего столяра). По предположению С.Ф.Платонова, автором хронографа был арзамасский дворянин Баим Болтин, участник борьбы с повстанческим движением в 1606-1608 гг., написавший свое сочинение по собственным воспоминаниям и со слов других арзамасских дворян. Карамзинский хронограф впервые был опубликован в 1869 г. А.Н.Поповым³². Позднее, в 1953 г. И.И.Смирнов издал этот памятник по более исправному его списку³³.

В названном выше сборнике А.Н.Попова напечатан «Хронограф редакции 1617 года», содержащий лаконичную характеристику событий «Смуты» и крайне лапидарную в освещении восстания Болотникова.

В подготовленном А.Н.Насоновым издании псковских летописей XIV-XVII вв. были опубликованы тексты двух памятников XVII в.: «Псковский летописец» и повесть «О смятении и междоусобии пскович от Московского государства»³⁴, освещающие политическую борьбу в Пскове между сторонниками и противниками правительства Василия Шуйского в 1606-1607 гг. и содержащие сведения о ссылке на тюремное заключение в Псков и Новгород пленных болотниковцев.

Некоторые события восстания Болотникова (поход отрядов восставших на Москву, бои под Калугой, Каширой и Тулой, похождения «царевича Петра» и его гибель) отображены в «Пискаревском летописце», обнаруженном и изданном О.А.Яковлевой³⁵.

Последнее из найденных произведений летописного жанра — «Бельский летописец», сообщающий краткие известия о повстанческом движении в западных уездах России в 1606-1607 гг., источник этот был опубликован В.И.Корецким³⁶.

Для изучения идейной борьбы, развернувшейся между противостоящими силами в годы Крестьянской войны, важнейшим источником является публицистика первой четверти XVII в. В отношении же событийной стороны крестьянской войны в целом и восстания Болотникова, в частности, публицистика во многом уступает летописям, а тем более документальным источникам.

На первом месте среди литературно-публицистических памятников стоит «Иное сказание», компилятивное сочинение, составленное в 1620-х гг., включающее в свой состав «Повесть 1606 г.», современную восстанию Болотникова, использующее «Изборник 1617 г.», «Сказание» Авраамия Палицына и ряд других источников и, видимо, опирающееся на личные воспоминания автора — очевидца событий 1606 — начала 1607 г. О последнем, в частности, свидетельствуют уникальные, не встречающиеся в других источниках показания о подробностях осады Москвы восставшими осенью 1606 г., о боях под Калугой в январе-мае 1607 г. Первая публикация «Иного сказания» была осуществлена в 1853 г. И.Д.Беляевым³⁷, позднее памятник этот был издан по нескольким спискам в «Русской исторической библиотеке»³⁸.

Некоторые фактические данные о восстании Болотникова содержатся в «Сказании» Авраамия Палицына, но источник этот интересен главным образом по характеристике социально-экономического состояния России и по оценке социальной природы движения Болотникова и последующих выступлений народа. Два первых отдельных издания «Сказания» вышли в свет в 1784 и 1822 гг., а затем оно дважды опубликовано в «Русской исторической библиотеке». (Т. XIII. Изд. 1-е. СПб., 1891; Изд. 2-е. СПб., 1909). В 1955 г. вышло в свет академическое издание «Сказания», подготовленное по нескольким спискам и обстоятельно прокомментированное О.А.Державиной и Э.В.Колосовой³⁹.

Подобно Авраамию Палицыну, дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», акцентирует внимание не столько на рассказе о конкретном ходе Крестьянской войны, сколько на размышлениях по поводу тех причин, которые привели к расколу общества, подняли на восстание «своенравных рабов», покусившихся пойти «ратию» на саму Москву. Будучи убежденным защитником интересов феодалов-крепостников, Иван Тимофеев яростно осуждал участников восстания Болотникова и последующих народных выступлений. «Временник» Ивана Тимофеева впервые был издан в 1891 г. в «Русской исторической библиотеке»⁴⁰, а в 1951 г. вышел в

свет под редакцией и с подробными комментариями О.А.Державиной⁴¹.

Среди памятников публицистики начала XVII в. особняком стоит «Казанское сказание», найденное и опубликованное М.Н.Тихомировым⁴². Автор, создавший «Казанское сказание» не позднее 1611-1612 гг., был очевидцем восстания Болотникова и, видимо, принадлежал к приказной среде. Не ограничиваясь характерными для публицистики того времени мотивами порицания и осуждения восставших социальных низов, автор «Казанского сказания» сосредоточил внимание на описании военных действий, опираясь при этом и на собственные свои воспоминания и, как справедливо предположил И.И.Смирнов, на знакомство с документами Разрядного архива.

Гораздо беднее фактическими данными о восстании Болотникова и Крестьянской войне в целом такие публицистические произведения, как «Повесть» князя И.М.Катырева-Ростовского⁴³ и ее переработка, известная под наименованием «Рукопись Филарета»⁴⁴, «Домашние записки» князя С.И.Шаховского⁴⁵, «Послание дворянина дворянину» (принадлежащее перу тульского дворянина И.Фуникова)⁴⁶.

Отрывки из литературных и публицистических произведений, освещающих предысторию и историю восстания Болотникова, опубликованы и обстоятельно прокомментированы А.П.Копаневым и А.Г.Маньковым в сборнике «Восстание И.Болотникова. Документы и материалы» (М., 1959).

Источниковедческому исследованию литературных и публицистических памятников эпохи «Смуты» была посвящена капитальная монография С.Ф.Платонова⁴⁷, вышедшая в свет в конце XIX в., но не утратившая своего значения до настоящего времени. Отдельные из летописей, повестей и сказаний, повествующих о событиях классовой борьбы начала XVII в., были рассмотрены в работах Е.Н.Кушевой, И.И.Смирнова, И.И.Полосина, М.Н.Тихомирова, О.А.Державиной, В.И.Корецкого и других исследователей.

Сочинения иностранцев. Среди сочинений иностранцев, современников и очевидцев «Смуты», полнотой известий о восстании Болотникова выделяются записки голландского

коммерсанта Исаака Массы, который, находясь в Москве в течение восьми лет (1601-1609 гг.), стал свидетелем многих примечательных событий. В своих записках, созданных в 1611 г., И.Масса, повествуя о восстании Болотникова, опирался на личные свои наблюдения (осада Москвы повстанческими отрядами, проведение правительством Шуйского карательных акций против восставших), а также на рассказы участников военных действий и на различного рода слухи (не всегда, впрочем, достоверные). Следует отметить, что И.Масса сочувственно относился к восставшим и их предводителю И.И.Болотникову. Записки И.Массы «О войнах и смутах в Московии» впервые были изданы в 1866 г. на языке оригинала (голландский) с переводом на французский. Голландский текст был напечатан археографической комиссией во втором томе серии «Сказания иностранных писателей о России» (СПб., 1868), а первый русский перевод записок (выполненный А.Н.Шаховским) был издан Археографической комиссией в 1874 г.⁴⁸ Новое русское издание записок И.Массы было осуществлено в 1937 г. в переводе и с комментариями А.А.Морозова⁴⁹.

Биографические сведения о Болотникове, рассказ о предводимом им восстании и, в частности, уникальное известие о переговорах Болотникова с Шуйским относительно условий прекращения военных действий под Тулой в октябре 1607 г. содержатся в сочинении другого побывавшего в России голландца — Элиаса Геркмана — «Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском», опубликованном впервые в Амстердаме в 1625 г. Голландский текст сочинения был напечатан в России в 1868 г. во втором томе издания Археографической комиссии «Сказания иностранных писателей о России», а русский перевод опубликован в 1874 г. в сборнике «Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России».

Весьма осведомленным очевидцем и участником бурных событий «Смуты» был Конрад Буссов, выходец из Германии, поселившийся в России в 1601 г. и оставивший ее в 1612 г. Во время восстания Болотникова он оказался в самом центре событий: находился в Москве в дни ее осады повстанчес-

кими отрядами, потом перебежал в лагерь восставших, служил в отрядах Болотникова, участвовал в сражениях под Калугой и Тулой, а впоследствии оказался в стане Лжедмитрия II. В последние годы жизни (умер в Любеке в 1617 г.) К.Буссов трудился над «Московской хроникой», в которой описал свои похождения в России. Из всех иностранных мемуаров «Хроника» К.Буссова дает наиболее полное и подробное освещение восстания Болотникова (наравне, пожалуй, с записками И.Массы). Следует, впрочем, заметить, что К.Буссов, стремясь к красочности, занимательности и драматизации изложения, порою отходил от норм мемуарного жанра, от точного отображения реальных событий, иногда прибегал к домыслам и преувеличениям. Текст «Хроники» К.Буссова (в переводе с немецкого языка на русский) был опубликован Н.Г.Устряловым в 1831 г.⁵⁰, причем публикатор ошибочно приписал авторство этого сочинения пастору лютеранской церкви в Москве Мартину Беру — зятю К.Буссова. В 1851 г. «Записки» К.Буссова с правильным указанием авторства были напечатаны на немецком языке в первом томе сборника Археографической комиссии «Сказания иностранных писателей о России» (СПб., 1851). Оба эти издания были осуществлены по сокращенным и не вполне исправным спискам. Основная и наиболее полная редакция «Записок» К.Буссова, обнаруженная в 1950-х гг. в рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, была опубликована в 1961 г. под редакцией И.И.Смирнова⁵¹.

Ценные фактические данные о восстании Болотникова (особенно о последнем его этане) содержатся в записках Арсения, архиепископа Елассонского, грека но национальности, жившего с 1589 г. в Москве и занимавшего пост почетного настоятеля Архангельского собора в Кремле. Занимая резко отрицательную позицию в отношении к восставшему народу, Арсений в то же время высоко отзывался о И.И.Болотникове, как о выдающемся полководце. Фрагмент из записок Арсения, освещающий события восстания Болотникова, опубликован и прокомментирован А.А.Дмитриевским в его книге «Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории» (Киев, 1899).

Начальные события выступления Болотникова отражены на страницах мемуаров французского офицера Жака Маржерета, капитана команды придворных телохранителей при Борисе Годунове и Лжедмитрии I, уехавшего из России в сентябре 1606 и год спустя издавшего во Франции свое произведение «Состояние Русского государства». Более содержательны свидетельства другого мемуариста, аугсбургского купца Георга Паерле, жившего в Москве в 1606-1608 гг. Возвратившись на родину, он издал «Описание путешествия» в Россию и пребывания в ней. Из содержащихся там известий, наиболее интересны те, где Г.Паерле выступает как очевидец осады Москвы повстанческими отрядами и повествует об обстановке в столице в последующие месяцы восстания Болотникова. Русские переводы мемуаров Ж.Маржерета и Г.Паерле были изданы Н.Г.Устряловым в 1831 г.⁵²

Найденное в лондонском архиве и опубликованное В.Н.Александренко анонимное сочинение «Состояние Русского государства по смерти последнего Димитрия», представляет собой, как установил И.И.Смирнов, секретное донесение, составленное весной 1607 г. одним из английских дипломатических агентов в России (вероятнее всего, Джоном Мериком). Документ этот содержит обзор важнейших событий восстания Болотникова, с его начала и до поражения повстанческого войска под Москвой и отступления его в Калугу. Особый интерес представляет приводимое в тексте донесения изложение воззваний Болотникова к народным низам, с призывом к поддержке восставших. Исправленный русский перевод английского донесения был издан в приложении к статье И.И.Смирнова⁵⁴ и повторно напечатан в приложении к его монографии⁵⁵.

Сохранилась группа польских мемуаров и дневников, которые в большинстве своем тенденциозны и враждебны к восставшим и их предводителю И.И.Болотникову, но сообщают по ряду событий ценную фактическую информацию, подчас, весьма уникальную.

В последнем отношении интересен и содержателен дневник Вацлава Диаментовского, польского шляхтича из свиты

Юрия Мнишка, сосланного вместе с ним в августе 1606 г. из Москвы в Ярославль, где и оставался до лета 1608 г. Систематически, почти день за днем фиксируя в своем дневнике данные о примечательных событиях, Диаментовский акцентировал внимание на ходе восстания Болотникова. Главным источником для Диаментовского служила та информация, которую добывал Ю.Мнишек через тайных своих агентов как из Москвы, так и из Ярославля и других городов. Эти записи причудливо сочетают в себе обилие точных и достоверных известий с неменьшим числом домыслов, неправдоподобных и ложных слухов. К числу уникальных сообщений относится содержащееся в записи от 10 марта (нов. ст.) 1608 г. о конвоировании пленного Болотникова через Ярославль на север, в Каргополь (где он вскоре был умерщвлен). Отдельные отрывки из дневника Диаментовского издавались в XIX в. за рубежом (публикации Н.И.Тургенева, И.Шуйского). Полностью, но весьма небрежно, дневник Диаментовского напечатан в русском переводе Н.Г.Устряловым в сборнике «Сказания современников о Дмитрие самозванце» (СПб., 1931), причем авторство дневника ошибочно приписано было Марине Мнишек. Столь же небрежна и ошибочна публикация этого дневника в издании А.А.Титова⁵⁶.

Лучшее издание дневника Диаментовского осуществил по трем спискам и на языке оригинала А.Гиршберг⁵⁷.

Он же опубликовал дневник другого польского шляхтича Станислава Немоевского⁵⁸, сосланного в начале восстания Болотникова из Москвы в Ростов, а затем в Белоозеро, где находился до лета 1608 г. Сообщения С.Немоевского о событиях восстания скуднее и менее содержательнее, нежели дневник В.Диаментовского, что и понятно, учитывая значительную отдаленность места ссылки С.Немоевского (Белоозеро) от Москвы, да и от Ярославля, куда информация поступала чаще и была полнее и точнее. Помимо того, дневник С.Немоевского подвергся позднейшей авторской литературной переработке, из-за чего первоначальный текст поденных записей во многом утратил свою аутентичность, а прозе говоря, свежесть и достоверность. В текст дневника С.Немоевского включен ценнейший эпистолярный источ-

ник – письмо пана Андрея Стадницкого от 12 декабря (нов. ст.) 1606 г., тайно пересланное из Москвы на Белоозеро к находившемуся там в ссылке Мартыну Стадницкому. В письме этом день за днем описывается ход осады Москвы отрядами Болотникова, начиная с 26(16) ноября и по 7 декабря (27 ноября) 1606 г. Русский перевод дневника С.Немоевского был издан А.А.Титовым в 1907 г.⁵⁹

Из двух десятков польских сочинений 1601-1613 гг., учтенных в библиографическом справочнике В.А.Кордта⁶⁰, определенное значение имеют свидетельства о восстании Болотникова, содержащиеся в записках гетмана С.Жолкевского, дневнике иезуита Я.Велевицкого, сочинениях Будилы и И.Хвалибога.

Отрывки из иностранных сочинений, в которых речь идет о классовой борьбе в 1606-1607 гг., напечатаны в упоминавшемся сборнике «Восстание И.Болотникова. Документы и материалы». Некоторые из этих источников полностью изданы в сборнике «Россия в XV-XVII вв. глазами иностранцев» (Л., 1986), подготовленном Ю.А.Лимоновым, снабженным его комментариями и вводной статьей.

В дополнение к названным выше исследованиям, обзорам и комментариям И.И.Смирнова, О.А.Державиной, А.И.Копанева, А.Г.Манькова и других историков, в которых с источниковедческой стороны рассматриваются иностранные сочинения о Крестьянской войне начала XVII в., следует указать на работу Н.П.Долинина «К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И.И.Болотникова 1606-1607 гг.»⁶¹.

О подготовке нового сборника документальных источников. Как указывалось выше, крупный вклад в изучение истории Крестьянской войны начала XVII в. внес В.И.Корецкий, посвятивший этой теме специальную монографию и ряд крупных статей теоретического и конкретно-исторического содержания. Значительны его заслуги и в деле разыскания и публикации новых документальных и повествовательных источников по истории классовой борьбы в России в начале XVII в. (преимущественно о восстании под предводительством И.И.Болотникова). В конце 1970-х гг. В.И.Корецкий

выступил с инициативой подготовки нового сборника документальных источников по истории Крестьянской войны в России в начале XVII в., куда наряду с ранее изданными материалами должны были войти новые документы, выявляемые в ходе планомерного и тщательного обследования ряда фондов ЦГАДА, других архивов Москвы, Ленинграда и областных центров РСФСР, рукописных собраний библиотек и музеев. Инициатива ученого была поддержана дирекцией и ученым советом Института истории СССР, включившими подготовку сборника в план научно-исследовательской работы. В.И.Корецкий возглавил группу сотрудников Института истории СССР, ЦГАДА и других научных учреждений, которая в ходе архивных разысканий выявила значительное число ранее неизвестных документов (преимущественно в фондах ЦГАДА). Важно отметить, что документы эти касались как восстания Болотникова, так и последующих событий Крестьянской войны (с 1608 по 1614 г.), событий, к стати говоря, слабо освещенных предшествующими публикациями и исследованиями. Общий объем подготовленных группой В.И.Корецкого документов (как ранее изданных, так и впервые выявленных) составил около 30 авторских листов. В.И.Корецкий не успел завершить работу над публикацией. Уже после его безвременной кончины было проведено формирование состава сборника, текстологическое редактирование документов, археографическое их оформление, составление научно-справочного аппарата (вводная статья, примечания, указатели). В 1986 г. сборник утвержден к печати решением ученого совета Института истории СССР. Ныне этот сборник, получивший название «Смута в России в начале XVII века», находится в готовности к изданию и можно надеяться на его опубликование.

-
- 1 Восстание И.Болотникова. Документы и материалы. М., 1959.
 - 2 Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2. № 150, 154 и др.
 - 3 Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. № 57-60, 72, 74-76 и др.
 - 4 Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2. № 85. I, II.

- 5 РИО. М., 1912. Т. 137. С. 360 и др.
- 6 Акты Московского государства. М., 1890. Т. 1. № 60.
- 7 Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907.
- 8 Юшков А.В. Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898. Ч. 1. № 271, 272.
- 9 Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 180-181, 197-198, 201-206, 237.
- 10 Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604-1607). М., 1912. С. 71-72, 196-197, 202-203, 209, 210, 213, 224, 231, 236, 238.
- 11 Костромская старина. Кострома, 1894. Вып. 3. С. 4-11; Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 63-64; Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1913. Т. 11. С. 3-4.
- 12 Бибиков Г.И. Новые данные о восстании Болотникова // ИА. 1936. Т. 1. С. 12-22.
- 13 Зимин А.А. К истории восстания Болотникова // ИЗ. 1947. Т. 24. С. 353-385.
- 14 Смирнов И.И. Новый список Уложения 9 марта 1607 г. // ИА. 1949. Т. 4. С. 72-87; Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. М., 1951. С. 526-539.
- 15 Об этом, в частности, свидетельствует дискуссия, проходившая в конце 1950-х гг. на страницах журнала «Вопросы истории» (см. обзорную статью: О Крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века // ВИ. 1961. № 5. С. 102-120).
- 16 Зимин А.А. и Королева Р.Г. Документы Разрядного приказа // ИА. 1953. Т. 8. С. 21-60.
- 17 Овчинников Р.В. Боярский список 1607 г. // Там же. С. 71-79.
- 18 Вайнберг Е.И. Челобитные смоленского помещика – участника похода против Болотникова // Там же. С. 61-70.
- 19 Корецкий В.И. К истории восстания И.И.Болотникова // Там же. 1956. № 2. С. 126-145.
- 20 См., например: Смирнов И.И. Из истории восстания Болотникова // ИСССР. 1966. № 3. С. 67-78.
- 21 Корецкий В.И. К истории восстания Хлопка (новые материалы) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967 (воспроизведены записи за 1603 г. из синодика и вкладной книги Троице-Сергиева монастыря); он же. Новое об И.И.Болотникове // СА. 1964. № 4 (напечатаны документы Поместного приказа о расправе болотниковцев с болховскими помещиками); он же. Новые документы по истории восстания И.И.Болотникова (опубликованы расспросные «обыскные» речи жителей Рязанского, Пронского и Рязского уездов, отображающие события восстания Болотникова) // СА. 1968. № 6. С. 75-83; он же. Новый документ по истории русского города времени Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // АЕ за 1964 год. 1965 (изданы отрывки из

- окладной книги по Калуге, освещающие налоговую политику Болотникова).
- 22 *Корецкий В.И., Соловьева Т.Б., Станиславский А.Л.* Документы Первой крестьянской войны в России // СА. 1982. № 1 (опубликованы документы Поместного приказа об участии дворян в борьбе с восстанием Болотникова).
 - 23 *Александров В.А.* Pamфлет на род Сухотиных // ИСССР. 1971. № 5 (напечатана родословная роспись, сообщающая об участии одного из Сухотиных в восстании Болотникова).
 - 24 *Анцилогов Г.Н.* Новые материалы о Крестьянской войне под руководством И.Болотникова // ВИ. 1966. № 12; *он же.* О восстании в Среднем Поволжье и г. Осколе в 1606-1609 гг. // Вестник Московского университета. История. 1969. № 2 (в обоих подборках опубликованы документы, освещающие ход восстания Болотникова в южных и поволжских уездах).
 - 25 *Морозов Б.Н.* Важный документ по истории восстания Болотникова // ИСССР. 1985. № 2 (напечатана грамота Василия Шуйского муромскому воеводе Г.В.Языкову от 27 октября 1606 г., сообщающая о переходе на сторону восстания Казани, Арзамаса, Шацка, Темникова, Касимова и других городов Поволжья, и с предписанием принять меры к обороне Мурома от восставших).
 - 26 *Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Крестьянское восстание под предводительством И.И.Болотникова и Речь Посполитая // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974 (в статье дано изложение впервые обнаруженных в Польше документов сподвижников Болотникова: грамота «царевича Петра» от мая 1607, адресованная литовским ротмистрам, и грамота воеводы князя Д.В.Моисальского от июня 1607 г., посланная в Мстиславль, предписывающие развернуть военные действия против неприятеля).
 - 27 *Станиславский А.Л.* Новые документы о восстании Болотникова // ВИ. 1981. № 7 (опубликованы документы Разрядного приказа, отображающие события восстания Болотникова в замосковских городах в 1606-1607 гг.).
 - 28 *Тихомиров М.Н., Флоря Б.Н.* Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606-1607 гг. // АЕ за 1966 год. 1968.
 - 29 ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. СПб., 1910.
 - 30 Летопись о многих мятежах и разорении. Московского государства... СПб., 1771.
 - 31 Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича. Издан по списку князя Оболенского. М., 1853.
 - 32 *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

- 33 *Смирнов И.И.* Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953. Приложение. С. 137-150.
- 34 Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941; Вып. 2. М., 1955.
- 35 Материалы по истории СССР. Т. 2. М., 1955. Позднее «Пискаревский летописец» был издан в ПСРЛ.
- 36 *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // СССР. 1968. № 4.
- 37 Временник Общества истории и древностей российских. 1853. Кн. XVI.
- 38 РИБ. Т. XIII. СПб., 1891.
- 39 Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О.А.Державиной и Е.Б.Колосовой. М.; Л., 1955.
- 40 РИБ. Т. XIII.
- 41 Временник Ивана Тимофеева /Подг. к печ. О.А.Державиной. М.; Л., 1951.
- 42 *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. Т. VI. 1951.
- 43 РИБ. Т. XIII.
- 44 Сборник П.А.Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866.
- 45 Московский вестник. 1830. Ч. V.
- 46 Опул.: *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. 1606-1607. М., 1951. С. 541-543.
- 47 *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; то же. Изд. 2-е. СПб., 1913.
- 48 Сказание Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.
- 49 *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
- 50 Сказания современников о Дмитрие самозванце. Т. I. СПб., 1831.
- 51 *Буссов К.* Московская хроника. 1584-1613. М.; Л., 1961.
- 52 Сказания современников о Дмитрие самозванце. Т. I. СПб., 1831.
- 53 Старина и новизна. СПб., 1911.
- 54 *Смирнов И.И.* Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // ИЗ. 1942. Т. 13.
- 55 *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. С. 552-554.
- 56 *Титов А.А.* Дневник Марины Мнишек. М., 1908.
- 57 *Гиришберг А.* Польша и Москва в первой половине XVII века. Львов, 1901 (на польск. яз.).
- 58 *Гиришберг А.* Дневник Станислава Немоевского. Львов, 1899 (на польск. яз.).

- 59 *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А.Вахромееву. Вып. 6. М., 1907.
- 60 *Кордт В.* Иностранцы путешественники по Восточной Европе до 1700 г. Киев, 1926 (на укр. яз.).
- 61 *Долинин Н.П.* К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И.И.Болотникова 1606-1607 гг. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- 62 *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

К ИЗУЧЕНИЮ ОПИСЕЙ АРХИВА РАЗРЯДНОГО ПРИКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Значение описей архивов государственных учреждений поистине велико. Во многом это связано с теми утратами, которые понесли архивы в результате пожаров и иных событий XVII-XX вв. Сохранившиеся в настоящее время документы XVI в. и более раннего времени являются без преувеличения лишь жалкими остатками обширного делопроизводства центральных ведомств. Ценность описей заключается не только в том, что на их основе может быть реконструирован состав делопроизводственной документации и рассмотрен вопрос о репрезентативности сохранившихся документов. Значение описей, в частности, описей архива Разрядного приказа XVII в. неопределимо для изучения приказного делопроизводства XVII в., архивного дела той эпохи, а также при изучении структуры и функций Разрядного приказа и решении других общеисторических проблем.

В отечественной исторической науке накоплен солидный опыт изучения и издания описей архивов государственных учреждений. Прежде всего это касается публикаций описи Царского архива XVI в.¹, ее изучением плодотворно занимался С.О.Шмидт². Помимо этого, сейчас в распоряжении специалистов имеются работы С.А.Левониной, В.И.Гальцова, Н.М.Рогожина, посвященные исследованию описей архива Посольского приказа XVII в.³; описи Посольского приказа 1614, 1626, 1673 гг. изданы⁴. Вместе с тем следует отметить неизученность описей других приказов XVII в., в том числе одного из главных ведомств — Разрядного приказа. В настоящее время известно о трех описях архива Разрядного приказа XVII в.: 1626, 1649-1652 и 1668 гг.

Опись 1626 г. — первая из описей архива Разрядного приказа — была издана фрагментарно еще в XVIII в. Г.Ф.Миллером⁵. В 1838 г. тот же текст переиздал

П.И.Иванов⁶. Наконец, третья публикация увидела свет в 1888 г. благодаря Н.П.Лихачеву⁷. Это последнее по времени и лучшее издание текста описи 1626 г.

Опись 1626 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. ба. Д. 19) представляет собой рукопись XVII в. (1 пол.), в 4°, на 167 листах (136 + 30 нумерованных + 2 литерных – 1 пропущенный номер). Переплет поздний – картон с завязками; корешок и углы крышек – кожа.

Текст в рукописи выполнен одним почерком, аккуратной скорописью первой половины XVII в., коричневыми чернилами. Записи содержат также приписки, сделанные другим почерком и чернилами.

На листах рукописи прослеживаются 5 филигранных: 1) «Кувшин» одноручный с полумесяцем и литерами «С/НІ» на тулове. Близкий знак (далее также: ВЗ) – № 187 (1627) у Диановой⁸. 2) «Кувшин» двуручный с неопределенной литерой на тулове. Сходный ВЗ – № 457 (1627) у Диановой⁹. 3) Знак неопределенной формы с литерами «МД». Близкий ВЗ – № 3840 (1613) у Хивуда¹⁰. Тип знака на бумаге, бывавшей в России см. № 1217-1218 (1615, 1626) у Диановой и Костюхиной¹¹. 4) Неопределенный знак¹². 5) «Герб города Шимберг» с литерами «ІВ» (лигатура) под гербом. Сходный знак – № 359 (1624) у Ностица¹³.

Листы и тетради в книге перепутаны. В историографии существует несколько точек зрения относительно расположения тетрадей в рукописи. Н.П.Лихачев, один из издателей описи, предложил следующий порядок листов: 1-29, 78-83, 30-37, 84-92, 38-77, 93-136¹⁴. Впоследствии, сопоставив текст описей 1626 и 1649-1652¹⁵ гг., исследователь изменил свое мнение по данной проблеме и предложил иной порядок листов: 1-5, 38-53, 84-92, 30-37, 54-77, 118-136, 6-29, 78-83, 93-117¹⁶. Наконец, свое видение структуры текста и расположения листов высказал А.А.Гоздаво-Голомбиевский. Историк считал, что дела были расположены в описи в определенном порядке. Критерием в его реконструкции стало распределение дел по «столам» Разрядного приказа (Московский, Новгородский, Приказной и Денежный): л. 1-5, 30-53, 118-136, 54-77, 6-29, 78-117¹⁷. После работ Н.П.Лихачева и

А.А.Голомбиевского опись 1626 г. долгое время не изучалась. Новейшее исследование принадлежит Ю.Н.Мельникову. При реконструкции первоначального порядка листов исследователь исходил из соблюдения порядка тетрадей в рукописи. В том случае, когда тетради не имели нумерации, Ю.Н.Мельников использовал наблюдения А.А.Голомбиевского о группировке дел по «столам». В итоге, порядок листов, согласно реконструкции Ю.Н.Мельникова, следующий: 1-4, 38-53, 30-37, 118-136, 53(а)-77, 5-29, 78-117(а)¹⁸. Точка зрения историка по данному вопросу кажется мне достаточно убедительной. То, что во время составления описи тетради были расположены в соответствии с их нумерацией, доказывает сопоставление текста в конце тетради 17 и начале тетради 18. Ср.: «с Мироном Хлоповым да с Ыва» (л. 29об.), «ном Доможировым» (л. 78). Если расположить листы рукописи, согласно сохранившейся нумерации тетрадей, то их порядок будет следующим: 1-4 (тетрадь [1]), ... 30-37 (тетр. 4), 118-130(а) (тетр. 5-7), ... 53(а)-63 (тетр. 9-10), ... 6-29 (тетр. 15-17), 78-117(а) (тетр.18-24). Таким образом, неизвестно 7 тетрадей: № 2, 3, 8, 11-14. С другой стороны, неустановленным остается расположение листов 5, 38-53, 64-77, 131-136. Кодикологическое исследование указанных листов позволило получить определенные результаты. Листы 38-53, 64-77, 131-136 объединены в 6 тетрадей; отдельным является лист 5. Однозначно устанавливается положение л. 131-136, являющихся тетрадью [8]. Предыдущая 7-я тетрадь оканчивается списком десятен по Луху. С л. 131 начинается перечень десятен по Гороховцу. Обычно, при перечислении городов в официальных документах Разрядного приказа, за Лухом писали Гороховец¹⁹. На том же основании можно установить место л. 64-77, составляющих три тетради. Л. 64-67 содержат список десятен, хронологически продолжая текст (список десятен) на л. 63об., последнем листе тетради 10. Следовательно, можно считать л. 64-67(б) тетрадью [11]. Л. 68-72 и 73-77 также содержат списки десятен. Судя по записям описи, они могут быть тетрадами [12] и [13]. То, что порядок расположения листов в данном случае должен быть именно такой, следует из последних записей на л. 76 и 77-

77об. На первом из них оканчивается общий список десятен; оборот листа 77 пустой. Лист 77 содержит иной тематический список документов. Стоит отметить также, что тетради [8], [11], [12] и [13], в отличие от других тетрадей, написаны на бумаге одного типа, более плотной на ощупь: л. 64-67(б) без водяных знаков, бумага л. 68-77, 131-136 содержит только одну филигрань (№ 5 по описанию). Это обстоятельство можно рассматривать в качестве дополнительного косвенного аргумента в пользу предложенной последовательности тетрадей. Расположение л. 38-53 определяется сопоставлением текста описи 1626 и 1649-1652 гг. Источником последней была опись 1626 г. Следовательно, список «счетов дел» располагался в описи 1626 г. непосредственно за известиями о разрядных книгах. Значит, две тетради, содержащие листы 38-53, следует считать тетрадами [2] и [3].

Текстологические и кодикологические наблюдения не дают окончательного ответа на вопрос о расположении л. 5. После выводов, к которым удалось прийти выше, и с учетом того, что в общем счете тетрадей отсутствует лишь номер 14, необходимо принять доводы Ю.Н.Мельникова и считать лист 5 – остатком тетради [14].

Таким образом, нужно принять следующий порядок листов в рукописи: 1-4, 38-53, 30-37, 118-136, 53(a)-77, 5-29, 78-117(a).

Для характеристики текста описи важными представляются наблюдения Ю.Н.Мельникова над текстом списка местнических дел. Как установил исследователь, список распадается на три части: первая часть содержит перечень дел за 1575-1609 гг., расположенных в хронологическом порядке; вторая часть состоит из перечня недатированных дел, которые, как указал Ю.Н.Мельников, состоялись на самом деле в 1575-1602 гг.; третья группа включает в себя список дел, датированных в пределах 1614-1626 гг. Эта особенность списка местнических дел позволила историку обосновать вывод о том, что в основе данного списка лежит более ранний список местнических дел. Его составление исследователь относит к 1613-1614 гг.²⁰ В принципе, составление перечней делопроизводственной документации по виду документов

представляется вполне вероятным. Опись 1668 г. упоминает, например, «роспись на 17 столпцах, что в Розряде было розрядных старых книг и государевых походов нарядов; с начала отодрано по розрядную книгу 61-го году»²¹. Помимо прочего, вывод о документальном источнике списка местнических дел в составе описи находит косвенное подтверждение. Известно о существовании «тетради переписной старых счетных дел с 80-го году по 110-й год»²² и «росписи, что взято счетных дел у думново д(ь)яка у Сыдавново Васильева в 127-м году августа в 9 д(е)н(ь)», в двух экземплярах²³. Правда, предположение Ю.Н.Мельникова об описях местнических дел 7110 и 7127 гг. как источниках возможной описи 1613-1614 гг. не доказано. Вместе с тем, следует указать еще один аргумент в пользу вывода о существовании списка местнических дел, лежащего в основе соответствующей части описи 1626 г. Весь список местнических дел (л. 38-53) написан на бумаге, которая больше в рукописи не встречается²⁴ (филиграни 3 и 4. См. выше описание). Поэтому весьма вероятно, что данная часть описи имела первым своим источником список местнических дел. Частная рукописная традиция XVII в. содержит как списки «счетных дел, вынесено в пожар 7134-го году»²⁵, так и полные списки описи²⁶. Вполне возможно, что подобный текст вошел в частные сборники благодаря тому, что список местнических дел составлялся отдельно от описи; его источник — не опись 1626 г., а ее последующая часть. Вместе с тем, утверждение об отдельном составлении текста двух тетрадей со списком местнических дел не свидетельствует о том, что он появился в другое время, нежели остальной текст описи.

Текст описи в своей основной части был составлен непосредственно после пожара, т.е. в мае-августе 7134 (1626) г. Записи содержат неоднократные упоминания о 7134 г. как о «нынешнем» (л. 16об., 17, 33об., 34, 34об., 35об., 37, 80, 80об., 81, 81об., 91об., 93об.) и 7133 г. — как о «прошлом» (л. 37). С другой стороны, текст не содержит перечня документов, обнаруженных в 7135 г. Например, здесь не упоминается десятня Можайского разбора, верстанья и денежной раздачи окольного А.В.Измайлова и дьяков А.Иванова и

В.Юдина 7116 г., которая была «сыскана после московского пожара во 135-м году»²⁷.

Есть основания думать, что не только текст, но и сама рукопись была составлена в мае-августе 7134 (1626) г., или, по крайней мере, в начале 7135 г. На это обстоятельство указывает датировка филиграней рукописи и факт совпадения бумажных знаков в книге «столов» Разрядного приказа.

История составления текста и рукописи представляется следующим образом. Сразу после пожара документы, которые удалось спасти, были переписаны. Мне не кажется невероятным то, что черная роспись не содержала систематизированный список спасенных дел: ее главная функция состояла в том, чтобы провести первичный учет документов²⁸. Как знать, быть может это происходило непосредственно в дни пожара. Еще во второй половине XVII в. сохранялась «роспись черная 134-го году, что в Московской бол(ь)шой пожар мая в 3 д(е)н(ь) вынесено из Розряду дел, снизу отодрано по Суздальские десятни»²⁹. Вскоре после этого, но не ранее 10 мая³⁰, записи черной росписи подверглись обработке и были внесены в книгу. Цель обработки известий состояла в систематизации данных о спасенных материалах путем их группировки по видовому и другим признакам в строгом хронологическом порядке. Вот почему рукопись содержит большое количество пустых листов. Следующая по времени опись архива Разрядного приказа зафиксировала оба документа: «список переписной» и «с росписи список в книге»³¹. При составлении текста книги была использована «опись счетных дел»; основной источник — черновая роспись дел, спасенных во время пожара, выполненная, возможно, на столбце. Важно отметить, что опись не содержит перечень всех дел, сохранившихся после событий 3 мая 1626 г.³² Можно полагать, что опись 1626 г. зафиксировала лишь те документы, которые были обнаружены к определенному сроку, в момент ее составления.

Следующая по времени опись архива Разрядного приказа, составленная в середине XVII в., сохранилась среди бумаг Г.Ф.Миллера. М.А.Оболенский предполагал издать опись в сборнике «Архив разнородных и преимущественно истори-

ческих сведений». Однако по непонятным причинам сборник не появился в свет, хотя корректурные листы были отпечатаны. Часть этих листов сборника, включая текст описи, была переплетена и сохранилась, по всей видимости, благодаря Н.П.Лихачеву³³. Им же в 1894 г. было осуществлено издание описи³⁴. Опись до сих пор не исследована³⁵.

Опись 1649-1652 гг. (РГАДА. Ф. 199. Портфель № 52. Ч. 2) представляет собой рукопись XVII в. (сер.), в 4°, на 77 листах (49 + 26 нумерованных + 2 литературных). Тетрадная пагинация не сохранилась. Переплет XVII в. — кожа в сумку. Рукопись выполнена одним почерком: хорошей скорописью первой половины XVII в. В рукописи есть также приписки скорописью, сделанные другим почерком.

На листах рукописи прослеживаются 7 филиграней: 1) «Крест Лотарингский». Сходный знак — № 374 (1649-1650) у Гераклитова³⁶. 2) «Агнец Пасхальный» двух разновидностей: а) близкий ВЗ-№ 2 (1646) у Диановой и Костюхиной³⁷; б) с литературным сопровождением «WR» (лигатура). Сходный знак не найден. 3) «Голова шута» с 5 манжетами воротника и 4-бубенцами. Сходный знак не обнаружен. 4) «Голова шута» с 5 манжетами воротника и бубенцами и контрамаркой «АС». Сходный ВЗ — № 299 (1646-1654) в альбоме Диановой и Костюхиной. 5) «Голова шута» с 5 манжетами воротника и 4 бубенцами. Сходный знак — № 336 (1659) у Диановой и Костюхиной. 6) Сложный литературный шифр в прямом гербовом щите под короной. Сходный ВЗ — № 1447 (1649-1650) у Гераклитова. 7) Герб в фигурном щите (четыре поля) с литературным сопровождением «WR» (лигатура) и контрамаркой «ЛС». Тип филиграни см.: № 216-218 (1633-1643) у Диановой и Костюхиной.

Рукопись поступила в РГАДА в составе собрания бумаг Г.Ф.Миллера. Среди документов последнего опись по реестру 1784 г. значилась за № 43 как «Известия о бывшем 1626 г. в Москве великом пожаре и о оставшихся после оногo делах»³⁸.

Рукопись состоит из 11 тетрадей. Кодицилогические данные и изучение филиграней дают возможность сделать вывод о том, что рукопись нужно датировать серединой XVII в.,

вставные листы отсутствуют, оснований для утверждения об изъятии листов нет. Последнее также подтверждается анализом последовательности записей текста рукописи. Таким образом, следует считать полноту известий рукописи исчерпывающей, т.е. рукопись содержит только те записи, что были внесены в нее автором текста.

Появление рукописи непосредственным образом связано с созданием ее текста. Текст описи был составлен между сентябрем 1649 и 1652 гг. Целый ряд записей доведен до 7157 г. (л. 31, 31об., 45об.), последняя из них по дате — 8 февраля 7157 г. (л. 36); на л. 45 упоминается «прошлый» 7157 г. Вместе с тем, в описи содержится упоминание о 7158 г. — перечневая разрядная книга «с 154-го по 158-й год» (л. 4). Речь идет о разрядной книге царя Алексея Михайловича, текст которой пополнялся текущими известиями. Периодичность внесения в нее записей нам не известна; нельзя сказать, пополнялась ли данная разрядная книга по истечении года. Помимо этого, в описи упоминается подьячий Разрядного приказа Богдан Литвинов (л. 49). В апреле 1649 г. он был подьячим Казенного приказа, а уже в ноябре 1650 (7159) г. — фигурирует как подьячий Разрядного приказа³⁹. Точная дата назначения не известна. Поэтому следует принять нижней хронологической границей 1649 г. Верхняя граница — 1652 г. — обусловлена упоминанием в записях 7160 г. (л. 43). Это единственное подобное упоминание, но выполнено оно тем же почерком, что и весь текст рукописи.

Изучение текста и рукописи дает возможность говорить о том, что опись зафиксировала далеко не все документы, реально находившиеся в архиве Разрядного приказа. Из описи 1649-1652 гг. даже исключены многие дела, перечисленные в описи 1626 г. Например, отсутствует список десятен, практически нет перечня столбцов и т.д. Нет списка новых видов документов. Почти все новации в записях дополняют существующий в описи 1626 г. перечень материалов за истекшее время. Еще более разительный контраст в записях за 1626-1649 гг. возникает после знакомства с описью 1668 г. Таким образом, нельзя говорить, что текст представляет собой итог общего описания дел Разрядного приказа.

Вполне закономерен вопрос о том, что представляет собой опись 1649-1652 гг., а, значит, каковы цели ее составления. Стоит обратить внимание на то, что в структуру текста включено обозначение места нахождения документов. Родословные и разрядные книги располагались в новом дубовом ящике; разрядные книги «Подлинники» — в дубовом белом кованом сундучке; в дубовом сундучке «с передельцы» лежали преимущественно местнические дела. Отдельно в трех связках находились, во-первых, боярские и посольские списки; во-вторых, полковые росписи; в-третьих, прочие списки. Наконец, отдельно располагалось несколько книг и столбцов. Составитель особо отмечает, что «книги старые» (л. 40), росписи полковые «старые» (л. 36об.), списки боярские «старые» (л. 32). Действительно, в целом, документов, появившихся после 1626 г., очень мало. Большинство их помещено либо в составе списка местнических дел, либо в конце описи. Многие из них являются дополнением к старым документам или их продолжением.

Мне кажется, все перечисленные признаки указывают на то, что перед нами опись документов, представляющих собой документацию определенного должностного лица и хранящуюся в ящике, двух сундучках, нескольких отдельных связках (см. Приложение). Составление подобных описей — обычная практика приказной работы в XVII в.⁴⁰ Принимая во внимание изложенные выше рассуждения, становится понятной краткость описи и ее особенности. Так, дела, продолжавшиеся после пожара 1626 г. и зафиксированные в описи 1649-1652 гг., составляли сферу деятельности должностного лица; ведение данных документов входило в его должностные обязанности. Речь идет о составлении разрядных книг, росписей свадебных чинов, записей о некоторых придворных назначениях; ведение книги полковых «украинных» воевод и местнической документации в полном объеме. В обязанности какого же должностного лица Разрядного приказа входило ведение указанных дел? Ясно, что им не был первый (по окладу) подьячий Московского стола, т.к. обычно он отвечал за составление боярского списка и вел дела нескольких городов⁴¹. Судя по относительно небольшому

объему и, вместе с тем, важности дел, решаюсь предположить, что речь должна идти о дьяке. На л. 23об. в тексте описи есть интересная запись о перечне местнических дел, которые были в 7127 г. «взяты» у думного дьяка Разрядного приказа Сыдавного Васильева. Дело в том, что именно в 7127 г. Сыдавной Васильев сдал дела и был переведен на службу в приказ Казанского дворца⁴². Это обстоятельство дает основания видеть в указанном перечне список дел, сдаваемых С.Васильевым своему преемнику. Важно здесь то, что местнические дела, вероятно, находились в непосредственном ведении С.Васильева. Значит, предположение об описи 1649-1652 гг. как о перечне дел дьяка Разрядного приказа нельзя назвать невероятным, во всяком случае для первой половины XVII в.⁴³ Разумеется нельзя считать, что С.Васильев или другой дьяк Разрядного приказа вел записи лично; речь идет лишь о непосредственном руководстве ведением данной документации. К сожалению, в распоряжении исследователей слишком мало данных для того, чтобы сделать предположение о личности дьяка, дела которого фиксирует опись. Применительно к предложенной мной датировке текста можно в равной мере говорить как о С.И.Заборовском, так и о И.А.Гавреневе. Конечно, это всего лишь гипотеза, так или иначе объясняющая особенности описи 1649—1652 гг.

Итак, объем полномочий, о которых шла речь выше, обусловил использование текста описи 1626 г. в качестве основы, опустив перечень документов, ведущихся или хранящихся у других подьячих, и дополнив его новыми материалами. То, что данная опись в дальнейшем использовалась с указанными целями, свидетельствуют три типа помет: «крестики» на полях (внутренних и внешних) против описательных статей. Иначе говоря, уже после составления описи два или три раза проводилась сверка имеющихся материалов с ее текстом. В одном случае не оказалась на месте «книга посольская с 132-го году», и на полях появилась помета «нет», впоследствии зачеркнутая. Вместе с тем, ряд сведений о перемещении документов в ведение других подьячих находится непосредственно в основном тексте. На последнем

листе описи помещена запись о передаче 78 различных списков подьячему Богдану Литвинову с указанием «устроить» документы «в сундуке особо». Судя по тексту, речь идет о списке документов на л. 45-49. В рукописи данный список отделен от основного двумя пустыми листами. Можно думать, что передача этих дел состоялась незадолго до составления описи.

Итак, по всей видимости, следует отказаться от точки зрения о том, что в середине XVII в. проводились работы по описанию всех дел Разрядного приказа, а опись 1649-1652 гг. является их результатом.

-
- ¹ Опись Царского архива XVI в. /Подгот. С.О.Шмидт // Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. /Под ред. М.Н.Тихомирова и С.О.Шмидта. М., 1960. С. 15-44; Опись государственного архива конца XVI в. / Подгот. И.А.Балакаева. Предисл. С.О.Шмидт // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 346-348; Государственный архив России XVI столетия /Подгот., коммент. А.А.Зимин. Под ред. Л.В.Черепнина. М., 1978. Ч. 1-3.
 - ² Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. (Опыт изучения описи Царского архива) // Труды МГИАИ. 1957. Т. 8. С. 260-278; *он же*. К истории Царского архива середины XVI в. // Там же. 1958. Т. 11. С. 364-407; *он же*. К истории составления описей Царского архива XVI в. // АЕ за 1958 г. М., 1960; *он же*. Российское государство в середине XVI в. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
 - ³ Левина С.А. Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 г. // Труды МГИАИ. 1961. Т. 16. С. 421-426; Гальцов В.И. Архив Посольского приказа XVII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1976; там же. О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа XVII в. // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 127-128; *он же*. Архив Посольского приказа во 2-й половине XVII в. // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 134-147; *он же*. Архив Посольского приказа в 1673 г. // Опись архива Посольского приказа 1673 г. М., 1990. Ч. 1. С. 5-24; *он же*. Архивные описи в приказном делопроизводстве XVII в. // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. С. 5-15; *он же*. Архивные описи XVI-XVII вв. как исторический источник // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. докл. и сообщ. V Всесоюзной конф. Киев, 1990. С. 157-158; Рогожин Н.М. Посольские книги начала XVII в. и

- архив Посольского приказа // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. М., 1981. С. 99-114.
- 4 Описание Посольского приказа 1614 г. / Подгот. С.А.Левина // Описи Царского архива XVI в. С. 45-138; Описание архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. В.И.Гальцов. Под ред. С.О.Шмидта. М., 1977. Ч. 1-2; Описание архива Посольского приказа 1673 г. / Подгот. В.И.Гальцов. Под ред. С.О.Шмидта. М., 1990. Ч. 1-2; Описание Посольских дел, переданных в 1708 г. из Казанского приказа в Посольский / Подгот. В.И.Гальцов // АЕ за 1974 г. С. 349-356.
 - 5 Древнейшая российская вивлиофика. Изд. 2-е. М., 1791, Ч. XVI. С. 410-414.
 - 6 Русский исторический сборник. Т. 2. М., 1838. Приложение. С. XVI-XXIV.
 - 7 *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. Приложение IV. С. 30-72.
 - 8 Филигрань «Кувшин» XVII в. / Сост. Т.В.Дианова. М., 1989.
 - 9 Там же. По типу знак описи тот же, что и № 457-464. Однако изображение четырех шаров на крышке кувшина имеют лишь знаки № 457, 460-462. Но, в отличии от № 460-462, знак описи и ВЗ № 457 имеют более простой рисунок.
 - 10 *Heawood E.* Watermarks, mainly of the XVII-th and XVIII-th centuries (=Monumenta chartae papiraceae historiam illustrantia / Ed. E.J.Labarre. Vol. 1). Hilversum, 1950. Pl. 512. См. также сходные знаки: № 3845 (1613) и 3812 (1608, 1609) (здесь литературное сопровождение обратное: «ДМ») у Хивуда.
 - 11 *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранные XVII в. по рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988.
 - 12 По Ю.Н.Мельникову, «петушок на шпиле» (*Мельников Ю.Н.* О структуре и источнике описи документов Разрядного приказа 1626 г. // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 90. Прим. 4).
 - 13 The Nostitz Papers. Notes on Watermarks Found in the German Imperial Archives of the XVII-th and XVIII-th Centuries. Hilversum, 1956. Pl. 66.
 - 14 *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... Приложение IV. С. 30.
 - 15 Датировка описи автора.
 - 16 *Лихачев Н.П.* Библиотека и архив Московских государей в XVI в. СПб., 1894. Приложение IV. С. 53.
 - 17 *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* История Разрядного архива (1711-1812) // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. С. 2. Прим. 7.
 - 18 *Мельников Ю.Н.* О структуре и источнике описи... С. 88.
 - 19 См., напр., разрядные книги «подлинники» (упоминаемые в описи 1626 г.): Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 182, 394, 529, 718, 758, 868, 920, 1331; Т. 2. СПб., 1855. Стлб. 63, 168, 266, 334, 662, 795, 889.

- ²⁰ Мельников Ю.Н. О структуре и источнике описи... С. 89; *он же*. Местничество и политическая борьба в России в 80-х гг. XVI в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1979. С. 7.
- ²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 221. Л.215.
- ²² Там же. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 52. Ч. 2. Л. 41об.
- ²³ Там же. Л. 23об., 41об. В одном случае, указана, видимо черная роспись, а во втором – белой экзemplяр, приложенный к указанной выше «тетрати переписной».
- ²⁴ Интересно, что, судя по альбому Диановой и Костюхиной, сорт этой бумаги бытовал в русских рукописях и в более раннее время (1615 г.)
- ²⁵ РГБ. Ф. 178. № 9224 (М. 9224). Л. 98об.-101. (Сборник второй половины XVIII в., содержащий местнические материалы. Подборка характерна для разрядно-родословных сборников второй половины XVII в.).
- ²⁶ РГАДА. Ф. 181. Д. 98. Л. 698-704об. (Разрядно-родословный сборник 2-й четверти XVII в.). Тем же почерком здесь написан текст, с датой 7137 г. (л. 687об.).
- ²⁷ РГАДА. Ф. 210. Опись 20. Д. 222. Л. 58.
- ²⁸ Известно, что черновая опись архива Посольского приказа 1626 г. выполнена на столбце и содержит большое количество помет (*Гальцов В.И.* О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа... С. 127-128; *он же*. Малоизвестный источник по истории архивного дела... С. 49-57).
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Опись 20. Д. 221. Л. 215об.
- ³⁰ См. л. 83 текста описи.
- ³¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 52. Ч. 2. Л. 23.
- ³² Н.П.Лихачев сопоставил текст описей 1626 и 1652 гг. (*Лихачев Н.П.* Библиотека и архив... Приложение IV. С. 53-81). См. также: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... С. 288-289; *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI-XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 22-23.
- ³³ Опись делам, вынесенным из Розряда во время Московского пожара, 1626 г., мая в 3 день, и найденным после пожара там же и на казенном дворе //Сборник князя Оболенского. № 13. Б.м., б.г. Связка II. С. 21-36. В данном случае использован экземпляр Отдела рукописей РНБ. По моему мнению, Н.П.Лихачеву принадлежит инициатива переплета листов и заглавие книги «Сборник князя Оболенского № 13», а сам «Сборник» ОР РНБ находился в библиотеке Н.П.Лихачева.
- ³⁴ Опись дел, вынесенных из Розряда во время пожара 3 мая 1626 г. (*Лихачев Н.П.* Библиотека и архив... Приложение IV. С. 53-81). Погрешностей публикации сравнительно мало. Отмечу наиболее важные: «Роман Вельяминов» вместо «Ратман Вельяминов» (с. 62, л. 14об.); в издании «к боярину Никите» (с. 76), следует «к боярину и воеводе ко князю Никите» (л. 38об.); пропущено слово «царя» в титуле (С. 77, Л. 41).

- 35 В 1978 г. (26 сентября) во ВНИИДАД состоялся доклад М.П.Лукичева и А.А.Шмелькова «Архивная опись Московского стола Разрядного приказа середины XVII в.». Текст доклада не опубликован.
- 36 *Герасимов А.А.* Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
- 37 *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранные XVII в. ...
- 38 *Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф.Миллера //Сборник МГАМИД. М., 1899. Вып. 6. С. 420, (Отд. отт.: М., 1899. С. 20).
- 39 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 294.
- 40 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России //Архивные курсы. Лекции. Читанные в 1918 г. Пг., 1920. [Вып.] 2. С. 82-94.
- 41 См. напр.: *Веселовский С.Б.* Дьяки, и подьячие... С. 468; РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 31. Л. 1.
- 42 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 86.
- 43 В 70-х гг. XVII в. ведением разрядных книг, записей о «столах» и др. занимались непосредственно подьячие.

БЕРЕГОВАЯ СЛУЖБА ПО ЗАПИСНЫМ РАЗРЯДНЫМ КНИГАМ XVII ВЕКА

Даже в годы, когда русское государство не вело больших войн, на Разрядном приказе, как главном военном ведомстве, лежали тяжелые и многообразные обязанности по поддержанию в боевой готовности всех военных сил России и их активному применению на беспокойных южных рубежах — «береговая служба». Описывая ежегодную весеннюю мобилизацию военных сил для охраны южных границ в XVI в., В.О.Ключевский рисует яркую картину организующей деятельности Разряда: «Ранней весной в Разрядном приказе закипала оживленная работа. Дьяки с подьячими рассылали повестки в центральные и украинные уезды с приказом собрать ратных людей, городских дворян и детей боярских, назначая им сборные пункты и сборный срок, обыкновенно 25 марта — день Благовещения. Посланные, собрав ратников по списку всех сполна, ехали с ними на государеву службу; укрывавшихся, сыскивая, били кнутом. ...Пересмотрев их на сборных пунктах, присланные из Москвы воеводы в случае тревожных вестей из степи соединяли ратников в пять корпусов, полков; большой полк становился у Серпухова, правая рука — у Калуги, левая — у Каширы, передовой полк — у Коломны, сторожевой — у Алексина. Кроме того, выдвигался вперед шестой полк, летучий ертоул, для разведочных разъездов. При дальнейших тревожных вестях эти полки в известном порядке трогались с Оки и вытягивались к степной границе. Таким образом, ежегодно поднималось на ноги до 65 тысяч рати. Если не приходило из степи тревожных вестей, полки стояли на своих местах иногда до глубокой осени, пока распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов»¹. Эта картина верна и для XVII в., что подтверждается записными разрядными книгами.

Записные книги «всяких дел» велись как в Разряде, так и в других приказах. В них в хронологическом порядке заносились все дела по приказу или по его отдельным столам за год. Наиболее полными и разнообразными по заключающемуся в них материалу являются записные книги центрального, Московского, стола Разряда. За XVII в. сохранилось 27 таких книг².

Распоряжения правительства, проводимые через Разряд, об охране южных окраин государства записные книги отмечают с 20-х по конец 90-х гг. XVII в. Поскольку целью статьи является описание не только и не столько береговой службы (об этом уже немало написано), сколько деятельности Разряда по ее организации и, соответственно, отражения этой деятельности в документации приказа, статья носит в некотором отношении публикаторский характер. Без включения в статью цитат, подчас весьма протяженных, из записных книг практически невозможно передать характер записей, их динамику на протяжении века³.

Поскольку год начинался с сентября, первыми в записных книгах были записи о роспуске воевод и служилых людей украинного разряда. Сначала отпускали больших воевод с основной частью служилых людей, оставляя на осень часть войска с меньшими воеводами. Отпуск больших воевод и назначение меньших соединялись обычно в одном указе: «135-го сентября в 21 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал из украиново розряду из полков больших воевод отпустить к Москве, а дворян и детей боярских замосковных и украинских городов ропустить по домом. А на осень в полкех указал государь быть меньшим воеводам, а с ними дворяном и детем боярским и всяким служилым людем по новой росписи. А государевы грамоты об отпуске посланы сентября в 25 день». Далее следуют росписи воевод и служилых людей украинских городов большого полка и росписи служилых людей по другим полкам⁴. Затем аналогично расписаны по полкам воеводы и служилые люди, которым указано быть на осень «до снегов»⁵. В конце росписей отмечено, когда, с кем и куда разосланы грамоты о пограничной службе: «А государевы ца-

ревы и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоты о том посланы к воеводам сентября в 25 день: на Тулу ко князю Юрью Буйносову да к Борису Пушкину с галичанином с Игнатьем Нелидовым; на Деделов ко князю Юрью Звенигородцкому да к Дмитрею Воейкову со князем Ондреевым человеком с Осташком Татариновым»⁶ и т.д.

В ноябре, изредка в самом конце сентября, Разряд объявлял царский указ о роспуске меньших воевод со служилыми людьми. Эти записи обычно короче записей о роспуске больших воевод. За одним исключением⁷, в них нет росписей служилых людей: «Ноября в 18 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал из украиново розряду менших воевод, которые оставлены были на осень, отпустить к Москве, а дворян и детей боярских, которые с ними были, распустить по домом. С Тулы отпустить Бориса Григорьева сына Пушкина. С Деделова Дмитрея Баимова сына Воейкова. С Крапивны Ермила Иванова сына Мясоедова. Изо Мценска Левонтья Огафонова сына Изволсково. С Резани из Переславля Резансково Василья Петрова сына Чевкина. С Михайлова Федора Иванова сына Грекова. Из Пронска Михайла Борисова сына Протасьева. И государевы грамоты о том посланы к Борису Пушкину, к Дмитрею Воейкову, к Ермиле Мясоедову, к Левонтью Изволскому, к Василью Чевкину, к Федору Грекову, к Михайлу Протасьеву»⁸.

В марте — апреле следовал указ о сборе ратных людей на украине. За исключением ЗРК 3 и 4, в этих записях нет росписей служилых людей по полкам: «135 марта в 7 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал быти на своей государеве службе в украинном розряде воеводам по полком. А срок указал государь им стати по местом апреля в 1 день. И того ж дни марта в 7 день воеводам государева служба сказана: В большой полк на Тулу столник и воеводы князь Федор княж Семенов сын Куракин да князь Иван княж Федоров сын Шеховской» и т.д. по полкам передовому (Деделов), сторожевому (Крапивна), прибылому (Мценск), по городам Переславлю Рязанскому, Михайлову и Пронску. «А дворяном и детем боярским украинских и за-

московных городов и иноземцом указал государь с воеводами быти по росписи. А срок указал государь воеводам и дворяном и детям боярским украинских городов стати по местом апреля в 1 день, а замосковных городов Егорьев день апреля в 23 день нынешняго 135 году. А государева служба дворяном и детям боярским сказана марта в 10 день». Далее следует обязательная запись о работе Разряда по рассылке грамот в города по этому указу: «А государевы грамоты в города к воеводам и к дворяном и к детям боярским о службе посланы: на Коломну к воеводе и к дворяном и к детям боярским, в Переславль к воеводе ж и к дворяном и к детям боярским, на Михайлов, в Пронеск, в Шатцкой к воеводам и к дворяном и к детям боярским Холопья приказу с неделщиком с Кузмою Кисловским марта в 12 день» и т.д.⁹

Судя по сохранившимся подлинникам, указы переписывались в записные книги почти дословно, хотя и с небольшими пропусками (см. табл.).

Столбец	ЗРК 4
<p>147 марта в [...] день государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси указал на своей государеве службе в украинном розряде бояром и воеводам по местом:</p> <p>На Туле бояре и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да Борис Михайлович Салтыков да околничей князь Ондрей Федорович Литвинов-Мосалской</p> <p>На Туле ж з бояры и воеводы со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским с товарищи для полковых дел диак Федор Степанов.</p>	<p>147 марта в [...] день государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси указал на своей государеве службе в украинном розряде бояром и воеводам по местом:</p> <p>На Туле бояре и воеводы князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасской да Борис Михайлович Салтыков да околничей князь Ондрей Федорович Литвинов-Мосалской. И околничей князь Ондрей заболел, ныне на службе не был.</p> <p>На Туле ж з бояры и воеводы со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским с товарищи для полковых дел диак Федор Степанов.</p>

А в государевых грамотах писати на Тулу к бояром и воеводам ко князю Дмитрею Мамстрюковичю с товарищи так же, как и к государю в отписках с Тулы, бояром и воеводам князю Дмитрею Мамстрюковичю писатись с товарищи.

В Переславле Резанском боярин и воеводы князь Петр Олександрович Репнин да Василей Микитин сын Пушкин.

На Веневе стольник и воеводы князь Василей княж Григорьев сын Ромодановской да Микита Костянтинов сын Наумов.

На Кропивне околничей и воеводы Михайло Михайлович Салтыков да Петр Алексеев сын Загряской.

В Одоеве стольник и воевод... князь Федор княж Андреев сын Телятевской да Иван Микифоров сын Траханиотов.

Во Мценску воеводы Василей Петров сын Шереметев да стольник Степан Федоров сын Стрешнев¹⁰.

В Переславле Резанском боярин и воеводы князь Петр Олександрович Репнин да Василей Микитин сын Пушкин.

На Веневе стольник и воеводы князь Василей княж Григорьев сын Ромодановской да Микита Костянтинов сын Наумов.

На Кропивне околничей и воеводы Михайло Михайлович Салтыков да Петр Алексеев сын Загряской.

В Одоеве стольник и воеводы князь Федор княж Андреев сын Телятевской да Иван Микифоров сын Траханиотов.

Во Мценску воеводы Василей Петров сын Шереметев да Степан Федоров сын Стрешнев¹¹.

Работа Разрядного приказа по организации пограничной службы велась не только весной — в зимние месяцы готовились списки служилых людей для летней службы. В конце января царь указывал «дворян и детей боярских замосковных городов росписать пополам и быти на своей государеве службе без вестей пополам. А как будут вести про болших воинских людей, и замосковных городов дворяном и детем

боярским указал государь быти на своей государеве службе обеих половин. А запасы свои и конские замосковных городов дворяном и детем боярским указал государь везти в города, где которым городом на службе быти обеим половинам ныне, по зимнему пути. А срок замосковных городов указал государь стати по полком первым половинам на Николин день вешней нынешняго 145 году мая в 9 день»¹².

Летом, в июне, Разряд рассылал грамоты о перемене несущих порубежную службу ратников. Полковым воеводам предписывалось «ратных людей дворян и детей боярских и казаков украинских городов первых половин, которые были на государеве службе с весны, апреля с 1 числа июля по 1 число, пересмотря, отпустить по домом, будет про приход воинских людей вестей нет, а в полках велено быти июля с 1 числа дворяном и детем боярским и казаком украинских же городов других половин до осени и до отпуску»¹³.

С течением времени форма и содержание этих записей менялись. Роспись служилых людей по полкам с указанием их численности по каждой категории заносилась в записные разрядные книги до начала 40-х годов XVII в., причем не во всех случаях¹⁴. Обычно не указывалось количество служилых людей в записях о роспуске меньших воевод, о переменах летних половин. В последующие годы в записях о порубежной службе еще встречаются росписи служилых людей по полкам, но уже без указания их численности¹⁵.

Росписи воевод по городам (полкам) для несения береговой службы записывались в книги до начала 60-х годов. Это объясняется тем, что сведения о назначениях воевод на южную порубежную службу стали заноситься в записные книги не в форме царских указов, где и приводилась роспись воевод, а чаще всего в форме грамот полковым воеводам об их назначении на службу, о роспуске служилых людей и т.д. Так, 15 сентября 1659 г. «великого государя грамота к боярину и воеводе князю Юрию Алексеевичу Долгорукову послана с ево боярским человеком с Ермилкою Строевым такова». Далее дословно приводится грамота, в которой воеводе предписывается служилых людей, пришедших вместе с боярином и воеводой и двумя неделями позже, а также слу-

жилых людей полковников Агея Шепелева и Якова Кулюбакина отпустить по домам до указа. На Туле оставить холостых людей из полков Шепелева и Кулюбакина до Покрова; если не будет вестей, отпустить и их. «Писан на Москве лета 7168-го сентября в 15 день. А послана та государева грамота по помете околничего Ивана Офонасьевича Гавренева»¹⁶ (главы Разрядного приказа).

Со второй половины 40-х годов понятие «украина» расширяется, включая в себя города Белгородского полка, которые стали новым южным рубежом. В ЗРК 6 появляется запись о роспуске воевод и служилых людей из Белгорода и других городов и назначении следующей очереди воевод и служилых людей на осень в эти города: «Из Белагорода отпустить стольников и стряпчих и дворян московских и жильцов и иноземцев, которые служат с московскими дворяны, сентября с 17 числа. Дворян и детей боярских украинских городов тулян, коширян, козличь, торушан, серпуховичь, ружан, казаков, оболенских помещиков первых половин велено отпустить, как земляной [вал] отделают; других половин дворян же и детей боярских и казаков, и тульских драгунскаго строю черкас, и днепровских и смоленских казаков, и салдат, и с начальными людьми октября с 10 числа». Далее речь идет об отпуске из Белгорода служилых людей замосковных городов и о роспуске ратных людей из Карпова и Оскола, о назначении «на осень сентября с 25 числа до Рождества Христова» воевод и служилых людей в Белгород и Оскол¹⁷.

Весной того же года воеводы собирают ратных людей в городах Белгородского полка: «Апреля в 12 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси указал быти на своей государеве службе по местом на украине: на Ливнах воеводам князю Григорью княж Семенову сыну Куракину да Ондрею Васильеву сыну Бутурлину; в Курску стольнику князю Ивану княж Федорову сыну Лыкову; на Елце стольнику князю Григорью княж Данилову сыну Долгуроково»¹⁸.

В то же время старые пункты сбора ратных людей не сразу утратили свое значение. В той же книге помещены записи

о роспуске воевод с Тулы и других городов (Рязань, Крапивна, Мценск)¹⁹ и о назначении воевод в эти города на осень²⁰.

Весной (в мае) этого года по вестям воеводы старых украинских городов шли в сход к воеводам новых украинских городов, выдвигая войска на более южные рубежи: «А в сходе указал государь им быти: с Тулы князю Федору Хворостину на Ливнах с воеводою со князем Григорьем Куракиным, из Одоева князю Михаилу Масальскому в Курску со князем Иваном Лыковым, с Резани князю Григорью Козловскому на Елше с столником со князем Григорьем Долгорукиным»²¹.

В течение еще почти 20 лет в записных разрядных книгах соседствовали записи о сборе и роспуске ратных людей как в Туле, так и в Белгороде²², но Белгород постепенно становится главным сборным пунктом. В мае 1651 г. царь «указал с весны и во все лето быть на своей государеве службе в Белгороде с князем Борисом Александровичем Репниным с товарищи дворяном и детем боярским украинских городов по четвертям тульского полку туляном, коширяном» и т.д. Далее следуют такие же росписи служилых людей «резанского», «кропивенского», «дедиловского» и «мценского» полков²³.

Со второй половины 60-х и до 90-х годов XVII в. главными городами южных рубежей окончательно становятся Белгород и Севск²⁴.

Следует отметить, что большая часть записных разрядных книг не содержит записей обо всех перемещениях воевод и ратных людей на южной границе, которые происходили в течение года. Полностью все этапы порубежной службы отражены только в ЗРК 1, 3 и 5²⁵.

Как уже отмечалось, в записные разрядные книги заносились царские указы о роспуске воевод и служилых людей с Украины после летней порубежной службы. Грамоты по этим указам, которые посылались из Разряда полковым воеводам, в книги, за редким исключением, не записывались. Если же это делалось, то содержание их передавалось в самой краткой форме, зато полностью приводилась роспись гонцов, посланных Разрядом с грамотами: «Сентября в 13 день по-

сланы государевы грамоты по полком об отпуске дворян и детей боярских замосковных городов: на Тулу послана с смольянином с Безсоном Евфимьевым; на Дедилов с белянином с Дмитрием Пушциным» и т.д.»²⁶.

Указы же, грамоты и другие документы, выходявшие из Разряда, которые следовали за объявлением весеннего сбора ратных людей, в записные книги вносились.

До второй половины 30-х годов таких записей немного, часто они весьма лаконичны. Главным образом они касаются сыска и высылки нетчиков: «Июня в 1 день о нетчикех о алатарцех и о алатарских помещиках, о каза[ках] и о темниковских татарех, которые по смотру из Переславля Резанского воевод присланы в нетех, послана память в Казанской дворец с Григорьем Полуехтовым, велено нетчиков выслать в службу в Переславль, учиня наказанье»²⁷.

Со второй половины 30-х годов таких записей становится больше, по-прежнему они передают документы в кратком пересказе, с обязательной отметкой о гонце, с которым послана грамота, а также о том, как эта грамота в случае необходимости должна пересылаться из города в город: «Марта в 23 день государевы грамоты о службе дворян и детей боярских розных городов, велено им сказать и выслать на службу к сроку, в Колугу, в Мещоск, в Лихвин, в Козелеск. Посланы с орлянином с Казарином Булгаковым, велено ему отдать те грамоты в Колуге. Да с ним же посланы в Белев, во Мценск, на Чернь, в Новасиль, в Болхов, в Карачев, карачевскую велено из Болхова сослать тотчас»²⁸.

Кроме грамот в города к воеводам, Разряд посылал памяти в другие приказы с требованием дать сведения о ведомых в этих приказах служилых людях или выслать этих служилых людей в полки: «Апреля в 3 день о иноземцах память (в Иноземский приказ — *О.Н.*): росписать на деле и для службы списки прислать в Розряд. Послана с Бориском Обравовым до обеда»²⁹. В мае того же года была послана грамота в Казанский приказ с требованием выслать цененских татар в Тамбов вместо Пронска³⁰. В записях о посылке памятей также, как и в записях об отсылке царских указов, скрупулезно отмечался посыльный, а иногда и время отправки, что

придает записным разрядным книгам значение журнала регистрации исходящих из приказа документов.

С этого же времени в книги заносят также записи о грамотах полковым воеводам с различными распоряжениями о приеме, регистрации и т.п. прибывающих на Украину служилых людей. Воеводам предписывалось «пересмотреть служилых всяких людей и смотру своего ести и неты прислать к Москве»³¹.

В конце зимы и ранней весной из Разряда давались распоряжения об обновлении и пополнении запасов в южных порубежных городах, например, «на Оскол, на Чернь, в Новасиль о хлебных запасах, о сухарех и о крупах и о толокне, что велено с Новасили и с Черни те хлебные запасы отвезти на Оскол ныне по зимнему пути», «в Куреск о хлебных запасах, что велено отвезти на Опочь: четыреста чети сухарей, сто чети круп и толокна»³².

С конца 30-х годов записей, касающихся южной порубежной службы, становится все больше и, кроме того, много документов приводится не в кратком, а в полном пересказе, почти дословно. Устанавливается и строго определенная система записей о рассылке грамот по городам. Поскольку все города, ведомые в Разряде, объединялись в группы, то подьячий, делая запись в записной книге о посылке грамот в города какого-либо разряда, дословно приводил как бы образцовую грамоту в главный город этой группы и, как обычно, отмечал, с кем посланы грамоты в другие города. Для замосковных городов «образцовая» грамота была всегда адресована владимирскому воеводе: «147 в феврале посланы государевы грамоты о службе в замосковные и в украинные города к воеводам. От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в Володимер стольнику нашему и воеводе Дмитрею Григорьевичю Сабурову. Указали есмя дворяном и детем боярским володимерцом и розных городов володимерским помещиком и новиком и недорослем, которые в службу успели, и иноземцом нынешняго лета быти на нашей службе на Туле половине, тем, которые в прошлом во 145 году на нашей службе на Туле не были, а срок указали есмя им стать на нашей службе на Туле мая в 1 число ны-

нешняго 147 году. А которые в прошлом во 146 году были на Туле, и тем указали есмь быти на нашей службе по вестем» и т.д.³³ Затем следует аналогичного содержания грамота в Козельск³⁴ и запись о том, что «февраля в 10 день те грамоты государевы о службе посланы в Колугу, в Лихвин, в Белев, в Болхов, в Корачев с рыльским з беломесным казаком с Васкою с Шестаковым» и т.д.³⁵

Памяти из Разряда в другие приказы также стали приводиться в развернутой форме: «Лета 7147 февраля в 7 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу боярину князю Ивану Борисовичю Черкасскому да дьяку Василью Ртищеву. Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси указал гречан, серблян, и волошан, и литве, и немцом, и всяким иноземцом, поместным и кормовым, старого и нового выезду половине, которые в прошлом во 145 году на государеве службе на Туле не были, нынешняго лета быти на своей государеве службе на Туле мая на 1 число нынешняго 147 году» и т.д.»³⁶.

Разрядный приказ непосредственно не занимался прибором и организацией службы даточных людей, но как главное военное ведомство координировал деятельность других приказов по этим вопросам. Развернутые записи о даточных людях встречаются в записных разрядных книгах с 30-х годов. До этого времени они, как и все другие записи о движении приказных документов, сжато передавали их содержание и тщательно отмечали все данные о пересылке документов: «Ноября в 19 день посланы государевы грамоты о даточных людех по городом, что присланы от боярина от князя Юрья Яншеевича Сулешова: в Переславль Резанской с резанцом сыном боярским с Офонкою с Федоровым сыном Акимова. Да с ним же посланы грамоты в Переславль к воеводе в Шатцкой, в Донков, на Михайлов, в Серпухов, на Тулу. В Одоев с одоевским с помесным казаком с Сенкою Федоровым. На Чернь, в Новасиль с сыном боярским с новасилцом с Самойлом Красовым»³⁷.

С конца 30-х годов весенним прибором в драгунскую и солдатскую службу занимался специальный Приказ даточных людей (позже – сбору ратных людей). С этого времени

некоторые документы, главным образом памяти, приводятся в записных книгах в развернутой форме, близко к подлиннику³⁸. В ЗРК 4 есть любопытный пример записи памяти из Разряда в Приказ даточных людей. В этой книге подряд под одним числом записаны четыре варианта, вернее, редакции памяти. В каждой следующей редакции текст уточнялся, дополнялся, исправлялся — последняя, четвертая, редакция в два раза больше первой. По всей видимости, все четыре черновика были подклеены в столбец, и подьячий переписал их в записную книгу подряд, не заметив или приняв за четыре разных памяти, тем более, что следом за этими черновыми памятями следовала другая память за то же число, в тот же приказ близкого содержания; она также переписана в записную книгу следом за первыми четырьмя³⁹.

Как отмечалось, почти дословно приведенные грамоты и памяти появились в записных разрядных книгах с конца 30-х годов. Однако до конца 50-х — начала 60-х годов они были редкими. Большая часть таких документов, приводившихся в записных книгах полностью, — это грамоты городовым и полковым воеводам⁴⁰.

Кроме указов, грамот и памятей по порубежной службе, составляющих большинство документов в записных книгах, в последних есть несколько записей об отправке из Разряда других документов: наказов полковым воеводам и списков высылаемых к ним служилых людей⁴¹, дословно приведенных наказов приборщикам⁴², жильцам и стольникам, посланным для высылки в полки нетчиков⁴³.

Большой интерес из числа записей о порубежной службе представляет блок документов, озаглавленный «о драгунах и о салдатах, о кормовых и о даточных людех»⁴⁴. В него включены: докладная выписка, приведенная очень полно, о сборе даточных денег и о приборе в драгуны и солдаты в 146 г. (1637-1638 гг.) для тульской службы; царский указ марта 147 г. о сборе драгун и солдат; роспись 147 г. из Приказа сбора ратных людей их числа на южных рубежах и выплаченного им жалованья; роспись 147 г. сбора даточных денег с различных категорий городского и сельского тяглового населения и др.⁴⁵

В записях о порубежной службе встречается еще один вид документов, хотя и очень редко — отписки воевод. Как и другие документы, до конца 30-х годов XVII в. они передаются в пересказе, в косвенной форме: «Июля в 3 день писали государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси из Путивля стольник и воеводы Богдан Нагово да Петр Бунаков, что июня в 25 день приехал в Путивль из Литовские земли путивлец торговой человек Ондрюшка Тубалец, а в роспросе им сказал» — далее следует пересказ распросных речей путивльца о приходе в Путивль «литовских людей» и сообщение о действиях воевод⁴⁶. За этим в записной книге помещена запись о царском указе от 6 июля — в ответ на отписку. В указе даны распоряжения о высылке дополнительного числа ратных людей в Путивль и на Новое городище, и «велено прежним путивльским служилым и нынешним людем побыти на время для береженья от литовских людей»⁴⁷. Записи об отписке и указе следуют за записью о наряде в Путивле, также по отписке путивльских воевод от 3 июля. Видимо, и в этом случае все эти документы были последовательно подклеены в столбец, а затем переписаны в записную книгу.

Состав (указы, грамоты, памяти) и форма документов по порубежной службе, зафиксированных в записных книгах, остались в целом неизменными до начала 90-х годов XVII в. Наибольшее количество записей по этой теме относится к периоду с конца 30-х до начала 60-х годов, за исключением ЗРК 9 (1654-1655 гг.), когда в связи с активными военными действиями на западе вопросы южной пограничной службы несколько отступили на второй план.

Со второй половины 60-х годов традиционных записей о регулярных сборах на пограничную службу на Украине становится гораздо меньше. Это указы о назначении в Севск большого воеводы и его товарищей⁴⁸; о назначении товарищей воеводы в малороссийские города⁴⁹; об отпуске на зиму из Белгорода и Севска воевод и служилых людей⁵⁰ и дословно приведенные грамоты об этом белгородскому и севскому воеводам⁵¹. Строго говоря, эти записи имеют уже больше

отношения к активным военным действиям России, чем к обороне ее южных границ.

Кроме деятельности, относящейся непосредственно к организации береговой службы, в относительно спокойное зимнее время или ранней весной Разряд проводил разбор служилых людей и верстанье новиков. Хотя это было большой и ответственной работой приказа, записи о ней в записных книгах редки и отрывочны. Наиболее полно они представлены в ЗРК 6 и 7.

При верстании новиков через Разряд объявлялся соответствующий царский указ, которым назначались двое чиновников, обычно боярин и дьяк, руководить этим делом. В ЗРК 6 такой указ записан почти дословно: «Лета 7155 генваря в [...]»⁵² день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси велел боярину князю Михайлу Михайловичю Темкину-Ростовскому да дьяку Микифору Валцову на Москве новиков детей боярских всех городов, новокрещенов и татар верстати помесными и денежными оклады, которые новики из недорослей в государеву службу поспели, а государевым жалованьем, помесными оклады и денгами, по ся места не верстаны»⁵³. Далее следуют подробнейшие инструкции о процедуре верстанья – о выборе окладчиков и их обязанностях, о разборе новиков по категориям, о взаимодействии руководителей верстанья с Разрядом («и тех городов о окладчикех и о новичных статьях ссылатца в Розряде памяти»⁵⁴). Отчетные документы боярину и дьяку предписывалось прислать в Разряд: «... и боярину князю Михайлу Михайловичю ТемкинуРостовскому и дьяку то все велеть написать своего верстанья в десятни по городом порознь и те десятни и против десятен именные списки с помесными оклады велеть прислать в Розряд за дьячьєю приписью в апреле месяце нынешняго 155 году»⁵⁵. По этому указу в города из Разряда рассылались грамоты⁵⁶. Судя по датам, грамоты о верстанье приходилось рассылать неоднократно.

При верстании новиков в Разряде строго следили за тем, чтобы служилые люди из низших категорий не проникали в высшие: по указу 20 марта 1685 г. «в полковую службу из недорослей в житье вновь писать у которых отцы служили и

ныне служат в московских чинех, а они сами з городами не написаны. А у которых недорослей отцы служили и ныне служат з городами, и таких в житье отнюдь не писать, а писать их в службу с теми ж городами, по которым отцы их служили и ныне служат»⁵⁷.

При разборе служилых людей Разряд, как и при верстании, объявлял соответствующий указ. Случалось, что такой указ был вызван челобитьем служилых людей, долгое время не получавших жалованья и просивших, «чтоб государь их пожаловал, велел их разобрати и свое государево жалованье дати в городех без московские волокиты»⁵⁸.

Через Разряд назначались и чиновники, которым поручался разбор⁵⁹, в Разряде же подготавливались росписи, по которым следовало проводить разбор и выдачу денег: «А по списком дворян и детей боярских и сколко которово города дворяном и детем боярским государева жалованья дати: володимерцов по списку 309 чел. И из них в прошлом во 156 году государева жалованья дано на Москве 95 человеком, а не дано 205 человеком. А государева жалованья дати им по 14 руб. человеку, итого 2870 руб.» и т.д. Затем следуют аналогичные росписи по городам Мценску, Калуге, Переяславлю Рязанскому, Нижнему Новгороду и подводится итог: «Всего тех городов дворяном и детем боярским и новокрещоном и казаком и стрелцом 10410 чел. дати государева жалованья 124529 рублев»⁶⁰.

Посланным для разбора боярам и дьякам из Разряда давались чрезвычайно подробные инструкции; одна из них, «образцовая», боярину князю Ю.П.Буйносову и дьяку И.Ларионову, посланным во Владимир, приведена в ЗРК 7⁶¹. Такие же указания («о указных статьях, как им давать государево денежное жалованье») посылались и другим разборщикам⁶².

В финансовые приказы из Разряда отправлялись памяти с просьбой выделить необходимые суммы для выплаты жалованья, например, «на жалованье тех городов (замосковных — О.Н.) дворяном и детем боярским денги, 8606 рублев, указал государь отпустить в Володимер из своей государевы из Болшие казны»⁶³.

Разряд тщательно следил за тем, как расходовалась выданная на жалование казна. Один из таких финансовых документов — подробные росписи раздачи денежного жалования двумя подьячими в Переславле Рязанском — попал в записную разрядную книгу. В конце каждой росписи отмечено: «А за роздачею в остатке 5170 рублей, и те денги отданы в Розряд»; «А за тем во остатке 6220 рублей, и те денги отданы в Розряде за счетом подьячего Любима Асманова»⁶⁴.

По городам из Разряда рассылались грамоты «о разборке и о денежном жалованье»⁶⁵, в которых предписывалось высылать служилых людей к сборным пунктам.

Иногда к делам о разборке и выдаче жалования служилым людям обращался царь и требовал соответствующие документы к себе. Такие случаи особо отмечены в записных книгах: «... ря в [...]»⁶⁶ день перечневые розряды 152 и 153 и 154 году взял в Розряде подьячей Гришка Богданов и отдал в верху думному диаку Ивану Гавреневу, а думной диак Иван Гавренев отдал в хоромы к государю тово дни до обеда»⁶⁷.

Разрядом же выполнялись и пенитенциарные функции в отношении уклоняющихся от службы, о чем в книгах тут же делались соответствующие записи: «147 июля в 30 день посланы в тюрьму за тулские неты дворяне Дмитрией Олексеев сын Головин, Иван да Ондрей Степановы дети Чепчюгова. Посланы с подьячим с Ульяном Ивановым»⁶⁸. Июля в 31 день князь Иван княж Иванов сын Шеховской послан в тюрьму з Богданом с Михайловым. С ним же послан стряпчей Микита Кузмин сын Колтовской. [...]»⁶⁹ И те все нетчики из тюрьмы выпущены августа в 6 день»⁷⁰.

Прослеживая эволюцию записей о назначении воевод и служилых людей для несения береговой службы, можно видеть, как продвигались на юг русские порубежные опорные пункты. Города Белгородского полка вошли в российскую «украину» со второй половины 40-х годов, став ее новым южным рубежом. В течение следующих 20 лет записи о сборе и роспуске ратных людей как в старом месте — Туле, так и в новом — Белгороде, соседствуют, но Белгород постепенно берет верх. Со второй половины 60-х и до 90-х годов

XVII в. главными городами на южных границах России окончательно становятся Белгород и Севск.

Эти же записи показывают динамику развития и угасания этого вида военной службы в течение XVII в. До начала 40-х годов росписи воевод сопровождаются и росписи служилых людей по полкам с указанием их численности. К началу 60-х годов записи о назначении включают уже только росписи воевод по полкам, а затем практически исчезают в своей традиционной форме.

Другие записи, связанные с организацией береговой службы, со сборами даточных людей, верстаньем новиков, также изменялись. В 20-30-е годы указы, памяти, грамоты, наказы и отписки воевод, то есть документы, послужившие основанием для этих записей, фиксировались в книгах крайне сжато и несистематически, большее внимание уделялось обстоятельствам движения документа по инстанциям. С конца 30-х годов эти документы отражены в книгах более подробно и полно — от записных разрядных книг, как от справочника, требовалась большая информативность. Но с начала 60-х годов записи этой категории постепенно исчезают, свидетельствуя об угасании береговой службы в ее прежнем виде.

Записи о составлении годовых смет и о береговой службе отражают целый комплекс различных документов, основываясь на котором можно воссоздать многообразную деятельность Разряда по комплектованию, оснащению армии в мирные годы, по координации Разрядом работы других ведомств, включенных в эти же процессы.

*Список записных книг Московского стола
Разрядного приказа*

1. Книга 1. 7134/5 — 1626-1627 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 1.
2. Книга 2. 7142/1633-1634 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 2.
3. Книга 3. 7145/1636-1637 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 3.
4. Книга 4. 7147/1638-1639 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 4.
5. Книга 5. 7149/1640-1641 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 5.

6. Книга 6. 7155/1646-1647 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 6.
7. Книга 7. 7157/1648-1649 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 7.
8. Книга 8. 7158/1649-1650 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 8.
9. Книга 9. 7163/1654-1655 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 9.
10. Книга 10. 7168/1659-1660 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 10.
11. Книга 11. 7169/1660-1661 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 11.
12. Книга 12. 7170/1661-1662 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 12.
13. Книга 13. 7171/1662-1663 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 13.
14. Книга 14. 7173/1664-1665 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 14.
15. Книга 15. 7175/1666-1667 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 15.
16. Книга 16. 7177/1668-1669 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 16.
17. Книга 17. 7179/1670-1671 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 17.
18. Книга 18. 7182/1673-1674 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 18.
19. Книга 19. 7187/1678-1679 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 19.
20. Книга 20. 7190/1681-1682 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 20.
21. Книга 21. 7192/1683-1684 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 22.
22. Книга 22. 7193/1684-1685 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 22.
23. Книга 23. 7195/1686-1687 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 23.
24. Книга 24. 7196/1687-1688 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 24.
25. Книга 25. 7199/1690-1691 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 25.
26. Книга 26. 7202/1693-1694 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 26.
27. Книга 27. 7205/1696-1697 гг. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-а. Д. 27.

¹ *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти томах. М., 1988. Т. II. С. 198-199.

- 2 Список записных разрядных книг см. В конце статьи. Далее в тексте и сносках будет указываться только номер книги (в сокращении ЗРК), без полного архивного адреса.
- 3 Цитаты из источника приведены в статье по упрощенным правилам. См. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
- 4 ЗРК 1. Л. 62-67об.
- 5 Там же. Л. 68-77.
- 6 Там же. Л. 76-76об.
- 7 ЗРК 3. Д. 126-128об.
- 8 ЗРК 1. Л. 101-102об. Аналогичные записи в ЗРК 3. Л. 126-128об.; ЗРК 5. Л. 33об.-34об.
- 9 ЗРК 1. Л. 169-170.
- 10 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9-А. Д. 105. Л. 461-462.
- 11 ЗРК 4. Л. 258-258об.
- 12 ЗРК 3. Л. 151.
- 13 ЗРК 1. Л. 238.
- 14 Там же. Л. 62, 67; ЗРК 3. Л. 55-67, 126-128об., 172-191; ЗРК 4. Л. 22-34об., 258-283; ЗРК 5. Л. 9-22.
- 15 ЗРК 6. Л. 53-59; ЗРК 8. Л. 129-129об.; ЗРК 10. Л. 257об.-258.
- 16 ЗРК 10 Л. 22-24.
- 17 ЗРК 6. Л. 53-59.
- 18 Там же. Л. 156.
- 19 Там же. Л. 51.
- 20 Там же. Л. 71.
- 21 Там же. Л. 193-193об.
- 22 ЗРК 7. Л. 117, 162об.; ЗРК 8. Л. 37-37об., 75, 129-129об., 149, 155, 157-160; ЗРК 10. Л. 22-23об., 257-262; ЗРК 11. Л. 109-110об., 194-194об.; ЗРК 12. Л. 73-74об., 109-118об.
- 23 ЗРК 8. Л. 129-129об.
- 24 ЗРК 16. Л. 241-242; ЗРК 18. Л. 96; ЗРК 26. Л. 106-111.
- 25 ЗРК 1. Л. 13об.-14об., 62-76об., 101об.-102, 169-170, 238; ЗРК 3. Л. 55-67об., 126-128об., 171-191; ЗРК 5. Л. 9-22, 33об.-34об., 149-153об.
- 26 ЗРК 3. Л. 25об.-26.
- 27 ЗРК 1. Л. 8об.
- 28 ЗРК 3. Л. 195.
- 29 Там же. Л. 200.
- 30 Там же. Л. 235.
- 31 Там же. Л. 219об.
- 32 Там же. Л. 150об.
- 33 ЗРК 4. Л. 140об.-143.
- 34 Там же. Л. 144-147.

- 35 Там же. Л. 147об.
36 ЗРК 4. Л. 150-152.
37 ЗРК 2. Л. 31, 32.
38 ЗРК 4. Л. 173-173об.
39 Там же. Л. 210об.-215.
40 ЗРК 10. Л. 252, 258об.-259об.; ЗРК 11. Л. 170об.-171об., 248об.-249; ЗРК 12. Л. 38об.-39, 114-117 и др.
41 ЗРК 5. Л. 189; ЗРК 6. Л. 184об.; ЗРК 10. Л. 282; ЗРК 11. Л. 213.
42 ЗРК 10. Л. 185-188об.
43 ЗРК 11. Л. 215-218, 258об.
44 ЗРК 5. Л. 157.
45 Там же. Л. 157-163об.
46 ЗРК 1. Л. 19-19об.
47 Там же. Л. 20.
48 ЗРК 16. Л. 241-242.
49 ЗРК 18. Л. 96.
50 ЗРК 26. Л. 109-111.
51 Там же. Л. 111об.-112об., 114-114об.
52 В ркп. Оставлено место.
53 ЗРК 6. Л. 246-246об.
54 Там же. Л. 250об.
55 Там же. Л. 250об.-251.
56 Там же. Л. 153.
57 ЗРК 22. Л. 251-251об.
58 ЗРК 7. Л. 83.
59 Там же. Л. 84-84об.
60 Там же. Л. 85об.-90об.
61 Там же. Л. 95об.-105об.
62 Там же. Л. 93об.
63 Там же. Л. 95-95об.
64 Там же. Л. 124об., 126.
65 Там же. Л. 66а.
66 В ркп. Оставлено место.
67 ЗРК 7. Л. 106.
68 Далее другими чернилами.
69 Далее другими чернилами.
70 ЗРК 4. Л. 254.

ПОДЬЯЧИЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Процесс формирования Посольского приказа происходил все время его существования в XVI-XVII вв. Это было связано со становлением, структуризацией и расширением функций этого учреждения. Особенно бурное развитие данные процессы получили во второй половине XVII в. Тогда, помимо дипломатических сношений с иностранными государствами и вопросов, связанных с надзором за иностранными поданными, проживавшими в России, приказ начинает выполнять ряд несвойственных ему функций, исполнение которых служило источником формирования его доходной части. Сюда входит управление городами (Касимов, Елатьма, Романов, Вязьма, Мещанская слобода в Москве), рядом четвертных приказов (Новгородский, Галицкий, Устюжский, Владимирский) и временно возникающими учреждениями (Смоленский, Малороссийский, Литовский, Великороссийский) и Печатный приказ.

Увеличение объемов работы потребовало роста числа его служащих, в особенности подьячих, на долю которых приходилось выполнение основной приказной работы. Во второй половине XVII в. окончательно складывается деление подьячих по категориям (разрядам) на старых, средних, молодых и невестаных. Невестаные подьячие брались в приказ без жалованья для того, чтобы они присматривались к делам, знакомились со спецификой внутрприказной работы данного учреждения. Молодые и средние подьячие являлись основными исполнителями приказной работы, они выполняли роль переписчиков, составляли справки по текущим делам, а также отправлялись участниками посольств и гонцами в зарубежные посылки. Старые подьячие стояли во главе повытий, своего рода отделов, ведавших сношениями с определенными странами, а также рядом других дел (иност-

ранная почта, надзор за иностранцами, толмачами, переводчиками и др.).

Деятельность любого органа управления невозможно исследовать без знаний о его служащих. Это ставит проблему знакомства с численностью, сроками пребывания в приказе, средой комплектования подьячих Посольского приказа, являвшихся основными исполнителями приказной работы.

Что касается общего числа подьячих, сидевших в тот или иной год в приказе, то необходимо отметить, что здесь могут встречаться две цифры, значительно отличающиеся друг от друга. Это официальное число подьячих, в частности, зафиксированное в памятях, отправляемых в Разрядный приказ, а также в приходно-расходных книгах Посольского приказа, и общее число подьячих, встречаемых в документах приказа за год. Эта разница формируется за счет подьячих, поступивших в приказ в течение года, после направления памяти в Разряд, а также неверстанных, и является своего рода индикатором активности формирования и обновления штатов подьячих приказа.

Всего по документам из фондов РГАДА (Ф. 137. Боярские и городовые книги; Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем; Ф. 141. Приказные дела старых лет; Ф. 159. Приказные дела новой разборки; Ф. 210. Разрядный приказ) за период с 1 сентября 1645 г. по 31 августа 1682 г. удалось выделить 162 подьячих Посольского приказа. У Бантыш-Каменского за этот период упоминаются еще два подьячих: Самойло Лисовский, посланный в 1667 г. в Пруссию¹, и Федор Фирсов, посланный в 1668 г. в Австрию и Венецию². Подтвердить это по документам приказа не удалось. Возможно, здесь повторяется случай с Семеном Плакидиным. Будучи верстанным подьячим Новгородского приказа, он был послан в 1645 г. в Царьград. При этом годовой оклад с 29 июля 1645 г. он стал получать в Посольском приказе. Для посылки ему было выдано (здесь и далее алтынное исчисление переведено в рублевое) 1,2 руб. за 1644/45 г. и 28 руб. за 1645/46 и 1646/47 гг. его годового жалованья, с тем, что по возвращении ему велено сидеть в Посольском приказе³. После этого в документах приказа его имя больше не

упоминается. На основании этих данных можно утверждать, что цифра 162 не окончательная, тем более что по ряду лет сохранность документов является отрывочной.

Интересные данные выявляются при анализе сроков пребывания подьячих в приказе. Из 162 чел. до пяти лет в приказе упоминается 83 подьячих (51,3%), из них 43 (25,9%) сидели в приказе до одного года, 23 (14%) до двух лет, 17 (11,4%) от двух до пяти лет, от шести до 10 лет упоминается 36 (21,6%) подьячих, от 11 до 20 лет — 32 (19%), более 20 лет — 11 (7%), при этом один из них — 42 года. Это свидетельствует о малой текучести кадров в данном учреждении, что в целом было нетипично для московских приказов.

По-видимому, в течение первых пяти лет шел отбор подьячих, пригодных для работы в Посольском приказе, после чего оставались только доказавшие свою компетентность. При этом средний срок пребывания в данном учреждении подьячих, перешагнувших рубеж пяти лет, составлял почти 16 лет, что показывает, как ценились здесь квалифицированные кадры.

В период с 1645 по 1682 гг. среда комплектования штатов подьячих была достаточно широкой. По одному подьячему поступило из Каргополя (Алексей Корепанов⁴), Воронежа (Иван Хоненев⁵), Верхотурья (Михаил Посников⁶), Пскова (Иван Волков⁷), Торопца (Василей Мыконкин⁸), Мастерской палаты (Михаил Волков⁹), Большого прихода (Василей Тимофеев Посников¹⁰), Новой четверти (Емельян Украинцев¹¹), Казанского (Панфил Белянинов¹²), Смоленского (Семен Дядькин¹³), Ямского (Андрей Власов¹⁴), Малороссийского (Борис Михайлов¹⁵), Устюжского (Дмитрий Симонский¹⁶), Челобитного (Федор Орехов¹⁷) приказов и Нижнего Новгорода (Алексей Симанов¹⁸); по два подьячих поступило из Земского (Никита Максимов¹⁹, Иван Кондратов²⁰), Стрелецкого (Фирс Байбаков²¹, Петр Долгово²²), Сибирского (Третьяк Васильев²³, Кирилл Кокорев²⁴) приказов, Галицкой земли (Афонасей Буколов²⁵, Василей Баутин²⁶) и Галицкой четверти (Иван Истомина²⁷, Алексей Богданов²⁸); четверо из Разрядного приказа (Василей Михайлов²⁹, Максим Бурцев³⁰, Иван Владиславлев³¹, Исай Силин³²); по

шесть из Новгородского приказа (Филипп Булыгин³³, Семен Плакидин³⁴, Иван Плакидин³⁵, Герасим Долгово³⁶, Леонтий Паюсов³⁷, Семен Протопопов³⁸) и Новгорода (Яков Поздышев³⁹, Василей Бобинин⁴⁰, Никита Сладков⁴¹, Иван Попов⁴², Тимофей Шустов⁴³, Иван Ключарев⁴⁴); семь из Поместного приказа (Иван Хрипков⁴⁵, Осип Дмитриев⁴⁶, Андрей Иванов⁴⁷, Матвей Пятин⁴⁸, Петр Пухов⁴⁹, Степан Полков⁵⁰, Иван Фаворов⁵¹), восемь из Большого Дворца (Андрей Немиров⁵², Ефим Юрьев⁵³, Афонасей Денисов⁵⁴, Григорий Котошихин⁵⁵, Михаил Тарасов⁵⁶, Никита Алексеев⁵⁷, Степан Лосев⁵⁸, Прокофий Возницын⁵⁹). В 1646 г. от боярина Б.М.Салтыкова был взят для «литовского письма» Пимен Иванов⁶⁰.

Из приведенных данных видно, что наибольшее число подьячих поступило в Посольский приказ из находящихся в его ведении Новгорода и Новгородского приказа, а также из приказов Большого Дворца и Поместного, наиболее массовых по численности сидевших в них подьячих. При этом основной базой для комплектации штата являлись приказы, из них было переведено 42 подьячих, а из городов – 14.

По прямым (сохранившимся челобитным с просьбой о принятии) и косвенным данным можно утверждать, что 25 подьячих (15,4% от общего числа) поступило в приказ по челобитным. Из них до этого работали в других приказах двое – Михаил Медведев и Емельян Украинцев. Таким образом, достоверная информация о путях попадания в Посольский приказ имеется по 80 (50%) подьячим. Для значительного числа подьячих Посольский приказ являлся первым местом службы. Об этом свидетельствуют минимальные размеры окладов, назначаемые при их поступлении в приказ.

Что касается причин выхода из приказа, то они также известны не по всем подьячим. 28 из 162 (15,4%) были пожалованы в дьяки. При этом 15 человек получили назначение в Посольский приказ (Бурцев Максим Гаврилович⁶¹, Иван Петрович Плакидин, Андрей Немиров, Иван Остафьев (Евстафьев), Василий Иванович Бабинин, Емельян Игнатьевич Украинцев, Петр Долгово, Степан Полков, Семен Михайлович Протопопов, Прокофий Богданович Возницын,

Иван Михайлович Волков, Кузьма Никитич Нефимонов (Ефимонов), Михаил Ларионов, Яков Ильич Поздышев); позднее в Посольский приказ поступили еще двое (Посников Василий Тимофеевич (в подьячих пишется как Василий Тимофеев), Борис Михайлович Михайлов – первоначально дьяком на Устюге)⁶²; трое были назначены на прежние места службы, предшествовавшие службе в Посольском приказе: Иван Хрипков (Поместный приказ)⁶³, Третьяк Васильев (Тобольск, до этого служил в Сибирском приказе)⁶⁴, Михаил Онисимович Посников (в Тобольск, до этого на Верхотурье)⁶⁵; четверо подьячих были назначены дьяками в иные приказы: Беянинов Панфил Тимофеевич (Устюжская четверть)⁶⁶, Семен Дядькин (дьяк в Новгороде)⁶⁷, Волков Михаил Павлович (Поместный приказ)⁶⁸, Герасим Долгово (Приказ сбора стрелецкого хлеба)⁶⁹, при этом и Новгород и Устюжская четверть находились в этот момент в сфере деятельности Посольского приказа⁷⁰. Были пожалованы в дьяки Исая Ляпин⁷¹, Фирс Байбаков⁷², Михаил Тарасов⁷³, Савва Григорьевич Сандырев⁷⁴. Таким образом, 19 из 28 бывших подьячих остались в структуре Посольского приказа. Известно, что 15 (9,25%) подьячих умерло, однако это явно заниженное число.

Двое подьячих переведены в другие приказы: Алексей Симанов – в Приказ тайных дел⁷⁵ и Петр Пухов – в Поместный приказ⁷⁶. Петр Пухов был взят в Посольский приказ в конце 1646/47 г.⁷⁷, известна его сентябрьская праздничная дача на Рождество Богородицы и Рождество Христово 1647 г.⁷⁸, после чего он исчезает из документов Приказа. У С.Б.Богоявленского упомянут П.Пухов, подьячий Поместного приказа (1635/36 – 1651/52 гг.)⁷⁹. По-видимому, это одно лицо. Будучи взят в Посольский приказ, он, похоже, не справился и был отправлен на прежнее место. Возможно, это частный случай общей практики. С Симановым дело обстояло по-другому. Можно предположить, что этот перевод был связан с созданием Приказа тайных дел, комплектование штатов которого шло за счет других приказов⁸⁰.

Что касается других причин выхода из приказа, то четыре раза упоминается выражение «отпущен», пять – «отставлен»,

И.И.Ключареву на 1666/67 г. «в Посольском приказе быть не велено»⁸¹, Осип Дмитриев в 1646/47 г. был «сослан в Сибирь»⁸², Григорий Котошихин «своровал», убежав сначала в Литву, а затем в Швецию⁸³. Все эти формулировки можно объединить одной — «отставлен». Необходимо отметить, что данное выражение применялось и к умершим подьячим.

Судя по тому, что большая часть подьячих сидела в приказе незначительное время (упоминаются на протяжении до двух лет 66 (40%) подьячих), «отставлено» за непригодностью было значительное число из них. Однако это не всегда означало отставку. 21 июля 1672 г. подьячим, «которые в Посольском приказе негодны, писать плохи, и в Приказ не ходят; да меж ними объявилась кража», Петру Орехову, Афонасею Шишенину, Ивану Торопову «за леность и плутовство отказать», Михаилу Белянинову «сказать, чтоб в приказ ходил и сидел»⁸⁴. Однако они же встречаются по документам приказа и в последующие годы. Петр Орехов до 1675/76⁸⁵, Афонасей Шишенин до 1676/77⁸⁶, Иван Торопов до 1677/78 г.⁸⁷ В 1673 г. по челобитной был принят в Посольский приказ Лев Нарыков⁸⁸. В 1673/74 г. ему ведено отказать; он обращается с просьбой оставить его в приказе — челобитная была удовлетворена⁸⁹.

Существовали и другие способы борьбы за дисциплину — Степан Михайлов Ушаков 25 декабря 1645 г. на праздничную дачу Рождество Христово вместо четырех рублей получил только два, с пометой: «бражничал»⁹⁰.

Значительно сложнее определить социальную среду, из которой происходило верстание подьячих Посольского приказа. Известия о происхождении некоторых из них являются счастливыми исключениями. Зачастую в этом вопросе приходится делать предположения. Так, возможно, И.И.Ключарев является сыном подьячего Ямского приказа И.Ключарева, внука крутицкого митрополита Ионы и сына ключаря Архангельского собора⁹¹. Наличие в приказе подьячих с такими фамилиями (точнее, прозвищами), как Поповы, Ключаревы, Протопоповы, дают возможность предположить, что дети и родственники духовенства являлись одним из значительных источников пополнения приказа подьячими.

Был соборным протопопом отец С.М.Протопопова⁹². Однако представители церковной среды могли иметь и другие фамилии. Известно, что отец Г.К.Котошихина служил келарем в одном из московских монастырей⁹³.

Имелись в приказе и выходцы из дворянской среды — это Е.Украинцев⁹⁴ и И.Хрипков⁹⁵.

Встречались и династии подьячих. Отец Е.Р.Юрьева, Родион Юрьев, был подьячим в Новгороде, а затем в Посольском приказе⁹⁶; Семен Гаврилов в своей челобитной утверждал, что его брат служил в Поместном приказе⁹⁷; А.Симонов, взятый в приказ из Нижнего Новгорода, оставил на родине своих отца Прокофия Симоновского и брата Павла, которые тоже являлись подьячими⁹⁸. Были братьями подьячие Посольского приказа Филипп и Тихон Булыгины⁹⁹. Известно также, что подьячий Иван Мартынов был сын денежного мастера¹⁰⁰.

Чтобы представить общую картину социальной Среды, из которой набирались приказные подьячие, в том числе и Посольского приказа, для сравнения можно обратиться к подобным данным по Поместному приказу. Так, на 1707 г. со служилой средой было связано 18%, выходцев из духовенства — 30,5%, дети дьяков, подьячих и других приказных служителей — 31,2%, остальные вышли из холопов, посадских людей и служителей, дворцовых ремесленников, военнопленных и ямщиков¹⁰¹. С определенными поправками это можно отнести и к Посольскому приказу второй трети XVII в. Однако Н.Ф.Демидова отмечает снижение к началу XVIII в. доли подьячих, связанных со служилой средой¹⁰².

К сожалению, почти нет данных о браках, заключаемых подьячими. Известно, что Иван Торопов взял в жены дочь подьячего Ямского приказа Алексея Дурова¹⁰³.

Необходимо остановиться на проблеме квалификационного деления подьячих на разряды (статьи). Документы центральных приказов четко прослеживают разделение подьячих на первую, вторую или третью статьи или на старых, средней статьи и молодых¹⁰⁴. В документах Посольского приказа подьячие первой и второй статьи именуется еще как подьячие «передней» и «средней» палат¹⁰⁵. Возможно, это указы-

вало и на их плановое расположение в здании приказа, как и упоминание «средней» палаты как «верхней»¹⁰⁶.

Известия о делении подьячих приказа по статьям отрывочны. Есть информация по 1653/54¹⁰⁷, 1662/63¹⁰⁸, 1664/65¹⁰⁹ 1665/66¹¹⁰, 1667/68¹¹¹, 1669/70¹¹² и 1675/76¹¹³ гг., остальные данные могут быть реконструированы. Наиболее устойчивым признаком деления являются праздничные дачи. Они были регламентированы для подьячих всех статей. Особенно это заметно по старым подьячим. На Рождество и Воскресенье Христово они получали в разное время от 5-6 до 5-7,5 руб. на праздник, на именины царя — 5-6 руб., именины царевичей и царицы, а также Рождество Богородицы — по 4-5 руб. Праздничные оклады средних и младших подьячих не отличались такой постоянностью и колебались от 0,25 до 4 руб. на праздник.

Известно, что в 1654 г. на именины Алексея Алексеевича старые подьячие получили по 5-6 руб. (годовой оклад 35-50 руб.), средние — по 2,5-3 руб. (годовой оклад 11-20 руб.), младшие — 0,5 руб. (годовой оклад 4-6 руб.)¹¹⁴. В 1664/65 г. на Рождество Богородицы и именины царицы и царевичей старые подьячие получили по 4-5 руб. (35-50 руб.), средние — 2-3,5 руб. (20-28 руб.), молодые — по рублю (5 руб.)¹¹⁵. В 1675/76 г. на те же праздники старые подьячие получили 4-5 руб. (30-55 руб.), средние — по 2-3 руб. (10-25 руб.) и младшие — 0,25-1,5 руб. (2-8 руб.)¹¹⁶.

Используя эти данные, можно реконструировать количество подьячих каждой статьи по годам. Наиболее точно это можно сделать по старым подьячим. С 1644/45 по 1657/58 гг. было по четыре старых подьячих, за исключением 1653/54 г., когда их упоминается трое. После этого до 1681/82 г. старых подьячих упоминается по пять, за исключением 1668/69, 1669/70, 1673/74 и 1674/75 гг., когда их было по шесть, в 1675/76 г., упоминается семь старых подьячих. С.А.Белокуров отмечает по пять старых подьячих в 1664, 1665, 1670, 1675, 1677-1683 гг.¹¹⁷

Число молодых и средних подьячих не было столь постоянным. В конце 40-х — конце 60-х гг. XVII в. количество подьячих средней статьи колебалось между 5 и 12; после

чего возрастает до 11-15. Число молодых подьячих колебалось еще больше. С 1644/45 по 1666/67 гг. их насчитывалось от одного до шести, в ряде лет они не упоминаются совсем. После этого их число постоянно растет и в 1675/76 г. составило 17 чел. К 1681/82 г. их количество сокращается до семи. Это было связано с начавшимся в 70-х гг. разборами служащих московских приказов, ставящих целью сократить разбухшие штаты. В Посольском приказе тогда было отставлено 12 подьячих¹¹⁸. Число неверстанных подьячих первоначально было небольшим. Оно начинает расти с 1668/69 г., что, по-видимому, было связано с общей тенденцией постоянного увеличения числа служащих.

Проблема неверстанных подьячих тесно сопрягается с вопросом о количестве учеников в школе начального образования при Посольском приказе. Этому посвящена статья Н.Ф.Демидовой. Автор делает предположение, что такая школа возникла в Посольском приказе еще в начале 20-х гг. XVII в. Однако более определенные данные об учениках в Посольском приказе имеются только для второй половины века. В 1669/70 г. в штате приказа состояло 4 человека (И.Торопов, М.Венюков, И.Нехорошев, И.Ляпин), о которых прямо сказано, что они «вновь по челобитью для ученья сидят», в 1672 г. упоминаются как ученики Г.Гаврилов и Е.Андреев¹¹⁹. К этому можно прибавить, что 3 ноября 1678 г. «взят для учения Иван Чередеев»¹²⁰. К сожалению, трудно выделить других учеников из общей массы неверстанных подьячих, в чье число они зачислялись.

На основании этих данных исследуемый период можно разделить на четыре этапа. Первый — 1645-1650 гг., когда происходит обновление штата приказа; второй — 1650-1665 гг., на протяжении этих лет список подьячих изменялся мало, приобретая достаточно постоянный характер, за исключением 1654-1655 гг., когда в результате мора и служебных переводов штат приказа поменялся более чем на половину; третий — 1666-1676 гг., где шло постоянное его увеличение (до 52 чел. в 1675/76 г.); четвертый — 1676-1682 гг. После разбора 1676 года количество подьячих нормализовалось (в среднем около 30 чел.).

Можно сделать определенные выводы об определенной специфике Посольского приказа и его подьячих. Высокая сложность выполняемых в нем работ требовала определенно-го, достаточно высокого уровня квалификации его служащих. Это приводило к достаточно малой текучести кадров. Показательно в этом плане, что зафиксировано только два случая перевода подьячих из Посольского в иные приказы.

-
- 1 *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1902. Ч. 4. С. 463.
 - 2 Там же. С. 439.
 - 3 РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 6. Л. 23-23об.
 - 4 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 261-262.
 - 5 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 352.
 - 6 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 426.
 - 7 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 11.
 - 8 Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 38об.
 - 9 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 105.
 - 10 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1667/26. Л. 167.
 - 11 Там же. Л. 62.
 - 12 Там же. Д. 1645/5. Л. 191.
 - 13 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 166.
 - 14 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 191.
 - 15 Там же. Д. 1667/26. Л. 154.
 - 16 Там же. Д. 1671/12. Л. 2.
 - 17 Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 21.
 - 18 Там же. Оп. 1. Д. 1656/2. Л. 74
 - 19 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 313.
 - 20 Там же. С. 255.
 - 21 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1658/8. Л. 2.
 - 22 Там же. Д. 1667/26. Л. 65.
 - 23 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 86-87.
 - 24 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 141.
 - 25 Там же. Д. 1645/5. Л. 204-205.
 - 26 Там же. Д. 1667/26. Л. 167.
 - 27 Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 327.
 - 28 Там же. Оп. 1. Д. 1673/6. Л. 357.
 - 29 Там же. Д. 1645/5. Л. 191.

- 30 Там же. Д. 1669/11. Л. 1-2.
- 31 Там же. Д. 1673/6. Л. 270.
- 32 Там же. Л. 296.
- 33 Там же. Д. 1645/5. Л. 204.
- 34 Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 23-23об.
- 35 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 413-414.
- 36 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 19.
- 37 Там же. Д. 1673/6. Л. 70.
- 38 Там же. Д. 1671/12. Л. 2.
- 39 Там же. Д. 1656/1. Л. 15.
- 40 Там же. Л. 14-15.
- 41 Там же. Д. 1657/12. Л. 53.
- 42 Там же. Д. 1656/1. Л. 15.
- 43 Там же. Л. 14-15.
- 44 Там же. Д. 1656/2. Л. 8.
- 45 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 556-557.
- 46 Там же. С. 153.
- 47 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 350.
- 48 Там же. Л. 343.
- 49 Там же. Л. 191.
- 50 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 420.
- 51 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1674/3. Л. 1.
- 52 Там же. Д. 1645/5. Л. 1.
- 53 Там же. Л. 9.
- 54 Там же. Л. 191.
- 55 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 50.
- 56 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1673/6. Л. 315.
- 57 Там же. Л. 31, 70.
- 58 Там же. Л. 70.
- 59 Там же. Д. 1667/26. Л. 181-182.
- 60 Там же. Д. 1645/5. Л. 77.
- 61 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 74.
- 62 *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 115-130.
- 63 Там же. С. 556-557.
- 64 Там же. С. 86-87.
- 65 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1667/26. Л. 80; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 427.
- 66 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 50.
- 67 Там же. С. 166.
- 68 Там же. С. 105.
- 69 Там же. С. 155.

- 70 *Устюгов Н.В.* Эволюция приказного строя русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 134-167; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е. М., 1983. С. 54.
- 71 *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 159.
- 72 РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 5. Л. 516.
- 73 Там же. Кн. 32. Л. 409.
- 74 Там же. Кн. 30. Л. 119.
- 75 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 476; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1657/12. Л. 35.
- 76 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 442.
- 77 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/45. Л. 191.
- 78 Там же. Л. 194.
- 79 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 442.
- 80 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 59.
- 81 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1667/26. Л. 20.
- 82 Там же. Д. 1645/5. Л. 166.
- 83 *Маркович А.И.* Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в. Одесса, 1895.
- 84 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 117.
- 85 Там же. Оп. 2. Д. 18.
- 86 Там же. Ф. 210. Московский стол. Кн. 82. Л. 8.
- 87 Там же. Кн. 83. Л. 13.
- 88 Там же. Д. 1672/18. Л. 116.
- 89 Там же. Д. 1673/6. Л. 59-59об.
- 90 Там же. Д. 1645/5. Л. 7.
- 91 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 58.
- 92 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1667/26. Л. 123.
- 93 *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4-е. М., 1906. С. V.
- 94 РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 433. Л. 287-288об., 296-301.
- 95 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 556.
- 96 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1645/5. Л. 352.
- 97 Там же. Д. 1669/7.
- 98 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 476.
- 99 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1653/1. Л. 11.
- 100 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 321.
- 101 *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа // Труды Московского Историко-архивного института. М., 1957. Т. IX. С. 234.
- 102 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России... С. 61.

- ¹⁰³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1672/18. Л. 139-140.
- ¹⁰⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С. 159.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1657/12. Л. 107-109.
- ¹⁰⁶ Там же. Д. 1667/26. Л. 54.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 2-3.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Посольский приказ. 1. С. 255.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1664/11. Л. 103-106.
- ¹¹⁰ Там же. Д. 1667/26. Л. 3.
- ¹¹¹ Там же. Л. 171-172; Д. 1667/28. Л. 2.
- ¹¹² Там же. Д. 1670/3. Л. 1об.
- ¹¹³ Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 38-40.
- ¹¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1667/26. Л. 2-3.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Посольский приказ. 1. Л. 432-449; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1664/11. Л. 103-106.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 18. Л. 20-34об.
- ¹¹⁷ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 50.
- ¹¹⁸ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России... С. 62.
- ¹¹⁹ Демидова Н.Ф. Приказные школы начального образования... С. 152-167.
- ¹²⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1869. Л. 1-1об.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА 1697-1698 ГОДОВ

Великое посольство 1697-1698 гг., в котором участвовал Петр I, оставило после себя огромный корпус источников. Ни одна внешнеполитическая миссия, отправленная из России с IX по XVII в., не носила столь грандиозного масштаба, не получила такого общественного резонанса и не пользовалась столь пристальным вниманием историков.

В настоящей статье речь пойдет об использовании различных источников, связанных с миссией 1697-1698 гг., в трудах отечественных и зарубежных историков. При оценке историографии обращалось особое внимание на их объем и количество, оригинальность, степень и глубину использования, наличие источниковедческого анализа. Цель работы – обобщение данных о появлении в научном обороте различных видов источников.

Переход к анализу историографии хотелось бы предварить небольшим обзором существующих источников Великого посольства. Всех их можно условно разделить на семь групп: 1) актывые материалы; 2) делопроизводственные документы; 3) мемуары, журналы личного характера; 4) переписка; 5) материалы периодической печати; 6) документы церемониального характера; 7) другие бумаги.

В первый блок источников входят государственные акты, торговые договора, подлинники и списки разнохарактерных грамот (верующих, охранных, благодарственных, просительных, поздравительных, ответных и т.д.).

Вторая группа является наиболее крупной по объему. В нее входят: статейные списки и приходно-расходные тетради миссии, сведенные позже в посольские книги; *официальная* редакция «Походного журнала Петра I», соответствующих годов¹; записи переговоров, договорных статей; отпуски и

переводы грамот; реестры, росписи, записные книги взятым или купленным вещам; указы, отписки, мемориалы, памяти (беловики, черновики, отрывки); челобитные; дела, связанные с принятием на службу и приездом в Россию иностранных специалистов.

Со следующей группой источников наблюдается одна особенность: при множестве воспоминаний европейцев о Великом посольстве известны лишь единственные записки отечественного происхождения, причем с анонимным автором. Это известная в нескольких редакциях «Записная книжка любопытных замечаний великой особы...»², авторство которой в XIX в. вызвало много споров. Из зарубежных мемуаров большое распространение получили труды Я.К.Номена³, епископа Дж.Бернета⁴, лично видевших Петра I; Дж.Эрвелина⁵, хозяина дома в Англии, где жил будущий император; Дж.Перри⁶, инженера, нанятого на службу в Россию. Существуют также и малоизвестные воспоминания (химика Л.Летрелла, И.Ньютона и др.). Входит в эту подгруппу и *частная* редакция «Походного журнала Петра I», написанная бароном Г.Гюйссенем⁷.

Четвертая группа включает личную переписку участников посольства с русскими и зарубежными корреспондентами, где отдельно выделяются эпистолярные, связанные с самим Петром I; деловую переписку должностных лиц миссии; донесения различных послов, посланников, тайных агентов, официальных представителей европейских государств в странах, через которые русские проезжали, об их пребывании там; личные письма политических, религиозных и культурных деятелей, встречавшихся с участниками Великого посольства или наблюдавших их со стороны, со своими впечатлениями.

Сведения о поездке 1697-1698 гг. можно почерпнуть и из европейской периодической печати, причем наибольшей популярностью пользовались в основном английские газеты.

К церемониальным документам, небольшим по объему, относятся записи об официальных приемах Великого посольства в государствах аккредитации.

И, наконец, в последнюю группу источников входят различные патенты, аттестаты, полученные участниками миссии; хвалебные стихи, написанные в честь Великого посольства или самого Петра I; материальные памятники.

Одна из первых попыток описания путешествия Петра Великого за рубеж была сделана П.П.Шафировым⁸. О субъективности подхода канцлера петровской эпохи говорить не приходится, она была аргументировано доказана еще Е.Ф.Шмурло, который отметил конъюнктурность точки зрения автора⁹. Однако представляет интерес источниковая база, на которой написана работа. По словам Н.Г.Устрялова, Шафиров принял за основание записку боярина Ф.А.Головина, поданную в октябре 1699 г. шведским послам в Москве, «дополнив изложенные в ней неудовольствия многими обстоятельствами, как очевидец»¹⁰. Но к свидетельствам автора надо относиться крайне осторожно, учитывая политическую обстановку того времени (1717 г.) и задачу сочинения – обвинить шведов в кровопролитии. Поэтому его сведения о злоумысли Дальберга (рижского губернатора) против молодого Петра I мало использовались историками, за исключением И.И.Голикова и Н.Г.Устрялова, при описании Великого посольства.

Чуть менее пристрастным было изложение событий в труде И.И.Голикова, купца по профессии, в силу обстоятельств давшего обет собрать все сведения о Петре. Великому посольству он посвятил более 250 страниц первого тома своих «Деяний Петра Великого» и «Дополнений к Деяниям»¹¹. Так как автор не задавался целью проводить какое-либо исследование, то фактически его работа представляет собой собрание различных материалов, взятых из отечественных и иностранных работ, и первоисточников: грамот, «посольского журнала», писем Петра I¹². Критический подход у И.И.Голикова встречается лишь, когда он приводит отрицательную характеристику Петра Великого, например, при использовании «Истории» епископа Дж.Бернета¹³. Среди отечественных работ, цитируемых автором, можно назвать «Журнал» барона Г.Гюйсена, записки П.Н.Крекшина,

«Тетради записные Петра Великого» и несколько работ Ф.Прокоповича¹⁴.

В большинстве случаев И.И.Голиков перепечатывал информацию из какого-либо источника, указывая лишь саму работу без ссылок на страницу и выходные данные. Например, описывая конференцию Великого посольства и прусских министров 6-7 июня 1697 г.¹⁵, он лишь упоминает, что взял сведения «из журнала Посольского подлинником»¹⁶, не указывая ни архив, ни точное название самого документа. Все это снижает уровень его труда, что усугубляется бессистемным использованием документов. В целом, «Деяния...» И.И.Голикова заслуживают внимание как первая попытка обобщить сведения разных авторов, в том числе и иностранных, о Великом посольстве. Работа носит чисто компилятивный характер, с очень незначительными комментариями и без каких-либо выводов.

Начало систематического изучения истории Петра I, а с ней и Великого посольства 1697-1698 гг., было положено в 50-60-х гг. XIX в. Труд Н.Г.Устрялова, в котором можно наблюдать и панегирический подход к жизни императора, и подлинно исторический анализ событий, стал переходным рубежом этого процесса¹⁷. Поездке императора за границу автор посвятил половину третьего тома своего исследования. Устряловым был значительно расширен круг источников и опубликована большая часть архивных материалов. Используя архивы Москвы, С.-Петербурга и Вены, историк включил в приложения к тексту большинство известных к тому времени бумаг Петра Первого, часть дел МГАМИД, ныне РГАДА (Ф. 32. Сношения России с Австрией; Ф. 35. Сношения России с Англией), Государственного архива (Кабинет Петра I, отделение II), донесения некоторых иностранных послов из России. Многие из документов были впервые введены им в научный оборот, причем часть из них уже утрачена к настоящему времени¹⁸. В ходе изложения автор широко использовал материалы «Юрналлов» 205 и 206 (1696-1698) гг., «Статейного списка посольства», дополняя их подлинниками и копиями грамот, черновиками и отпусками официальных документов, записками и воспоминаниями современников

императора. Из иностранных источников можно упомянуть публикации Ламберти, Я.Схельтема, Дж.Бессера, труды Дж.Перри, Дж.Эвелина¹⁹. Почти все материалы и исследования, а Н.Г.Устрялов их использовал в подлинниках, были источниковедчески проанализированы во «Введении» к первому тому. Историк критиковал многие зарубежные и отечественные труды, указывая на их безграмотность, употребление непроверенных данных, компилятивный характер²⁰. В отличие от предыдущих исследователей, он не принимает на веру свидетельства легендарного и анекдотического свойства, опровергая некоторые факты из работ И.И.Голикова и Я.Схельтема.

Недостатки незаконченного труда Н.Г.Устрялова заключались в излишнем преувеличении значения деятельности Петра I и связанной с этим пристрастностью в оценке ряда источников. Он не подвергает сомнению истинность материалов с личной правкой Петра, совершенно не учитывая политической конъюнктуры того времени и личной заинтересованности монарха в том или ином освещении событий. Снижает качество работы отсутствие точных выходных данных цитируемых архивных документов, неполнота сопоставления основных источников с выяснением их исторической достоверности, недооценка «Журнала с 1695 по 1710 г.» Г.Гюйсена.

В целом, работа Н.Г.Устрялова явилась значительным шагом вперед в исследовании истории Великого посольства 1697-1698 гг. Она была выполнена на высоком для своего времени исследовательском уровне и позволила в дальнейшем изучать данное событие на базе подлинных документов, а не компилятивных, неточных переложений. Большая часть материалов стала если не полностью доступна, то, по крайней мере, известна историкам.

В вышедшем в 1864 г. XIV томе «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева события 1697-1698 гг. освещались излишне схематично. Касаясь лишь важнейших фактов поездки, автор уделил больше места обоснованию преемственности деяний Петра Великого и предыдущего хода русской истории. Основным источником для ученого при

анализе путешествия в Европу стала переписка царя с различными корреспондентами, извлеченная из Кабинета Петра I²¹. Из других источников он лишь по одному разу ссылался на «Статейные списки посольства» и столбцы из «Цесарских дел» МГАМИД²². Причем он указывал лишь общее название материалов, например, «дела Цесарские МАМИД», «Кабинет, I, книга № 36», или просто упоминал письмо «к Винуису от 8 апреля» без точной ссылки на дело и лист²³. Подробно С.М.Соловьев не касался ни «Походного журнала», ни официальных государственных актов, а из иностранных авторов использовал лишь Я.Схельтема и публикацию Дж.Эрмани о встрече германских курфюрстин с Петром I, также без указания страниц. Кроме того, автор брал сведения, приводимые Я.Схельтема, без источниковедческого анализа и сопоставления с другими публикациями²⁴. Последнее приводило к искажению фактов, на что указывал еще Н.Г.Устрялов.

Достоинство изложения поездки С.М.Соловьевым заключалось в более взвешенных оценках спорных событий и отходе от преклонения перед авторитетом и личностью Петра I. Историк обращает больше внимания на дипломатические шаги посольства, чем предыдущие исследователи. Он обосновывает взаимосвязь рассматриваемых событий с предшествующим временем, полагая стремление русских людей к перемене мест и поездку самого Петра на Запад общеисторическим движением «нецивилизованных, но исторических, благородных народов к цивилизации»²⁵.

Первая работа, посвященная исключительно пребыванию Петра I за границей, появилась лишь в 1872 г.²⁶ Труд А.Языкова, с исторической точки зрения, не представляет собой ничего нового, так как содержит извлечения из трех работ иностранных авторов, использованных еще Н.Г.Устряловым и С.М.Соловьевым, и из самой «Истории» Н.Г.Устрялова. Сочинение служит популяризаторским целям и поэтому малоинтересно в научном отношении.

Расцвет отечественной исторической науки во второй половине XIX в. способствовал росту публикаций, как источников, так и исследований. Благодаря достаточно либе-

ральной цензуре, в работах большинства исследователей появились демократические тенденции. Установка официальной пропаганды на идеализацию личности Петра I ослабла. Изучение эпохи реформ поднимается на более высокий научный уровень. Развивается критический подход к деятельности самого императора, многие его действия получают негативную окраску.

В качестве примера можно привести мнение историка Н.И.Костомарова. В очерке «Петр Великий»²⁷, при описании рижского инцидента, он принял сторону губернатора Дальберга и отрицательно оценил попытки Петра I проводить разведку крепости.

В 1877 г. была опубликована статья Н.А.Фирсова, касавшаяся английского отрезка путешествия Петра I²⁸. В ней приводился новый фактический материал со ссылкой на личную проверку сведений. Вместе с тем, использование этих фактов в научном исследовании затруднительно, так как автор в основном цитировал или «частные письма», или «английские газеты», или просто «англичан»²⁹. Конкретная информация упомянута лишь дважды – газета «Почтарь» и счет за завтрак и обед Петра I из Бодлейновской библиотеки. Основная же масса «Сведений» Н.А.Фирсова взята из трудов Дж.Тимбса³⁰, которые он ни разу точно не указывал (на неполноту анализа автора позднее обратит внимание А.И.Андреев³¹). Ценность работы состоит, главным образом, в обозначении перспектив будущих исследований. Н.А.Фирсов упоминает неизвестные еще отечественным историкам материалы, которые можно было разрабатывать в заграничных командировках.

С.Н.Шубинский также занимался изучением английской поездки Петра I. Сведения, переданные ему профессором Оксфордского университета Морфилем, позволили открыть новые страницы пребывания царя в Дефтфорде³². Помимо газетной информации, которая уже использовалась предыдущим автором, С.Н.Шубинский впервые цитирует современное письму епископа Дж.Бернета и приводит в приложении документы, связанные с убытками, нанесенными дому Дж.Эвелина, где останавливался Петр I. Впослед-

ствии эти материалы, особенно письмо Дж.Бернета, применяли другие историки, например, М.М.Богословский, А.И.Андреев, но без сопоставления с первоисточниками. Сам автор статьи опубликовал их без каких-либо комментариев, предваряя небольшим популярным очерком о поездке.

Последним исследователем из дореволюционных историков, углублено работавшим в зарубежных архивах по проблемам миссии 1697-1698 гг., был В.А.Кордт. Поездки в Голландию в 1893, 1895 и 1911 гг. позволили ему описать, а затем и издать важные источники, связанные с пребыванием Великого посольства в Европе³³. Так, в 1904 г. он впервые издал на русском языке «Записки...» Я.К.Номена³⁴, а в 1914 г. в одном из своих «Отчетов о занятиях...» в Голландии привел донесения голландского резидента в Лондоне Лермитажа, которые впервые будут использованы лишь в 1947 г. А.И.Андреевым. Однако какого-либо исследования на базе архивных изысканий В.А.Кордт так и не опубликовал.

Таким образом, ценность работ трех последних авторов заключается в упоминании или публикации ряда неизвестных ранее зарубежных источников Великого посольства. Основным же их недостатком остается отсутствие научного анализа новых сведений.

Определенное место данной миссии уделил в своей работе С.Ф.Платонов. Используя наиболее известные труды, он впервые среди отечественных историков подробно описал последствия поездки и показал не только влияние Европы на Россию, но привел характеристику и обратного процесса, то есть воздействия России на Европу³⁵.

Значительное место в историографии Великого посольства занимает одна из глав «Истории Петра Великого» А.Г.Брикнера³⁶. Историк разобрал основные вопросы, связанные с путешествием, сопоставив мнения разных авторов. Помимо трудов Н.Г.Устрялова он использовал иностранные работы, включая публикации документов, основанные на архивных данных. А.Г.Брикнер проанализировал изданные несколькими годами раньше «Статейные списки» посольства и сочинение М.Поссельта «Ф.Лефорт»³⁷. Последнее вводило в научный оборот множество новых материалов из Венского

и Берлинского архивов, в том числе дипломатические послания иностранных представителей в Вене и личные письма адмирала. Известный историк попытался отвергнуть досужие вымыслы о причинах и последствиях поездки, беспристрастно объяснить рижский инцидент. Критикуя Н.Г.Устрялова, Я.Схельтема, он дал выверенный историографический анализ и постарался оценить общеевропейское значение путешествия Петра Великого³⁸. Можно сказать, что это первая попытка научного исследования проблемы. И хотя она не имеет, по мнению Е.Ф.Шмурло, концептуального значения³⁹, ее влияние на последующую историографию Великого посольства, по нашему мнению, не вызывает сомнений.

Приуроченная к 200-летию Великого посольства, в Москве выходит монография М.А.Веневитинова⁴⁰. Она стала первым специальным исследованием, где рассматривалось только Великое посольство, и был представлен подробный анализ источников, особенно зарубежных. Труд был основан на «Речи по поводу первого путешествия Петра Великого, преимущественно в Голландии, соч. Ж.Меермана», опубликованной в 1812 г., и «Посольских книгах» миссии, изданных в «Памятниках дипломатических сношений»⁴¹. Автор подробно разобрал «Речь...», доказав ее оригинальность по сравнению с работами Я.Схельтема, в которых она почти полностью отражена, выявил материалы, которые использовал голландский ученый. М.А.Веневитинов отметил у С.М.Соловьева не критичное отношение к иностранным работам и выделил ряд ошибок Н.Г.Устрялова, касавшихся авторства некоторых сведений «рижского инцидента»⁴². Помимо упомянутых материалов, он использовал, как основные источники, около полутора десятка новых работ и публикаций, среди которых исследования А.Г.Брикнера, Н.Н.Бантыш-Каменского, М.Поссельта, различные варианты «Записной книжки любопытных замечаний великой особы...», привлекая при необходимости около 50 других пособий⁴³. Особенно подробно были исследованы финансовая сторона и дипломатический церемониал посольства. Сравнение с деятельностью Посольского приказа показало, что

Великое посольство было, с одной стороны, ярким примером рутинности и мелкой регламентации посольского этикета Московского царства XVI-XVII вв. с устоявшимся формуляром наказа, различных грамот, статейных списков, приходно-расходных книг, но с другой стороны, проявлением нового европейского мышления со свободой во многих действиях, с упрощенными церемониями, с отсутствием рабской покорности и великодержавного чванства. Вместе с тем, автор отметил и негативные результаты поездки. Он полагал, что по возвращении, считая старый дух и старые формы международных отношений изжитыми, Петр I вводит новые путем «слепого подражания», которые «нередко вместо выгод России принуждены были служить интересам Европы»⁴⁴. В целом, труд М.А.Веневитинова был первой удачной попыткой написать монографию о миссии 1697-1698 гг. с научной критикой опубликованных источников и библиографией.

Последнее значительное исследование о деятельности Петра I в ходе Великого посольства в дореволюционной историографии было опубликовано Е.Ф.Шмурло⁴⁵. Известный историограф Петровской эпохи попытался на примере начальных этапов поездки Петра за рубеж сделать несколько критических замечаний относительно разработанности данной темы. По его мнению, даже первые 28 лет жизни императора, наиболее исследованные к 1900 г., вызывают вопросы. Касаясь лишь относительно небольшого отрезка пути Великого посольства от Москвы и до выезда из Риги, историк привел примеры различных фактических ошибок П.П.Шафирова, Н.Г.Устрялова, С.М.Соловьева, А.Г.Брикнера, критикуя даже «Письма и бумаги имп. Петра Великого», классическую публикацию источников данного периода⁴⁶. Свой анализ он делал на основе лишь изданных материалов («Журнал», «Статьные списки», переписка) и работ историков, в том числе и иностранных. Даже такое сопоставление, без привлечения архивных бумаг, позволило Е.Ф.Шмурло более объективно показать спорные моменты поездки, особенно инцидента в Риге. Автор как бы попытался встать на точку зрения обеих сторон, не обвиняя ту или иную в различных обидах, а стараясь беспристрастно объяснить их по-

ведение⁴⁷. Для аргументации историк использовал и официальные документы посольства, и письма Петра I, и объяснения Э.Дальберга, а также описания состояния Лифляндии в то время. Он сверил их между собой, местами критикуя непроверенные сведения, и, не расставляя четких акцентов, представил материал для размышлений над рижским конфликтом и другими спорными моментами начала путешествия.

Критические заметки известного историка стали определенным этапом в историографии Великого посольства, позволившим перейти от простого описания событий с использованием новых источников к критическому осмыслению накопленных сведений с их источниковедческим и историографическим анализом.

Труды, опубликованные в советское время, можно условно разделить на две группы по аналогии с прошлым временем: специальные работы и обобщающие по всей жизни Петра I или еще большего периода.

К первой группе относится исследование академика М.М.Богословского и ряд статей, речь о которых пойдет ниже. М.М.Богословский скончался в 1929 г., однако его труд, оставшийся незавершенным, увидел свет лишь в 40-е гг. Поездке за рубеж в 1697-1698 гг. был отведен конец первого и весь второй том работы⁴⁸. Подзаголовок исследования — «Материалы для биографии» — указывает на отсутствие в работе оценочных характеристик.

Автор использовал огромное число архивных материалов и основную часть опубликованных. Он так подробно, день за днем, описал ход поездки дипломатической и хозяйственной миссии, что до сих пор не один историк не смог превзойти его. Академик фактически обобщил, за редким исключением, все известные к тому времени документы, бумаги, письма, включив в свои «Материалы» неизвестные ранее дела Австрийского, Английского, Голландского, Прусского, Польского дворов из состава МГАМИД и особенно не вошедшую в «Памятники дипломатических отношений» «Расходную тетрадь» Великого посольства⁴⁹. Он привлек не

только все русские источники и исследования, но и основную массу зарубежных.

Труд М.М.Богословского имеет форму скорее сборника материалов, чем исследования. Здесь нет ни разбора и анализа источников, ни критики предыдущих исследований, хотя некоторые собственные суждения можно найти, например, при описании «рижского инцидента»⁵⁰. Автор обычно ссылаясь на какой-либо материал и сообщал его суть, а в большинстве случаев почти целиком его цитировал или приводил подробные выписки, особенно из ранее неопубликованных бумаг. Самому автору «...хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям»⁵¹.

Статьи, написанные А.И.Андреевым и Н.А.Баклановой, были опубликованы в одном сборнике. Первый автор, а он был и редактором сборника, осветил ход пребывания Петра I в Англии в 1698 г.⁵² Оригинальность данного исследования заключалась не только в избрании небольшого отрезка путешествия для изучения, но и в подробной характеристике источников и историографии, выполненной на высочайшем для того времени уровне. Автор впервые разобрал все доступные ему источники по способу создания и степени достоверности, отдавая предпочтение официальным документам («Походный журнал», донесения посланников в Англии) и мемуарной литературе (труд Дж.Перри). Он уделил много места сопоставлению материалов, имевших одного автора (письма и «Воспоминания» Дж.Бернета) или одну основу (две редакции «Походного журнала», автором более подробной был Г.Гюйссен, и его же «История Великой России»)⁵³. А.И.Андреев сумел не только полностью охватить все источники по английской части поездки Петра I, что сохранит свою актуальность и через 30 лет⁵⁴, но и наметить пути для дальнейшей работы, возможной лишь с открытием для доступа зарубежных архивов. Среди предстоящих объектов исследования можно упомянуть бумаги Гринвичской обсерватории, архив Монетного двора, изучение газетных подшивок тех годов, различных воспоминаний. Сравнение всех источ-

ников с историографией проблемы позволило автору сделать вывод о недостаточном сопоставлении историками русских и зарубежных публикаций, о пропуске некоторыми из них ряда важных документов. В целом, как отмечалось впоследствии, заслуга автора состояла в наиболее полном сборе сведений о пребывании царя в Англии и первом использовании труда Г.Гюйсена «История Великой России», хотя утверждения А.И.Андреева о времени перевода Гюйссеновской редакции «Журнала» вызвали позже критику⁵⁵.

Статья Н.А.Баклановой* ценна тем, что она до сих пор остается единственным источниковедческим исследованием материалов Великого посольства⁵⁶. Работа представляет собой документированное изложение содержания приходно-расходных книг в области, характеризующей бытовую сторону посольства. Автор, подробно разбирая опубликованные и неопубликованные материалы, степень их использования исторической наукой, делает вывод о недостаточности внимания, которое уделялось этому источнику до сих пор⁵⁷. Значение документа увеличивается высокой степенью исторической достоверности, так как к официальным финансовым отчетам в Посольском приказе относились с большой строгостью, что почти исключало какую-либо тенденциозность или искажение фактов. Проанализировав содержание посольских книг № 47 и 48 (приходно-расходных)⁵⁸, Н.А.Бакланова обоснованно доказала их тесную взаимосвязь и необходимость публикации книги № 47, являющейся продолжением книги № 48, вышедшей в приложении к IX тому «Памятников дипломатических сношений»⁵⁹. В целом, работа содержит много новых сведений о процессе влияния Запада на русских людей, о взаимодействии культур обеих сторон.

В 40-е гг. появляется еще несколько трудов о Петре I, где говорится о Великом посольстве, — историков Б.Б.Кафенгауза и В.В.Мавродина⁶⁰. Эти работы носят обобщающий характер, хотя в них есть несколько оригинальных характе-

* Автор статьи известен еще подготовкой и комментированием вышеупомянутой работы М.М.Богословского «Петр I. Материалы для биографии».

ристик. Например, Мавродин выдвигает дипломатические задачи посольства на первое место, напрямую связывая процессы общеевропейской политики с интересами России⁶¹. Хотя он несколько преувеличивает дипломатическое искусство молодого Петра I, положительной стороной работы стало выявление негативных сторон поездки, выразившейся в бездумном привлечении иностранцев и последовавшим далее засилии немцев.

На особенностях влияния на Петра I культурной и духовной сфер и формирования у него художественных взглядов во время первого заграничного путешествия останавливался один из авторов сборника «Культура и искусство Петровского времени»⁶². Помимо чисто культурологических аспектов вопроса, В.Ф.Левинсон-Лессинг разобрал литературу проблемы, касаясь при этом предпосылок отправки посольства. Он отметил, что, несмотря на большое количество фактов, известно далеко не все. По его мнению, привлечение новых источников, а особенно более полное использование косвенных указаний, несомненно, даст возможность узнать и понять многое лучше, чем мы знаем сейчас⁶³. Автор, кратко охарактеризовав источники, расставил их по степени важности для своей темы, считая основными «Статейные списки» посольства и «Юрнал 206 года» в краткой редакции. Более же пространному «Журналу» Г.Гюйсена он дал новую оценку. Впервые отвергается полная достоверность ряда сведений, указанных Г.Гюйсенем, так как они дополнялись из источников, не связанных непосредственно с деятельностью Великого посольства⁶⁴. Критиковались также работы Дж.Меермана, Я.Схельтема, других иностранных авторов. Помимо вышеупомянутых источников и исследований В.Ф.Левинсон-Лессинг использовал «Записную книжку...», «Письма и бумаги Петра Великого»⁶⁵, труды Н.Г.Устрялова, М.А.Веневитинова, П.П.Пекарского, М.М.Богословского, то есть все фундаментальные книги, которые были изданы у нас в стране и за рубежом в связи с первой поездкой Петра за границу. К этому добавилось несколько неопубликованных писем к царю из Кабинета Петра I ЦГАДА. В принципе, работа известного культуроведа была последним исследо-

ванием, в котором давался анализ научной основы трудов о Великом посольстве. Последующие авторы будут использовать старые источники без их критического разбора.

В 80-90-е гг. ввиду гораздо более свободного международного обмена, в историографии Великого посольства становится заметнее тенденция обращения исключительно к дипломатической стороне поездки. Основная масса исследователей, за некоторым исключением, сосредоточивает свое внимание именно на нюансах внешней политики.

Из них наиболее ярким стал труд Н.Н.Молчанова «Дипломатия Петра Первого», выдержавший три издания. Автор сумел показать на богатом фактическом материале широчайший спектр международных отношений того времени. Однако для профессиональных исследователей работа Н.Н.Молчанова представляет меньший интерес, так как в ней совершенно нет указаний на источники. Работа носит публицистический характер и порой излишне превозносит деяния Петра I, принижая значение предшественников и современников первого русского императора.

Чрезвычайно оригинальной, по сравнению с предыдущими, стала монография В.Е.Возгрина, обобщившая сведения о дипломатической истории подготовки и первой половины Северной войны 1700-1721 гг.⁶⁶ Автор, широко привлекая неизвестные ранее материалы отечественных и зарубежных архивов, пытается доказать, что Петр I задумал начать войну за выход в Балтику еще перед началом поездки. Поэтому все путешествие проходило, по его мнению, под влиянием дипломатической подготовки войны со Швецией⁶⁷. С тех же позиций историк пишет о рижском инциденте, о пребывании Петра в Бранденбурге, в Англии, в Голландии. Для доказательства он применяет сведения из неопубликованной «Истории Великой России» Г.Гюйсена, фондов «Русланд» и «Недерланден» датского Государственного архива, ф. 96 «Сношения России со Швецией» РГАДА, ряда зарубежных монографий, малоизвестных отечественным историкам.

Однако исследование вызывает некоторые критические замечания, упомянутые позже в работе Н.И.Павленко «Петр

Великий»⁶⁸, явной тенденциозностью отбора фактов. Поставив перед собой заранее определенную задачу, ученый привлек только те материалы, которые бы ее подтверждали, совершенно игнорируя все остальное. Ссылаясь на несохранившуюся тайную инструкцию, он пристрастно рассматривает реальные действия «членов русской миссии в период ее пребывания за рубежом»⁶⁹, тем самым не замечая очевидную деятельность Великого посольства по укреплению антитурецкого союза. Возгрин даже дает иную трактовку давно устоявшимся фактам, оценивая, например, устное соглашение между Петром I и Фридрихом III Бранденбургским как «имевшее силу не меньшую, чем остальные», или избрание в Польше королем Августа II как открытое выступление «против интересов Швеции»⁷⁰. Таким образом, несмотря на новый громадный материал, выводы данной монографии, хотя бы в главе о Великом посольстве, требуют переосмысления или дополнительной аргументации.

В появившейся четырьмя годами позже монографии В.С.Бобылева, поездка в Европу рассматривается в первую очередь со стороны дипломатических целей⁷¹. Работа обращает на себя внимание тем, что сведения о тайной беседе Вильгельма III и Петра I относительно переориентации российской внешней политики используются в ней как общепринятый факт. Приведенные в монографии предыдущего автора материалы о прямом совете английского короля Петру I «закончить войну с Турцией и обратить свои взоры на Прибалтику»⁷² требуют полноценного источниковедческого анализа. Применение их без какого-либо комментария противоречит научной методике исторических исследований.

Постепенное накопление данных о дипломатической стороне поездки требовало органического включения их в историю всей внешнеполитической службы России. Этой задаче была посвящена статья Г.А.Санина, вошедшая в сборник «Российская дипломатия в портретах»⁷³. Основываясь только на исследованиях советских историков, автор показал не просто деятельность русской миссии на фоне событий европейской политики конца XVII в., а попытался дать динамику изменений ориентации российской посольской

службы, роста ее мастерства и умения прогнозировать ситуацию на примере самого Петра I.

Совершенно неожиданную сторону поездки Петра I за рубеж осветил искусствовед С.О.Андросов⁷⁴. Основываясь на документах, опубликованных Е.Ф.Шмурло⁷⁵, взятых последним из архивов Венеции и Рима, автор сопоставляет их со сведениями из краткой и пространной редакции «Юрнала», трудами Н.Г.Устрялова, М.М.Богословского, и делает вывод о факте кратковременного пребывания Петра I в столице морской республики. Еще М.М.Богословский посчитал ключевые документы, свидетельствующие о поездке, «курьезной ошибкой»⁷⁶. Однако тщательное изучение проблемы, совмещенное с работой в Государственном архиве Венеции, позволило Андросову говорить, что Петр I смог запомнить его «на всю жизнь и получить общее представление об этом удивительном городе»⁷⁷. Такое прямолинейное утверждение весьма спорно, и лишь дополнительные изыскания в архивах Италии и России, а возможно и Ватикана, позволят снять покров тайны с данного эпизода.

Своеобразным итогом разработки большинства проблем, связанных с Великим посольством, стало отражение поездки в работе «Петр Великий» Н.И.Павленко⁷⁸. В третьем, значительно дополненном издании 1994 г. автор обобщил, наряду с широко известной литературой, документальные материалы и монографии последних лет. Основной базой его книги стали опубликованные источники. Из них наиболее часто он цитировал «Письма и бумаги имп. Петра Великого» и «Статейные списки» посольства. Другую часть документов он приводил в изложении Н.Г.Устрялова и М.М.Богословского. Кроме того, для дополнения некоторых сведений автор привлек «Походный журнал» 1698 г., «Поденную записку...»⁷⁹, «Собрание» Ф.Ф.Мартенса⁸⁰, «Записки» Я.Ноомена, публикации в сборниках РИО. Павленко использовал лишь некоторую часть научных работ, ограничившись трудами С.Н.Шубинского, А.И.Андреева, Е.В.Возгринина и Р.Виттрама⁸¹. Он попытался отойти от предвзятости других мнений. Стараясь основываться лишь на документальных источниках, Н.И.Павленко при описании Великого посоль-

ства создал объективную картину деятельности миссии за рубежом. Недостатки монографии заключались в отсутствии характеристики цитируемых публикаций и исследований. Вместе с тем, стремление избегать категоричных оценок и доступность изложения позволили автору написать серьезный труд, интересный как специалистам, так и массовому читателю.

В последние годы в связи с празднованием 300-летия Великого посольства стали появляться новые исследования, нередко базирующиеся на архивных источниках. Обращает на себя внимание статья С.Р.Долговой, опубликованная в одном из номеров «Вестника архивиста»⁸². Автор в рассказе о миссии 1697-1698 гг. упоминает множество неопубликованных материалов, хранящихся в РГАДА. Изложение основных моментов поездки сопровождается цитированием документов, отложившихся в канцелярии Посольского приказа. К сожалению, воспользоваться новой информацией могут только опытные историки, знакомые со всем комплексом бумаг Великого посольства. Отсутствие какие-либо точных сведений об использованных архивных делах и фондах затруднит для большинства исследователей их широкое применение.

Вопросам, связанным с проездом Петра I через Пруссию, посвятил свою монографию калининградский исследователь Г.В.Кретинин⁸³. Он подробно осветил все этапы визита «знатных персон» в Бранденбургское курфюршество, а в специальных приложениях даже опубликовал некоторые документы. Были впервые изданы фотокопии «Приветствия» послам в Тильзите за 12 мая 1697 г. на немецком и русском языках, с переводом на современную орфографию. Украшенная красочными иллюстрациями, книга обладает подробным справочным аппаратом. В целом, работа свидетельствует о высоком научном уровне, которого достигла отечественная историография Великого посольства.

Зарубежная литература вопроса чрезвычайно богата. О Великом посольстве Петра I писали во всех странах, через которые оно проезжало, причем их число увеличивалось историками из других государств. В данном обзоре остановим-

ся лишь на монографиях и статьях, наиболее ярко характеризующих общие тенденции иностранной историографии проблемы.

Первые, заслуживающие пристального внимания, работы были созданы современниками Петра I в начале XVIII в. Они являются скорее источниками по данному периоду, чем исследованиями, так как отражают воспоминания очевидцев. Одна была написана Дж.Перри, английским инженером, приглашенным в ходе Великого посольства на русскую службу. В полном русском переводе она появилась лишь в 1871 г., спустя 155 лет после публикации⁸⁴. В ней сообщалось много новых сведений о пребывании царя в Англии, поскольку автор был свидетелем событий. Остальные эпизоды поездки Петра I и Великого посольства, которые он изредка упоминает, могут использоваться лишь при сопоставлении с другими материалами.

В 1701 г. в Лондоне увидела свет книга барона А.Бломберга, описывающая состояние Ливонии в конце XVII в.⁸⁵ В ней приводилось много свидетельств людей, наблюдавших проезд Петра I с русской миссией через прибалтийские земли.

Работа голландца Я.К.Ноомена была известна в России уже в 20-х гг. XIX в. благодаря многочисленным извлечениям Я.Схельтема. Оригинал же «Записок...» стал доступен отечественным историкам лишь благодаря публикации В.А.Кордта⁸⁶. Некоторые сведения автора, которые теперь известны лишь в его изложении, вызывают сомнения в их правдивости. Поэтому надо крайне осторожно подходить к фактам, сообщаемым Я.К.Нооменом, выясняя их происхождение.

Из предисловия к русскому переводу можно достаточно точно выявить первоисточники голландского автора. Много материалов, приводимых им по слухам, имеют явно легендарный характер. Другую часть «Записок...», написанную со слов односельчан, родственников, просто знакомых Я.К.Ноомена, можно использовать с некоторой долей условности. И, наконец, личным наблюдениям автора можно доверять почти без оговорок⁸⁷. В целом, названные труды за-

рубежных авторов почти не носят вид исследования и могут быть отнесены к мемуарной литературе.

Исследование Я.Схельтема, голландского ученого, — первый научный, с большими, правда, оговорками, труд, посвященный исключительно путешествию Петра I. Начиная с середины XIX в., а работа впервые увидела свет в 1814 г., ее привлекали как дополнительный источник все серьезные отечественные историки. На русском языке из нее печатались лишь отрывки под названием «Петр Великий, Император России, в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 гг.»⁸⁸. Однако только последняя публикация носила фундаментальный характер. Она составила перевод основной части книги Я.Схельтема, осуществленный А.С.Лацинским.

Труд исследователя из Голландии был основан на трех группах источников: «Записки...» Я.К.Ноомена и «Записная книжка» К.Кальфа, заандамского коммерсанта; устные предания, слухи; печатные труды XVIII — начала XIX в., среди которых известная «Речь...» Дж.Меермана⁸⁹. Я.Схельтема достаточно точно изложил пребывание Петра I в Европе, если смотреть на указанные материалы. Однако он не подверг их какой-либо критике, хотя многое носит явно легендарный характер, и почти нигде не указал точно первоисточники тех или иных фактов. Работа почти целиком является переложением использованных бумаг, на что указывал еще М.А.Веневитинов⁹⁰.

Почти одновременно с отечественной полемикой славянофилов и западников на Западе наблюдался всплеск интереса к Петру I. Переводится на французский язык сочинение Дж.Меермана, которое выходит в 1842 г. В 30-е гг. почти одновременно в Лондоне и Нью-Йорке издается исследование Дж.Барроу о жизни Петра I⁹¹. В нем достаточно полно были изучены, а частично и опубликованы материалы английской прессы, современной пребыванию императора в Великобритании.

Другой тип источников (дипломатическая переписка) активно использовался в работе историка Ц.Задлера⁹². Особенно много места автор уделил посланиям австрийских представителей в Англии: резидента Хофмана и чрезвычай-

ного посланника графа Ауэрсперга. Он почти целиком привел их депеши за январь-апрель 1698 г.

Попытку обобщить сведения о Петре I предпринял в 1884 г. историк Е.Шулер⁹³. На основе не только западных, но и большинства российских исследований (труды Устрялова, Брикнера, Соловьева, Пекарского⁹⁴, Герье⁹⁵) он создал крупнейший в XIX в. зарубежный труд, описывающий эпоху выхода России на международную арену. Автор попытался отойти от одностороннего подхода к истории Великого посольства, отказавшись от апологетической оценки. Шулер сопоставил различные виды источников (официальные документы, переписку, мемуары), взяв за основу публикацию Ламберти⁹⁶, перепечатки из трудов Эрмана⁹⁷, Задлера, мемуаров Бернета и Эвелина, архивные документы из Австрии⁹⁸. Причем он постарался подтвердить все факты материалами российского происхождения, цитируя письма и бумаги самого Петра I, «русские официальные документы»⁹⁹. По объему и количеству использованных трудов и публикаций монография Е.Шулера в течение нескольких десятилетий за рубежом не знала себе равных. А сведения из нее до сих пор привлекаются различными исследователями в качестве первоисточника.

Среди трудов XIX в. стоит упомянуть еще два, совершенно разноплановых по объему и характеру. Один из них затрагивает Великое посольство в контексте истории целой европейской страны, другой рассказывает лишь об одном из эпизодов поездки 1697-1698 гг.

Автором первой был английский историк Т.Б.Маколей. Его труд по истории Великобритании получил широкую известность в XIX в. В нем, описывая годы правления английского короля Вильгельма III, он ведет речь и о Великом посольстве. По его мнению, поездка Петра I имела огромное значение, став «эпохой в истории не только его страны, но и нашей, и всего человечества»¹⁰⁰. При описании жизни царя в Лондоне Т.Б.Маколей основывался исключительно на зарубежных источниках, что вносит в его рассказ налет некоторой пренебрежительности, усугубляемой пристрастием к анекдотическим случаям. Из официальных документов им

были взяты лишь донесения европейских посланников в Лондоне Ван Ситерса и Лермитажа, основную же массу сведений он почерпнул из газет и мемуаров Дж.Эвелина и епископа Дж.Бернета¹⁰¹. Все материалы английский историк использовал без какого-либо анализа, принимая на веру все утверждения.

Более значительной в источниковедческом плане оказалась работа А.Бергенгруна, где описывался проезд Петра I и Великого посольства через Лифляндию¹⁰². Работа построена на богатом фактическом материале с кратким описанием во введении цитируемых публикаций и монографий. Помимо известных трудов П.П.Шафирова, И.И.Голикова, Н.Г.Устрялова, сборника Ламберти автор привлек ряд малоизвестных работ немецких авторов и неопубликованные материалы из библиотеки Ливонии и Рижского городского архива. Часть документов он привел в приложении: пребывание Великого посольства в Риге, «Отчет» городских властей о составе миссии и ходе ее проживания, переписка губернатора Э.Дальберга с должностными лицами в Стокгольме¹⁰³. Полнота охвата проблемы и наличие приложенных первоисточников способствовали широкому использованию данного исследования многими отечественными и зарубежными историками.

В первой половине нашего века наблюдается некоторый спад числа публикаций о Великом посольстве. Работы, включавшие всю биографию императора, не вносили ничего нового в источниковедческом плане, хотя в некоторых и появлялись оригинальные характеристики первого заграничного путешествия Петра Алексеевича¹⁰⁴. Среди специальных работ также не появилось ничего примечательного. Диссертация голландского историка Б.Раптшинского касалась лишь части пребывания Петра Великого в Голландии¹⁰⁵. Причем автор брал за основу известные источники, не привлекая новых. Немецкий ученый В.Ханц создал труд, интересный с точки зрения эволюции деятельности Петра в период между поездками 1697-1698 и 1716-1717 гг.¹⁰⁶ Второе путешествие показано здесь через призму первого. Однако автор ограничился опубликованными материалами.

В послевоенное время ситуация в корне меняется. В 50-60-е годы в Европе и Америке появляется большое количество как общих, так и узкопроблемных исследований. В первую группу входят около десятка работ, из которых серьезными научными достоинствами обладают лишь две. Первая принадлежит перу английского историка Д.Грея¹⁰⁷. Обратившись к теме поездки Петра I в Европу еще в 1956 г.¹⁰⁸, через четыре года он выпускает полное жизнеописание императора. Как и все биографы Петра I, автор рассматривал пребывание Великого посольства на Западе лишь через деятельность самого царя. Описание событий носит научно-популярный характер, так как основано на наиболее известных трудах и публикациях. Главными источниками Д.Грея были исследования Устрялова, Богословского и «Письма и бумаги имп. Петра Великого». В дополнение он привлекал работы Маколея, Бломберга, Герье, Б.Самнера¹⁰⁹, Соловьева. Неизвестные материалы использовались лишь в рассказе об английском отрезке путешествия. Историк процитировал несколько писем современников из Бодлейновской библиотеки и «Вахтенный журнал Хамбера» (The Log of the Humber) из Национального морского музея в Гринвиче¹¹⁰. Из недостатков работы можно отметить два неправильных указания автора на статью А.И.Андреева и отсутствие источниковедческих характеристик.

Другое исследование, по оценкам большинства историков, является «самой серьезной работой о Петре Великом, вышедшей на Западе»¹¹¹. Немецкий ученый Р.Виттрам, написавшей ее, основывался на громаднейшем фактическом материале, почерпнутом из разноязычной литературы¹¹². Описывая Великое посольство, автор привлекал сведения из всех известных к тому времени русских (опубликованных) и европейских (в том числе и архивы) источников и исследований. Он собрал и использовал все изданные материалы, где упоминалось Великое посольство или приводился какой-либо документ, связанный с ним. Виттрам ввел в научный оборот часть неизвестных ранее бумаг из Государственного архива Швеции, Венского государственного архива, ряда частных архивов Германии, Италии, Англии. Пространные

примечания помогают понять отдельные вопросы источниковедческого и историографического свойства. Вместе с тем, у Р.Виттрама не найти глубокого анализа источников и какой-либо их классификации.

В последние десятилетия число общих работ о России конца XVII – первой четверти XVIII в. не уменьшилось. Однако изменилось их качественное своеобразие. Введение в оборот новых материалов пошло на спад, так как зарубежная база в основном оказалась исчерпанной. Количество же исследований, авторы которых отталкивались от известных фактов и пытались дать оригинальные трактовки и выводы, наоборот, выросло. Среди таких книг можно отметить биографии М.Андерсона¹¹³, А.Джонджа¹¹⁴, Р.К.Масси¹¹⁵. Хочется выделить последнюю работу, изданную на русском языке в 1996 году. Она является типичной для цивилизационного подхода к истории. Написанная ярким публицистическим языком, монография обладает научными достоинствами в виде ссылок на известную литературу и публикации. Автор попытался рассказать о Великом посольстве не с точки зрения одной из сторон, а совместить основные русские и зарубежные источники проблемы, давая, по возможности, объективную картину¹¹⁶. Он сумел освободиться от пристрастного отношения к России и, не деля ход истории на русский и европейский пути, постарался осознать и передать читателям единство мира того времени, в котором найдется место для любой страны.

Наибольшее число работ, затрагивавших отдельные проблемы поездки 1697-1698 гг., приходится на послевоенные десятилетия. Причем их число распределено достаточно неравномерно: английскому отрезку путешествия посвящено шесте статей, а остальным вопросам всего три.

Один из авторов, Л.Левенсон, на основе малоизвестных английских материалов изучает пребывание Петра I в Лондоне, описывает его встречи с Вильгельмом III и известным химиком М.Стрингером¹¹⁷. В своих статьях Левенсон вводит в научный оборот ряд новых источников, среди которых поэма Стрингера, дневники Н.Летрелла. Он анализирует их и

выясняет дополнительные детали визита русского царя в Великобританию.

Публикации неизвестных источников были посвящены статьи Е.Двойченко-Маркова и А.М.Крино. Первый, разбирая встречи Петра I с квакерами, привел отрывки из бесед будущего императора с деятелями этого движения по английским первоисточникам и целиком процитировал письмо У.Пенна¹¹⁸.

Второй продолжил поиски дипломатических документов, связанных с английской поездкой. В Государственном архиве Флоренции он обнаружил несколько донесений флорентийского агента в Лондоне Т.Платта к А.Бассети, секретарю правительства Медичи. Разбору и изданию данных писем и была посвящена его работа¹¹⁹.

Авторы двух оставшихся статей обращаются к Великому посольству как к отдельному историческому явлению. Л.Р.Левиттер рассматривает его в контексте взаимоотношений России и Польши по балтийскому вопросу¹²⁰. А Р.Виттрам дает подробную хронику всех событий¹²¹. Последняя статья посвящена одному из самых спорных вопросов поездки 1697-1698 гг. — «рижскому инциденту»¹²². Все три базировались на старых источниках и интересны лишь в историографическом плане.

Из всего вышесказанного осознается неравноценный интерес исследователей к разным видам источников. Наибольшей популярностью пользовались материалы мемуарного и эпистолярного жанра. Они первыми начинают использоваться историками и оказываются, в связи с этим, наиболее изученными. Не меньший интерес вызывали официальные акты и грамоты, как имевшие важное значение не только для данного исторического периода, но и для последующих времен. Из делопроизводственных документов основное внимание обращалось на посольские книги и Походные журналы Петра I, как на сборники достоверных фактов о поездке. Сама же структура источников, сопоставление их по видам, систематизация остались не востребованными в качестве предмета изучения. До сих пор не существует ни одной работы, преследовавшей бы цель выявления исторической дос-

товерности разных материалов и их источниковедческой характеристики.

В итоге напрашивается вывод о необходимости дополнительного анализа источников Великого посольства, а особенно делопроизводственных документов. Следует обратить внимание на материалы, связанные с деятельностью Посольского приказа в последние годы его существования. Их тщательное изучение возможно позволит доказать отсутствие упадка в деятельности российского дипломатического ведомства, умение поддерживать престиж государства. Веками отработанные методы ведения переговоров, система сохранения традиций еще не выработали своего практического ресурса и могли с успехом использоваться в практике международных сношений. На примере материалов миссии 1697-1698 гг. видно, что нестандартный подход Петра I к проблемам взаимодействия России и Европы далеко не всегда себя оправдывал.

-
- ¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 16, 25; Копия: Ф. 156. Оп. 1. Д. 155.
 - ² Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 г. СПб., 1788.
 - ³ *Номен Я.К.* Записки о пребывании Петра Великого в Нидерландах в 1697/98 и 1716/17 гг. Киев, 1904.
 - ⁴ *Burnet G.* (Bishop of Salisbury). History of his Own Time. 6 vols. Edinburgh, 1753.
 - ⁵ *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn, with an Introduction and Notes by Austin Dobson. 3 vols. London, 1906.
 - ⁶ *Perry J.* The State of Russia under the Present Tzar. L., 1716. Русский перевод — *Перри Дж.* Состояние России при нынешнем царе / Пер. с англ. княжн. О.М.Дондуковой-Корсаковой. М., 1871.
 - ⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 10.
 - ⁸ *Шафиров П.П.* Разсуждение какие законные причины его величество Петр Великий к начатию войны против короля Карла XII... имел... СПб., 1722.
 - ⁹ *Шмурло Е.Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. № 5. С. 76.
 - ¹⁰ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. III. С. 390.

- 11 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрейшего преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е. М., 1837. Т. I. С. 101, 108-134, 297-528, 539-545.
- 12 См.: там же. Т. I. С. 319, 323, 337, 338, 347-353 и др.; Т. XIV. М., 1843.
- 13 Там же. Т. I. С. 476-478.
- 14 Там же. С. 317, 400, 15, 108.
- 15 См.: там же. С. 339-343.
- 16 Там же. С. 339.
- 17 Устрялов Н.Г. Указ. соч. Тт. I-IV, VI.
- 18 Там же. Т. III. С. 93-94; Приложение I. № 3, 4, 28, 30, 42.
- 19 Там же. С. 11, 27, 34-61, 98.
- 20 См.: там же. Т. I. Введение.
- 21 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Мысль, 1992. С. 531, 532, 536, 537.
- 22 Там же. С. 539, 524.
- 23 Там же. С. 632-634, 551.
- 24 Там же. С. 524.
- 25 Там же. С. 523.
- 26 Языков А. Пребывание Петра Великого в Сардаме и Амстердаме в 1697 и 1698 г. Берлин, 1872.
- 27 Костомаров Н.И. Петр Великий // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III.
- 28 Фирсов Н.А. Английские сведения о пребывании Петра Великого в Лондоне // Древняя и новая Россия. 1877. № 9. С. 75-77.
- 29 Там же.
- 30 См.: *Timbs J.* London and Westminster. L., 1868.
- 31 Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. ст. М.; Л. 1947. С. 64.
- 32 См.: Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. Изд. 5-е. СПб., 1908. С. 12-26.
- 33 См.: Кордт В.А. Отчет о занятиях в Голландских Архивах летом 1893 г. СПб., 1895; он же. Отчет о занятиях в Государственном архиве в Гааге летом 1911 г. СПб., 1914.
- 34 Номен Я. К. Указ. соч.
- 35 См.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории // Соч. в 2-х т. Т. I. СПб., 1993. С. 489-494.
- 36 См.: Брикнер А.Г. История Петра Великого. Т. I. М., 1996. С. 153-190.
- 37 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1867-1868. (Далее — Памятники...). Т. VIII, IX; *Posselt M.* Der General und Admiral

- Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte Peter's des Grossen. Frankfurt am Main, 1866. В. 2. S. 373-501.
- 38 *Брикнер А.Г.* Указ. соч. С. 153-155, 159, 174, 187-190.
- 39 *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. С. 60.
- 40 *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697-1698 гг. М., 1897.
- 41 См.: Памятники... Т. VIII, IX.
- 42 *Веневитинов М.А.* Указ. соч. С. 13-14, 45, 50.
- 43 Там же. С. 5.
- 44 Там же. С. 191.
- 45 См.: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч.
- 46 Там же. С. 55-57, 66, 69.
- 47 См.: там же. С. 71-95.
- 48 *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1940-1948. Т. I, II.
- 49 См.: РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 47, 35, 50, 74, 79.
- 50 См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 20 -33.
- 51 Там же. Т. I. С. 10.
- 52 *Андреев А.И.* Указ. соч.
- 53 Там же. С. 65-67.
- 54 См.: *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 5-36. Прим. 18.
- 55 Там же. Прим. 15.
- 56 *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697-1698 гг. (Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. ст. С. 3-62.
- 57 Там же. С. 5.
- 58 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 47, 48.
- 59 См.: *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 11.
- 60 См.: *Кафенгауз Б.Б.* Внешняя политика России при Петре I. М., 1942; *он же.* Петр I и его время. 1672-1725. М., 1948; *Мавродин В.В.* Петр I. М., 1945; *он же.* Петр Первый. Л., 1948.
- 61 *Мавродин В.В.* Петр Первый. С. 100.
- 62 *Левинсон-Лессинг В.Ф.* Указ. соч.
- 63 См.: Там же. С. 6.
- 64 Там же. С. 7.
- 65 См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1.
- 66 *Возгрин Е.В.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697-1700 гг. Л., 1986.
- 67 Там же. С. 70.

- 68 См.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 65.
- 69 *Возгрин Е.В.* Указ. соч. С. 65.
- 70 Там же. С. 67.
- 71 *Бобылев В.С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990.
- 72 Там же. С. 25.
- 73 *Санин Г.А.* Петр I — дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В.Игнатъева и др. М., 1992. С. 14-47.
- 74 *Андросов С.О.* Петр I в Венеции // ВИ. 1995. №3. С. 129-135.
- 75 См.: *Шмурло Е.Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1695-1700. Юрьев, 1903.
- 76 *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 536.
- 77 *Андросов С.О.* Указ. соч. С. 134.
- 78 *Павленко Н.И.* Указ. соч.
- 79 Журнал, или Поденная записка имп. Петра Великого. СПб., 1770. Ч. I.
- 80 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. СПб., 1874; Т. 5. СПб., 1880.
- 81 *Wittram R.* Peter I, Czar und Kaiser: zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. V. 1-2. Göttingen, 1964.
- 82 *Долгова С.Р.* Великое посольство России в Европу: 1696-1698 гг. (по документам Российского государственного архива древних актов) // Вестник архивиста. 1997. № 3 (39). С. 35-46.
- 83 *Кретинин Г.В.* Прусские маршруты Петра Первого. Калининград, 1996.
- 84 *Перри Дж.* Указ. соч.
- 85 *Blomberg B.* An Account of Livonia. London, 1701.
- 86 *Номен Я.К.* Указ. соч.
- 87 Там же. С. 8-10.
- 88 См.: Дух Журналов. 1816. № 11-13; Сын Отечества. 1822. № 47, 48; РС. 1916. № 1-5.
- 89 Анализ источников по: РС. 1916. № 1. С. 5-6; *Веневитинов М.А.* Указ. соч. С. 13-15.
- 90 *Веневитинов М.А.* Указ. соч. С. 14-16.
- 91 *Barrow J.* Memoir of the Life of Peter the Great. L., 1832; N.Y., 1834.
- 92 *Sadler C.* Peter des Grosse als Mensch und Regent. St. Pet., 1872.
- 93 *Schuyler E.* Peter the Great. Emperor of Russia. 2 vols. London, 1884.
- 94 *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.

- ⁹⁵ *Герье В.И.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871.
- ⁹⁶ *Lambert G.* Memoires pour servir a l'histoire du XVIII siecle. V. I. 2-me edition. Paris, 1781.
- ⁹⁷ *Erman J.* Memoires pour servir a l'histoire de Sophie Charlotte. Berlin, 1801.
- ⁹⁸ Archiv für sächsische Geschichte (1873), XI. P. 137 ff.
- ⁹⁹ *Schuyler E.* Op. cit. V. I. S. 352, 359, 375, 382.
- ¹⁰⁰ *Маколей Т.Б.* Полн. собр. соч. Т. XIII. СПб., 1865. С. 61.
- ¹⁰¹ Там же. С. 68.
- ¹⁰² *Bergengrün A.* Die grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland. Riga, 1892.
- ¹⁰³ Ibid. S. 73-95.
- ¹⁰⁴ См. например: *Graham S.* Peter the Great. L., 1929; *Kersten K.* Peter de Grosse. Amsterdam, 1935.
- ¹⁰⁵ *Raptschinsky B.* Peter de Groote in Holland in 1697-1698. Phil. Diss. Amsterdam, 1925.
- ¹⁰⁶ *Hinz W.* Peter des Grossen Anteil an der Wissenschaftlichen und Künstlerischen Kultur seiner Zeit. Breslavl, 1933.
- ¹⁰⁷ *Grey I.* Peter the Great. Emperor of all Russua. Philadelphia-New York, 1960.
- ¹⁰⁸ *Grey I.* Peter the Great in England // History Today. 1956. № 6. P. 225-234.
- ¹⁰⁹ *Sumner B.H.* Peter the Great and the Emergence of Russia. L., 1950.
- ¹¹⁰ *Grey I.* Peter the Great. Emperor of all Russua. P. 118, 119, 121, 459.
- ¹¹¹ *Павленко Н.И.* Указ. соч. С. 65.
- ¹¹² *Wittram R.* Op. cit.
- ¹¹³ *Anderson M.S.* Peter the Great. L., 1978.
- ¹¹⁴ *Jonge A.* Fire and Water: A life of Peter the Great. L., 1979.
- ¹¹⁵ *Массу Р.К.* Петр Великий. В 3-х т. Смоленск, 1996.
- ¹¹⁶ Там же. Т. 3. Библиография.
- ¹¹⁷ *Loewenson L.* The first interviews between Peter I and William III in 1697: Some neglected English materials // Slavonic and East European review. 1958. V. 36. № 87. P. 308-316; People Peter the Great met in England. Moses Stringer: chymist and physician // Ibid. 1958. V. 37. № 89. P. 459-468; Some details of Peter the Great's in England in 1698: Neglected English materials // Ibid. 1962. V. 40. № 95. P. 431-443.
- ¹¹⁸ *Dvoichenko-Markov E.* William Penn and Peter the Great // Proceedings of the American philosophical society. Philadelphia, 1953. V. 97. №1. P. 12-25.
- ¹¹⁹ *Crino A.M.* La visita di Pietro il Grande in Inghilterra dalle lettere di Thomas Platt ad Appolonio Bassetti // Nuova rivista storica. Milano, 1953. Sett.-dic. P. 439-449.

- ¹²⁰ См.: *Lewitter L.R.* Russia, Poland and the Baltic, 1697-1721. // *Historical Journal*. 1968. № 11.
- ¹²¹ *Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. 1955. B 3. H. 4. S. 373-403.
- ¹²² *Isberg A.* Erik Dahibergh och tsar Peters västeuropeiska resa // *Svio-Estonica*. Lund, 1962. V. 16. H. 7. S. 52-72.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ О МАЛОЯРОСЛАВЕЦКОМ СРАЖЕНИИ 12 ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА

Битва у Малоярославца, состоявшаяся 12 октября 1812 г., занимает важное место в событиях того времени. Именно она положила начало мощному контрнаступлению русской армии, завершившемуся поражением французов и освобождением территории России от неприятеля.

В данном сообщении дается обзор и раскрываются основные принципы издания документов, освещающих подготовку, ход и последствия малоярославецкого сражения, напечатанных в сборнике: «Малоярославец в Отечественной войне 1812 года»¹, подготовленном сотрудниками государственного архива Калужской области (ГАКО) и Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 года к 180-летию сражения. Этот сборник не только расширяет наше представление об элементах источниковой базы по избранной теме, но и в известной мере позволяет судить об уровне археографической культуры публикаций, выходящих на местах.

Сборник включает 53 разных по происхождению, характеру, специфике отражения действительности, объему, наконец, информативности документов. Особенностью издания является то, что в него, помимо выявленных составителями в фондах ГАКО 15 документов, впервые вводимых в общественно-исторический оборот (№ 2, 24, 30, 32-40, 43-45), включены материалы, ранее опубликованные в трех дореволюционных краеведческих изданиях² – 28 документов (№ 1, 3-17, 19-23, 25-29, 31, 53) и газете «Калужские губернские ведомости» (КГВ) – 8 документов (№ 18, 41, 42, 46-50). К этой же группе материалов составителями причислены два протокола заседаний Калужского земства, касающиеся его участия в торжествах, посвященных 100-летию сражения (№ 51, 52).

Содержащиеся в сборнике архивные материалы извлечены из четырех фондов: Канцелярии калужского губернатора (Ф. 32. № 2, 24, 30, 32-36, 39, 44), губернского правления (Ф. 62. № 38, 45), губернского дворянского собрания (Ф. 66. № 40, 43) и малоярославецкого уездного казначейства (Ф. 355. № 37).

Материалы сборника систематизированы по тематико-хронологическому принципу и распределены по трем главам. Документы, включенные в первую главу, охватывают период с 24 августа по 12 октября 1812 г. (исключение составляет лишь документ № 18 — очерк из КГВ о последствиях сражения, датированный составителями 16 октября 1885 г., содержание которого также связано с описанием картины города в октябрьские дни 1812 г.); вторую — с 18 октября 1812 г. по 19 июня 1835 г.; третью — с 26 февраля 1836 г. по 1912 г.

В первой главе опубликовано 18 документов, характеризующих состояние губернии, г. Малоярославца и уезда накануне сражения и бой 12 октября 1812 г. Здесь, в частности, напечатана копия письма командующего всеми действующими армиями М.И.Кутузова гражданскому губернатору П.Н.Каверину с объявлением Калужской губернии на военном положении (№ 2); рапорты малоярославецкого городничего начальнику губернии о мерах, принимаемых для охраны города (№ 1), об угрозе приближения неприятеля к Калужской губернии (№ 3), об эвакуации жителей из Малоярославца (№ 6); рапорт калужского губернатора М.И.Кутузову о взятии города французами (№ 14); материалы губернской прессы, освещающие ход сражения (№ 17) и др.

Во вторую главу включено 20 документов (№ 19-38), описывающих последствия боя за Малоярославец: предписания разных должностных лиц — губернатора, вице-губернатора, уездного предводителя дворянства и др. об очищении города после сражения (№ 19), о восстановлении уездных учреждений, почтовых станций и захоронении тел убитых (№ 20), о возвращении к своим обязанностям уездных чиновников (№ 22); ведомости об изъятом у священнослужителей Малоярославецкого уезда имуществе и продовольствии частями русской армии в период военных дей-

ствий (№ 31); извлечение из ведомости о причиненном населению города ущербе нашествием неприятеля (№ 35); рапорт протоиерея Казанского собора Л.Дмитриева о разорении и осквернении французами церквей и собора в городе (№ 23); донесение предводителя дворянства Малоярославецкого уезда А.С.Белкина начальнику губернии о погребении убитых в сражении воинов и помощи раненым (№ 24); предписание калужского вице-губернатора И.Е.Комарова предводителю дворянства Белкину о доставке больных и раненых в Калугу (№ 25); рапорт губернского предводителя дворянства В.И.Тимирязева вице-губернатору Ф.П.Загрязскому о получении и распределении благотворительных средств среди жителей Малоярославца и Боровска (№ 30) и т.д.

В третью главу издания включено 15 документов (№ 39-53), не имеющих прямого отношения к событиям военного времени. Они аккумулируют разнообразные сведения, в том числе свидетельства участников событий о возведении мемориальных сооружений в честь победы русского оружия у г. Малоярославца и юбилейных торжествах по случаю 100-летия малоярославецкой битвы. Среди них донесение местного городничего гражданскому губернатору И.М.Бибикову о заготовке строительных материалов и отводе места для возведения монумента в память о войне 1812 г. (№ 39); воспоминания очевидца об открытии памятника в Малоярославце 29 октября 1844 г. (№ 41); рапорт малоярославецкой думы в губернское правление (1859 г.) о желании помещика Ф.М.Максимова возвести часовню в память о сражении (№ 44); газетные сообщения, освещающие аналогичные события.

Публикация подготовлена в соответствии с принятыми правилами³. Тексты документов печатаются по современной орфографии, полностью, однако в некоторых случаях даются извлечения. Извлечение той или иной части текста обозначено отточием в тексте, взятым в квадратные скобки, и оговорено в подстрочных примечаниях. Случаи публикации неполного текста оговорены в предисловии. При передаче текста сокращения слов, раскрытые составителями, заключены в квадратные скобки.

Каждый документ имеет свой порядковый номер, заголовок и дату составления, ссылку на место хранения или источник, из которого он взят. Датировка документов приведена по старому стилю. Материалы, датированные только годом, опубликованы в конце соответствующего периода времени вслед за точно датированными документами.

Тексты подавляющего большинства выявленных в фондах ГАКО документальных материалов (№ 24, 30, 32, 34-40, 44, 45) печатаются по подлинникам. По копиям опубликовано всего два документа (№ 2, 43).

Сборник снабжен двумя видами примечаний. Пометы в публикуемых текстах воспроизводятся в подстрочных примечаниях. Необходимые пояснения по содержанию текста помещены в конце издания (исторические примечания) и обозначены арабскими цифрами, подстрочные примечания обозначены звездочкой «*».

В научно-справочный аппарат издания помимо предисловия и примечаний входят помещенные в конце книги: список сокращений, список источников и литературы и перечень опубликованных документов.

Все высказанное относительно приемов издания свидетельствует в целом о соблюдении составителями важнейших методических рекомендаций правил публикации источников. В то же время, ближайшее ознакомление с содержанием документов и примечаниями к ним показывает, что не все аспекты публикаторской методики учтены при подготовке данного издания. Так, не до конца ясно, по какому принципу производился отбор напечатанных ранее документов, какие из них остались невостребованными и почему. Неизвестно, проводилась ли проверка перепечатаваемых текстов с подлинником во избежание повторения неточностей, вкравшихся в первые публикации.

В приводимых в конце книги примечаниях, некоторые из которых носят характер комментария, даны краткие биографические сведения об упоминаемых в документах лицах. Причем о достаточно известных русских и французских военных деятелях (М.И.Кутузов, П.П.Коновницын, А.П.Ермолов, М.П.Платов, Наполеон, Даву и др.) приводятся срав-

нительно подробные сведения, в то время как о лицах менее известных и почти совсем неизвестных, например, некоторых представителях калужской администрации (губернатор, вице-губернаторы, предводители дворянства) сообщаются чересчур лапидарные сведения, как правило, ограничивающиеся указанием на чин, занимаемую должность и время пребывания в ней.

Таково в общих чертах содержание и приемы издания, осуществленные при издании рассматриваемого сборника.

Представляется, что опубликованные в сборнике документы могут послужить хорошим подспорьем к уже изданным, широко известным не только специалистам материалам на ту же тему⁴, в которых некоторые аспекты затронутой проблемы не получили освещения, что позволит более полно воссоздать события, происходившие в осенние дни 1812 г. у г. Малоярославца. Решению этой задачи будет также способствовать продолжение работы по выявлению, отбору и публикации новых документов как в центральных, так и местных архивах.

¹ Малоярославец в Отечественной войне 1812 года. Сб. док. и мат. / Сост. А.А.Безбородов, М.А.Зорина, О.М.Петрова. Малоярославец, 1992.

² В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов / Сост. В.И.Ассонов. Калуга, 1912; Ассонов В.И. Малоярославец и малоярославецкие юбилейные торжества 1912 года. Калуга, 1914; Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. 1812-1912 / Под ред. И.Ф.Цветкова. Вып. 2. Калуга, 1912.

³ Правила издания исторических документов в СССР. Изд. 2-е. М., 1990.

⁴ См., напр.: Калужский край. Документы и материалы. Кн. I. Калуга, 1976; М.И.Кутузов. Сб. док. Т. 2. М., 1951; Т. 4. Ч. 1, 2. М., 1954-1955; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; и др.

Л.С.Рафиенко
(Москва)

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ НЕКРОПОЛЕЙ УРАЛА И СИБИРИ.

(О подготовке к изданию Пермского некрополя)

В наши дни, когда возрождается краеведение и особое значение приобретает изучение памятников прошлого, все более проявляется интерес к отечественным некрополям. Это особенно ярко стало проявляться с начала 1990-х гг. В 1990 г. состоялась научная конференция, посвященная Московскому некрополю (Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана. М., 1991). Одно за другим выходят в свет издания «Некрополь. Кладбища. С.-Петербурга» (Вып. I, СПб., 1992), «Исторические кладбища Петербурга» (СПб., 1993), Ю.Н.Квитницкого-Рыжова «Некрополи Киева» (Киев, 1993), М.Д.Артамонова «Ваганьково» (М., 1991), «Московский некрополь» (М., 1995) и др. Однако эти работы посвящены историческим некрополям столичных городов. Не будем забывать при этом прекрасные дореволюционные аналоги в виде работ В.И.Саитова и Б.Л.Модзалевского¹.

В Российской провинции дело обстоит несколько иначе, особенно в восточных ее регионах. С начала 1990-х гг. на Урале и в Сибири тоже возрождается интерес краеведов к местным некрополям. Так, в Иркутске вышли работы А.В.Дулова² и Э.Г.Павлюченковой³, в Омске — И.Е.Бродского⁴, в Перми — В.С.Колбаса⁵. Все же опубликованные дореволюционные работы как В.В.Шереметевского⁶, Н.Я.Агафонова⁷, В.И.Чернопятова⁸ и др. были посвящены некрополям Европейской России, за исключением статьи Н.Мокеева⁹.

В исследовании некрополей Урала и Сибири можно выделить три периода. Первый период (1880-1910-е гг.) связан с бурным развитием краеведения. К этому периоду можно

отнести рукопись «Пермского некрополя» (1888), составленную генеалогом В.В.Голубцовым. Второй период — это «золотое десятилетие» отечественного краеведения 1917-1929 гг. К этому периоду относятся альбомы рисунков и описание Кунгурского кладбища (г. Кунгур Пермской обл.) и Колыванского кладбища (п. Колывань Алтайского края), сделанные томским архитектором-художником А.Л.Шиловским (1887-1921), материалы которого хранятся в Томске и Москве. В 1920-е гг. краевед, архивист Г.Д.Няшин (1871-1943) сделал фотографии наиболее ценных надгробий Нагорного кладбища в Барнауле, которые ныне хранятся в Государственном архиве Алтайского края. Историк, краевед А.Ф.Палашенков (1896-1971) составил некрополи нескольких кладбищ Омска, а также некрополь Тобольска, рукописи которых хранятся в Государственном архиве Омской области. Однако непродолжительный расцвет отечественного краеведения, закрытие краеведческих обществ, снос в 1930-е — 1960-е гг. ценнейших исторических кладбищ: в Иркутске — Иерусалимского, в Барнауле — Нагорного, в Омске — Бутырского и Казачьего, в Екатеринбурге — Тихвинского, в Перми — кладбища Архиерейского дома, Успенского женского монастыря и многих других не способствовали публикации уже созданных рукописных некрополей. Материалы этих некрополей, хранящиеся в архивах, ждут своих исследователей.

И, наконец, третий период — 1970-1990-е гг. — связан с выборочным обследованием некрополей и выявлением могил деятелей культуры в связи с работой над Сводом памятников в регионах Урала и Сибири. Наиболее ценные могилы были включены в «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР» по областям Пермской, Свердловской, Челябинской, а также Алтайскому краю и Омской области¹⁰. Все это подготовило почву и в начале 1990-х гг. сделало актуальным вопрос об изучении и публикации исторических некрополей. Возникла потребность вновь осмыслить место и роль исторических некрополей в нашей духовной жизни и восстановить их социально-нравственное значение.

Основными компонентами некрополей являются кладбища, захоронения на территории монастырей, вокруг церквей и внутри их, а также братские могилы времен гражданской и Великой Отечественной войн. Здесь захоронены выдающиеся деятели государства, науки, культуры, могилы которых являются ценными мемориальными памятниками не только местного, но и всероссийского значения. Некрополи — это своего рода исторические летописи, отражающие отдельные этапы исторического развития края. Например, могилы декабристов на Завальном кладбище в Тобольске или на территории Знаменского монастыря в Иркутске имеют значение не только для истории этих городов, но и для страны в целом. Даже захоронения рядовых граждан представляют в массе своей черты определенной эпохи, как, например, воинские захоронения времен Великой Отечественной войны или появление на кладбищах аллеи с захоронениями «афганцев».

Большое значение имеет изучение надгробий, имеющих художественную ценность. Ждут своих исследователей художественные надгробия Каслинского кладбища (п. Касли Челябинской области), саркофаг на могиле участника Бородинского сражения Н.А.Теплова (1776-1813) на Егошихинском кладбище в Перми, надгробие на могиле «русского Колумба» Г.И.Шелихова (1747-1795) в Знаменском монастыре в Иркутске и др. Часто художественные надгробия, особенно с уничтоженных кладбищ, становятся музейными экспонатами. Так бюст историка Урала Н.К.Чупина (1824-1882), отлитый каслинскими мастерами, после сноса Тихвинского кладбища экспонируется в краеведческом музее в Екатеринбургe.

Немаловажное значение имеет и изучение эпитафий, которые расцениваются как литературные памятники, отражающие социальные условия и мировоззрение своей эпохи. В целом некрополь представляет собой «родословное древо» города и является ценным источником для изучения генеалогических связей.

И, наконец, изучение некрополей имеет большое воздействие на воспитание у молодежи уважения к своим предкам

и их вкладу в историю и культуру региона. Отсутствие такого воспитания ведет к равнодушию и случаям вандализма на кладбищах. Сохранившиеся рукописи уже утраченных некрополей все равно представляют собой интерес как ценный источник нашего знания исторического прошлого региона и его выдающихся деятелей.

К таким ценным источникам относится «Пермский некрополь», рукопись которого хранится в личном фонде историка литературы, краеведа, профессора Пермского университета П.С.Богословского (1890-1966)¹¹, а черновые материалы в фонде Голубцовых в Екатеринбурге¹². Его автор В.В.Голубцов (1856-1892) — отставной ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, генеалог, краевед, окончил пажееский корпус, участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и был награжден за храбрость орденом Св. Анны 4-й степени, румынским железным крестом за осаду Плевны и др. В 1880 г. он вышел в отставку¹³ и поселился в родовом имении в с. Александровском Красноуфимского уезда Пермской губернии, где у него была великолепная фамильная библиотека. Он увлекся генеалогией и в 1886 г. вместе с В.В.Руммелем опубликовал «Родословный сборник русских дворянских фамилий» (СПб., 1886-1887. Т. 1-2). С 1882 г. он стал заниматься составлением «Пермского некрополя», куда включил захоронения 4 православных кладбищ Перми: кладбища Архиерейского дома, старой и новой частей Егошихинского кладбища и захоронений на территории Успенского женского монастыря, из которых до наших дней частично сохранилось лишь Егошихинское. Во введении он с болью говорит о разрушении ценных старых могил, особенно на кладбище Архиерейского дома, где ныне размещается Пермский зоопарк. В.В.Голубцов включает в некрополь все сохранившиеся могилы XVIII и первой половины XIX в., переписывает с надгробий биографические сведения и эпитафии. Могилы второй половины XIX в. он брал выборочно, преимущественно могилы «тех лиц, имена которых связаны с историей нашего края и города Перми». Он включил также некоторые не сохранившиеся могилы, факт существования

которых и их описание есть в достоверных источниках, на которые он ссылается.

Город Пермь возник в 1781 г. как центр Пермского наместничества на территории поселка Егошихинского медеплавильного завода, основанного в 1723 г. В.В.Голубцов в некрополе берет за основу хронологические рамки 1732-1890 гг., включая в него первые захоронения вокруг Петропавловского собора — старейшего в Перми. Рукопись включает захоронения до 1888 г. Автор планировал довести некрополь до 1892 г., но его внезапная кончина прервала эту работу. Всего в некрополь вошло 640 могил, расположенных в алфавитном порядке, и 59 сносок с пояснениями отдельных эпитафий и биографическими сведениями наиболее известных в Перми деятелей по материалам формулярных списков из архива Пермского губернского правления.

Трудности, возникшие при подготовке к публикации «Пермского некрополя», заключаются в том, что это не окончательный вариант рукописи, а рабочий. В рукописи некрополя есть зачеркнутый текст, приводятся три варианта подзаголовка некрополя, много вставок и сокращений, которые восстанавливаются с трудом.

Кроме того, существует три списка дополнений к некрополю, составленные автором не по алфавиту. Первый из них, очевидно, относится к 1889 или 1890 г. и находится в той же тетради, что и рукопись некрополя¹⁴. Второй составлен по просьбе В.В.Голубцова монахиней Успенского женского монастыря в Перми Миной Евграфовной и включает в себя захоронения на территории монастыря¹⁵. Часть из этих двух дополнительных списков автор успел включить в текст некрополя. И, наконец, третий дополнительный список составлен автором и помечен датой 11 июня 1891 года¹⁶, сведения из которого он не успел включить в рукопись некрополя. Поэтому при подготовке рукописи Пермского некрополя и публикации необходимо решить вопрос о включении дополнений, составленных автором, в текст некрополя.

В.В.Голубцов собрал для некрополя портреты ряда выдающихся деятелей края, но они не сохранились. Автор не успел полностью закончить рукопись «Пермского некрополя»

и тем не менее значение его очень велико. Именно материалы некрополя дают нам сведения о том, что с Пермью связаны своими корнями выдающийся театральный деятель С.П.Дягилев, коллекционер Ф.И.Прянишников, металлург В.В.Любарский, художники братья В.П. и П.П.Верещагины, писательница Е.А.Словцова-Камская, краевед и общественных деятель Д.Д.Смышляев. Здесь были похоронены поэт А.И.Попов, врач Ф.Х.Граль, краевед В.Н.Шишонко и многие др. Сознвая значение «Пермского некрополя» – первого в восточных регионах страны, В.В.Голубцов писал: «Хочется пожелать от души, чтобы по примеру «Пермского некрополя» появились скорее в печати некрополи других городов и монастырей русских. Из числа тех и других в этом отношении посчастливилось пока весьма немногим»¹⁷. Эти слова автора «Пермского некрополя» звучат сегодня очень актуально.

-
- ¹ Саитов В.И. Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1-3. СПб., 1907-1908; Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. 1-4. СПб., 1912-1913.
 - ² Дулов А.В. Городские некрополи // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993. С. 94-117.
 - ³ Павлюченкова Э.Г. Пробный камень нашей нравственности // Земля Иркутская. Иркутск, 1994. № 2. С. 28-30.
 - ⁴ Бродский И.Е. Старейшее кладбище Омска: история и современное состояние // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Омск, 1993. С. 17-19; он же. Исчезнувшие некрополи г. Омска // Памятники истории и культуры Сибири. Омск, 1995. С. 123-127.
 - ⁵ Колбас В.С. Верхнемуллинское кладбище в Перми // Третьи Смышляевские чтения. Пермь, 1993. С. 19-20; он же. Соликамское городское кладбище как памятник истории и культуры // Соликамский ежегодник 1995. Соликамск, 1996. С. 68-72; он же. «Под сим камнем» // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Пермская губерния: история, политика, культура, современность» (к 200-летию образования губернии). Кунгур, 1997. С. 65-66.
 - ⁶ Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914.
 - ⁷ Агафонов Н.Я. Казанский некрополь // Казань и казанцы. Вып. 1. Казань, 1906. С. 58-113.

- 8 *Чернопятов В.И.* Некрополь Крымского полуострова. М., 1910; *он же.* Некрополь // Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7. М., 1912.
- 9 *Мокеев Н.* Иркутское Иерусалимское кладбище // Сибирский архив. 1912. № 12. С. 927-938.
- 10 Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Пермская область. М., 1978; там же. Свердловская область. М., 1983; там же. Челябинская область. М., 1986; там же. Алтайский край. М., 1990; *Рафиенко Л.С.* Памятники деятелей культуры Омской области // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1994. С. 141-156.
- 11 Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф. Р. 973. Оп. 1. Д. 696. Л. 1-74.
- 12 Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 211. Л. 1-41об.
- 13 ГАСО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 190. Л. 15-20об.
- 14 ГАПО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 696. Л. 75-83об.
- 15 Там же. Д. 697. Л. 4-6.
- 16 Там же. Л. 1-3об.
- 17 Там же. Д. 696. Л. 10об.

Ю. П. Глушакова
(Москва)

ПУБЛИКАЦИИ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ О РУССКИХ ХУДОЖНИКАХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

Начиная с 1991 г. в Российской Федерации вышло несколько публикаций по истории русского искусства конца XVIII – первой половины XIX в., в которых вводятся новые визуальные и письменные источники. И хотя в изобразительном искусстве главным предметом исследования являются сами художественные произведения, для их восприятия и интерпретации – что очевидно – крайне важны документальные, эпистолярные и мемуарные материалы, связанные с их историей и судьбой, а также с жизнью и творчеством их создателей.

В данной статье речь пойдет лишь о художниках, которые жили и работали в Италии. Как известно, с начала XVIII в. в Италии совершенствовали свое мастерство многие русские живописцы, ваятели и зодчие. Они были пенсионерами членов императорской семьи, Петербургской Академии художеств, отдельных отечественных меценатов, а с 1820 г. – образованного в России Общества поощрения художников. Итальянскую школу прошли такие выдающиеся мастера, как Феодосий и Семен Щедрины, Федор Матвеев, Орест Кипренский, Сильвестр Щедрин, Самуил Гальберг, Александр и Карл Брюлловы, Михаил Лебедев, Александр Иванов и многие другие. Некоторые из них оставались в Италии и после положенного срока пенсионерства, успешно работали там, добивались признания со стороны местных авторитетов, удостоивались избрания членами итальянских Академий художеств.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на конференции памяти В.И. Буганова, проведенной в октябре 1997 г. по теме «Проблемы публикации источников в Российской Федерации. 1991-1998 гг.».

Случилось так, что Федор Матвеев, Сильвестр Щедрин, Михаил Лебедев, Орест Кипренский, Карл Брюллов и некоторые другие смерть приняли на итальянской земле. Это создало дополнительные трудности для изучения их творчества, поскольку многие их работы, документы об их жизни рассеялись по зарубежным собраниям и в течение долгих лет не были доступны отечественным исследователям.

Однако и те материалы, которые находятся в наших отечественных архивах, также долгое время не привлекали достаточного внимания со стороны историков русского искусства, и только в последние десятилетия дело, можно сказать, начало сдвигаться с мертвой точки.

Обзор новых публикаций по нашей теме начнем с двухтомного каталога живописных и графических работ Ореста Кипренского, подготовленного по материалам юбилейной выставки 1982-1983 гг., которая была приурочена к 200-летию со дня рождения художника и показана в Ленинграде, Москве и Киеве. Каталог, к сожалению, не был издан к моменту проведения выставки и вышел в свет, поступил в продажу и в библиотеки только весной 1993 г., хотя на титульных листах стоят даты 1988 («Живопись») и 1990 («Графика») гг.¹

Составители каталога – научные сотрудники Русского музея и Третьяковской галереи. Научный редактор тома «Живопись» – Г.В.Смирнов, тома «Графика» – Е.Н.Петрова; оба – сотрудники Русского музея.

В качестве одной из главных задач организаторов выставки и составителей каталога ныне покойный Г.В.Смирнов в своей вступительной статье указывал на назревшую в наше время необходимость освободить по мере возможности творческое наследие О.А.Кипренского от приписываемых ему недостоверных вещей. С этой целью живописные произведения были подвергнуты не только традиционному искусствоведческому исследованию, но и анализу с помощью современных физико-химических методов для выявления художественного почерка мастера.

Результаты этой работы поистине сенсационны, потому что они меняют немало устоявшихся представлений о твор-

ческом наследии художника, ставят под сомнение авторство Кипренского в отношении некоторых популярных полотен, десятилетиями приписывавшихся его кисти, вроде так называемого «Автопортрета с кистями за ухом», а также вполне обоснованно показывают, что на этом портрете и «Автопортрете с розовым шейным платком» изображен не Кипренский.

В каталоге опубликованы почти все выявленные к 1982 г. живописные и графические произведения Кипренского из советских и зарубежных государственных и частных собраний. Живописные работы описаны по шести рубрикам. В первой сообщается ее название, дата создания (установленная или предполагаемая), материал, техника, наличие надписей на лицевой и оборотной сторонах произведения.

Затем идут «Технико-технологические данные», где излагаются результаты анализа произведения с помощью физико-химических методов. В следующей рубрике «Собрания, владельцы» прослеживается судьба произведения и сообщается его каталожный номер, если оно находится в музейном хранении.

Рубрика «Выставки» отражает участие картины в общественных показах как у нас в стране, так и за рубежом, а следующая за нею рубрика «Каталоги» документирует это.

Заключает информацию справка-комментарий по истории картины с биографическими данными об изображенном человеке, если речь идет о портрете. Иногда такие справки, довольно значительные по объему, представляют собой небольшие исследования.

Каждое произведение иллюстрируется черно-белой фотографией, а большинство — также рентгенограммами и другими результатами технических исследований.

Каталог со столь полными и исчерпывающими данными о творческом наследии О.А.Кипренского в нашей стране публикуется впервые. Жаль, конечно, что его полиграфическое исполнение, как видно, из-за недостатка средств, далеко не безукоризненное. Книги о живописи с черно-белыми воспроизведениями в наше время почти нигде не издаются.

Научную ценность каталога живописи снижает отсутствие раздела о произведениях О.А.Кипренского, местонахождение которых неизвестно (в томе «Графика» такой раздел есть), а также то, что его составителями и авторами комментариев совершенно не учтена литература, вышедшая за период 1988-1993 гг., поскольку, повторяем, оба тома каталога увидели свет только в 1993 г.² Трудно объяснить и некоторые противоречия в атрибуциях. Не понятно, в частности, почему составители каталога картины, принадлежность которых кисти Кипренского считают сомнительной, оставляют их в списке подлинников (как, например, так называемый «Портрет В.А.Перовского»).

Заметным вкладом в расширение источниковой базы о жизни и творчестве О.А.Кипренского стала вышедшая в 1994 г. публикация «Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников», подготовленная Я.В.Бруком и Е.Н.Петровой³.

Выхода такой публикации давно ожидали и историки русского искусства и широкие круги почитателей таланта О.А.Кипренского, который со времен Константина Батюшкова остается в числе любимых живописцев нашей страны. Ожидали потому, что разбросанность источников о жизни и творчестве художника по отечественным и зарубежным архивам, их невыявленность, трудность для ознакомления из-за того, что многие материалы имеются в рукописях на иностранных языках, крайне усложняют их изучение, отбор достоверных фактов, освобождение жизнеописания Кипренского от несостоятельных гипотез, мифов, а зачастую и просто досужих домыслов, которыми обрастала его биография вплоть до наших дней. Ни с одним русским художником не связано столько загадок, «белых пятен» в биографии, противоречивых суждений, как с Орестом Адамовичем Кипренским. Начать с того, что даже точная дата его рождения (13 марта 1782 г., а не 1783 г., как считалось ранее) стала известна только спустя 102 года после его смерти благодаря разысканиям И.М.Степанова, сообщившим об этом в своем докладе на конференции, посвященной О.А.Кипренскому, которая проходила в 1938 г. в Третьяковской галерее. Но тут

же начинаются загадки. В метрической записи церкви, в которой крестили младенца, было указано, что он — незаконнорожденный. Матерью младенца, которого нарекли необычным именем Орест, была двадцатилетняя Анна Гаврилова, крепостная ямбургского помещика Алексея Степановича Дьяконова, по рождении сына отпущенная вместе с отпрыском на волю. Спустя год с небольшим после этого А.С.Дьяконов «женил» на Анне Гавриловой своего же крепостного человека Адама Карловича Швальбе, но не оставил своими попечениями супружескую чету и распорядился детей новобрачных по рождении считать свободными, а родителям «даровал» освобождение от крепостной зависимости по своей смерти⁵. Мало этого. А.С.Дьяконов в 1788 г. определил отрока Ореста в Петербургскую Академию художеств, засвидетельствовав, что последний — сын Адама Швальбе, хотя собственноручно величал его при этом Орестом Кипрейским⁶ (в документах Академии художеств фамилия Ореста позднее была видоизменена на Кипренский).

Все это вполне естественно натолкнуло уже в начале нашего века исследователей на мысль, что Орест Адамович Кипренский никакой не «законнорожденный сын» Адама Швальбе, как тот заявлял в своем Прощении в Академию художеств⁷, а побочный отпрыск А.С.Дьяконова. Иначе трудно было объяснить заботу и внимание помещика к Анне Гавриловой и ее семье: ведь Дьяконов в завещании даровал вольную только семье Швальбе, а остальных своих крепостных передавал наследникам. Что же касается случаев, когда бары приживали с пригожими крепостными наложницами детей, то их известно великое множество.

Однако версия о А.С.Дьяконове как подлинном отце О.А.Кипренского разделяется не всеми, и по этому вопросу, как и по многим другим, связанным с жизнью и творчеством художника, не утихают споры.

До сих пор нет единого мнения о том, кого же изобразил Кипренский на своей знаменитой картине «Гусар Давыдов»: прославленного поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова, как считалось ранее, или Евграфа Владимировича Да-

выдова, двоюродного брата поэта, как следует из архивных документов и из результатов новейших исследований.

По-прежнему не разгаданы слова Пушкина, обращенные к Кипренскому по поводу портрета, написанного художником: «...ты вновь создал, волшебник милый, меня, питомца чистых муз...»⁸. Что означают эти слова? Что Кипренский воссоздал на полотне живой образ поэта? Или же — что он выполнил его новый портрет? Если так, то — когда живописец портретировал в первый раз Александра Сергеевича и где эти работы?

И не только это. Портрет А.С.Пушкина кисти Кипренского в наше время считается самым лучшим и самым любимым изображением поэта. Но первые биографы поэта уверяют нас, что сам Кипренский не был доволен своим произведением. Так ли это? И возможно ли, что не сохранилось никаких свидетельств об этом в письмах самого художника или в воспоминаниях современников, общавшихся с Кипренским? Знал ли художник о стихотворном послании к нему поэта, в котором так высоко оценивается его портретный шедевр? Шедевр, который, судя по посланию Пушкина, Кипренский намеревался показать на зарубежных выставках, давая тем самым поэту основание надеяться:

*Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впрямь мой будет вид⁹.*

Не до конца даже в наше время отвергнуты слухи о поведении и поступках Ореста Адамовича, навеянные, в частности, путаными воспоминаниями престарелого Ф.И.Иордана о том, что Кипренский будто был причастен к убийству своей натурщицы¹⁰, хотя это совершенно не вяжется с его мягким и добрым характером и опровергается уже одним тем фактом, что художник в Риме не подвергался никаким судебным преследованиям.

Все еще остается загадкой, что же послужило поводом для доносов на Кипренского российских посланников в Риме и Неаполе, что привело к опале художника со стороны двора, продолжавшейся по сути дела до самой его кончины. Был ли это миф или Кипренский действительно имел кон-

такты с участниками итальянского освободительного движения 1820-х годов?

Словом, всевозможных мифов о Кипренском ходило и ходит более, чем достаточно. Ряд исследователей в наше время (Э.Н.Ацаркина, Т.В.Алексеева, Г.Г.Поспелов, В.М.Зименко и другие) сделали многое, чтобы отделить легендарные наслоения от реальных фактов жизни и творчества Кипренского, чтобы построить его достоверную биографию как единственный способ проникнуть в его творческую лабораторию, понять и объяснить его и как художника, и как человека. Но есть истории искусства, которые исходят из того, что легенда и миф, окружающие художника-романтика, не только не мешают его изучению, а должны восприниматься как материал для исследования наряду с его реальным творческим наследием и достоверными фактами биографии. Ибо, пишет современный специалист В.С.Турчин, «искусство для романтика, для Кипренского было формой бытия, частью самой жизни. Художник поэтому стремился к эстетическому освоению своей судьбы. Кипренский «художественно» лепил свою жизнь, подвергался страданиям, кочевал, менял свой облик и фамилию, дарил себя людям и отворачивался от них... Кипренский был личностью романтической, вдохновенно создавшей свою жизнь по тем же художественным законам, по которым он делал свои картины»¹¹. Примерно таких же взглядов придерживается другой ученый Д.В.Сарабьянов, который пишет говоря о Кипренском, что «жизнь его стала своеобразной легендой, мифом, что трудно отличить в этой легенде истинные факты биографии от тех фантастических наслоений, которыми обросла легендарная фигура художника»¹². По мнению В.С.Турчина, Кипренский даже сам занимался мифотворчеством, придумывая на свой счет разные малоправдоподобные истории, «шел на сознательную мистификацию»¹³. Конкретными примерами таких мистификаций В.С.Турчин считает историю с портретом А.К.Швальбе в Неаполе, который, как Кипренский писал в Петербург, местные знатоки приняли за работу Рембрандта или Рубенса, и сообщение Ореста Адамовича об избрании его почетным членом Общества изящных искусств города

Женева, чего, как утверждал исследователь, на самом деле не было¹⁴.

Подтверждают ли архивные материалы столь серьезные обвинения в адрес художника? И устраняют ли они вообще разнобой в изложении фактической биографии Кипренского? Ведь до самого последнего времени даже о дате кончины Кипренского существовали у нас разноречивые сведения. По сообщению русского посольства в Риме художник скончался 12 (по новому стилю – 24) октября 1836 г.¹⁵ Но на надгробной стеле в римской церкви Сант' Андреа делле Фратте, где был погребен Орест Адамович, указана другая дата его смерти – 10 октября 1836 г.¹⁶ Третью дату – 5/17 октября – назвал пожелавший остаться неизвестным один русский собрат Кипренского по искусству в своем письме из Рима в Петербургскую Академию художеств¹⁷. Именно эта дата между прочим как наиболее достоверная и была почему-то принята всеми историками русского искусства, начиная с первых биографов Кипренского.

Анализируемое издание безусловно отвечает острой потребности в собранных воедино письменных источниках, помогающих хотя бы частично устранить фактические ошибки в биографии выдающегося отечественного мастера, отказаться от неподтвердившихся гипотез, внести необходимые уточнения в описания его человеческих качеств, основных вех его жизненного и творческого пути.

В разделе «Переписка» в сборнике опубликовано 35 писем Кипренского и 16 писем к нему за период с 1813 по 1836 г.; в разделе «Документы» – 245 материалов, начиная с записи о его рождении и кончая 1845 г. (письмо о наследстве Кипренского); в разделе «Свидетельства современников» – 243 материала: письма и дневники, мемуары, статьи в старых газетах и журналах, отрывки из публикаций о художнике, авторы которых были либо современниками Кипренского, либо имели возможность знакомиться с ныне утраченными источниками.

Документы публикуются на языке оригинала и сопровождаются переводами на русский язык. Даются переводы и иноязычных вставок в русском тексте документов и писем. В

предисловии составители сообщают, что в «издании принята попытка собрать все известные в настоящий момент материалы о Кипренском»¹⁸. «Письма и документы, — говорится далее в предисловии, — воспроизведены полностью и — в подавляющей своей части — сверены по подлинникам. Обращение к автографам позволило дать полный текст тех писем и документов, которые прежде приводились в сокращениях или отрывках, и исправить неточности, проникшие в предыдущие публикации»¹⁹.

Составители подчеркивают, что значительная часть материалов публикуется впервые, но добавляют, что это не оговаривается в тексте, не объясняя, чем вызвано такое упущение, которое не может не вызывать сожаления. Но основные предшествующие публикации, по их словам, указываются в комментариях.

Комментарии занимают около четверти объема книги, в которой почти восемьсот страниц. Они сделаны на основе справочной и исследовательской литературы, в том числе на иностранных языках, периодических изданий, архивных материалов и т.д. Комментарии значительно облегчают процесс ознакомления с источниками, сообщают большой объем информации по вопросам, затрагиваемым в публикуемых текстах.

Новых писем Кипренского, за исключением его письма А.М.Бакунину от 30 декабря 1813 г., в сборнике не публикуется. Большинство писем полностью или фрагментарно было обнародовано ранее и широко использовалось в литературе о Кипренском.

Новые материалы вводятся в разделе «Документы», особенно из переписки вдовы художника с официальными петербургскими инстанциями.

Большинство материалов раздела «Свидетельства современников» известно по предыдущим публикациям, только небольшая часть из них сообщается впервые.

Итак, позволяют ли собранные в издании источники положить конец спорам и легендам о Кипренском или хотя бы только некоторым из них? Да, действительно с частью необоснованных гипотез и неточностей, искажавших образ

Кипренского как человека и художника, издание позволяет навсегда распрощаться. Составители публикуют протокол об избрании 11 марта 1817 г. Ореста Адамовича почетным членом Женевского Общества изящных искусств (этот институт адекватен существующим в других странах и в Италии, в частности, Академиям художеств), о котором было сообщено авторам издания хранителем Общества Мануэлой Бузино²⁰. Кипренский, стало быть, и не думал фантазировать, сообщая об этом эпизоде А.Н.Оленину. Вовсе не было выдумкой и его известие о том, что итальянские знатоки принимали портрет А.К.Швальбе за работу некоего фламандского мастера. В сборнике публикуются материалы, найденные в римских архивах итальянскими исследователями Клаудио Поппи и Сабиной Ньизи, которые документально подтверждают это²¹.

Документально же исправляется ошибка, повторяющаяся во всех биографиях художника о том, что вдове Кипренского и дочери по его смерти была назначена российскими властями пенсия. Семье художника, как выясняется, в пенсии было отказано на том основании, что он не был государственным служащим²².

Большой интерес представляют и публикуемые в сборнике сведения о библиотеке художника²³, свидетельствующие о широте интересов и пытливости его ума, а также некоторые другие материалы, рисующие обаятельный образ этого замечательного человека.

Однако по спорным моментам, помимо указанных выше, других источников в издании нет. По-прежнему остается открытым вопрос о том, кто был отцом художника: А.С.Дьяконов или А.К.Швальбе. По-прежнему не известно о содержании доносов на Кипренского российских посланников в Риме и Неаполе, повлекших на него опалу двора, потому что эти документы пока не удастся разыскать. По-прежнему нет ясности и в том, что же произошло с натурщицей Кипренского и почему ее смерть все еще бросает тень и на самого Ореста Адамовича. По-прежнему в биографии Кипренского устранены далеко не все «белые пятна», дающие почву для весьма противоречивых мнений и оценок.

И даже составители издания, как видно, не нашли согласия и дали две отдельные вводные статьи, каждая за своей подписью, акценты в которых отнюдь не совпадают. Книгу открывает очерк Е.Н.Петровой «Орест Кипренский в зеркале источников», цель которого, по словам автора, — освободить жизнеописание художника от легенд и непроверенных сведений, кои изобиловали уже в его первых биографиях и «продолжают множиться и в наше время, спустя более полутора столетий со дня смерти художника».

Развенчание мифов Е.Н.Петрова начинается с самого рождения Кипренского, доказывая, что его отцом был А.К.Швальбе и что предположения о причастности А.С.Дьяконова к появлению на свет Ореста появились лишь в начале нашего века как дань романтическому ореолу, окружавшему к тому времени имя художника. В статье решительно отвергается тезис о том, что Кипренский в стремлении к романтическому имиджу сознательно распространял миф о своем полном одиночестве, ибо известно, что он не только общался со своими родственниками, но даже помогал им материально, хотя его контакты с родными и не были частыми, поскольку он с шестилетнего возраста жил вне семьи Швальбе.

Е.Н.Петрова вступает в полемику с некоторыми мемуаристами в лице С.И.Гальберга и Ф.И.Иордана, которые искажают образ Кипренского как личности, обвиняя его в чрезмерном тщеславии, доходившем, якобы, «до полоумия», и строит свой психологический портрет художника на основании широкой палитры более объективных источников. Со страниц ее статьи поэтому встает образ беспредельно преданного искусству мастера, верящего в великое предназначение своего таланта, обаятельнейшего человека, великодушного, доброжелательного к людям, бескорыстного, предельно искреннего, но импульсивного, гордого, независимого, тщательно оберегающего свой внутренний мир, — и в то же время не всегда умеющего построить отношения с сильными мира сего и даже с некоторыми своими коллегами, склонными к конформизму. А именно последние распускали слухи о его «странностях», ибо прямодушие и нелицеприят-

ность Кипренского не укладывались в их представления о нормах общественной морали. По Е.Н.Петровой, линия поведения Кипренского, его поступки определялись его характером и жизненными обстоятельствами, а вовсе не стремлением вписаться в расхожий образ художника-романтика.

Она категорически не согласна с теми, кто допускает мысль о причастности Кипренского к убийству натурщицы, считает это обвинение клеветой на художника.

Статья Я.В.Брука «...Безрассудный Орест» написана с иных позиций, о чем говорит уже один ее заголовок, представляющий собой цитату из письма графа Ф.В.Ростопчина. Автор солидаризуется с теми исследователями, которые исходят из того, что Кипренский не только в творчестве, но и в жизни следовал некоему романтическому стереотипу. Я.В.Брук даже, как кажется, стоит на стороне тех, кто верил, что Кипренский виновен в гибели своей натурщицы. Вот что он пишет по этому поводу: «Ему всегда были ведомы безудержные порывы чувства, состояния, близкие к аффекту, — в эти моменты он мог совершать поступки, казавшиеся безрассудными, едва ли не безумными. Так было на весеннем вахтпараде 1799 года, когда он, семнадцатилетним юнцом, выйдя из строя академистов, бросился в ноги императору Павлу, прося отдать его в солдаты; возможно, подобное иступление он пережил, когда «прехладнокровно» рассказывал Ф.И.Иордану о давней истории — убийстве натурщицы, случившемся в его мастерской — преступлении, которое молва упорно связывала с его именем и которое надолго бросило мрачный, «инфернальный» отсвет на его судьбу»²⁴.

Таким образом, остающиеся «белые пятна» в биографии Кипренского столь велики, что они не позволяют придерживаться единого мнения по спорным вопросам даже составителям самого полного сборника документов о жизни и творчестве этого художника.

Раздел переписки открывает письмо Кипренского от 30 декабря 1813 г., когда ему уже был 31 год и когда он в своем творческом развитии достиг таких успехов, что его назвали любимым живописцем русской публики. Более ранних писем пока не обнаружено, и одно только это красноре-

чиво говорит о трудностях, с которыми сталкиваются исследователи.

Отмеченная лакуна сборника, разумеется, — не упрек составителям, которые свою задачу видели в том, чтобы учесть все известные на момент публикации материалы о Кипренском и действительно собрали их почти все. Однако часть материалов все же оказалась за бортом. Так, они прошли мимо документов о Кипренском и Анне Марии Фалькуччи, найденных автором статьи в архиве Римского викариата, воспроизведенных полностью или использованных в ряде публикаций, которые вышли до сборника и частично цитируются в нем. Благодаря именно этим материалам устанавливается, в частности, точная дата смерти Кипренского: 12/24 октября 1836 г., как об этом свидетельствует запись в «Книге усопших» римской церкви Сант' Андреа делле Фратте, где он похоронен²⁵. В результате из трех дат кончины художника, которые фигурировали ранее, единственно верной оказывается та, что была сообщена в Петербург русским посольством в Риме. Составители указывают правильную дату смерти Кипренского, но ни слова не говорят о документе из Римского викариата, который позволил открыть истину.

Кстати говоря, внимательное ознакомление с этими материалами позволило бы избежать ряда неточностей и ошибок, встречающихся в сборнике. Так, составители полагают, что девичья фамилия жены Кипренского была Фалькаччи²⁶, хотя мы уже имели случай указать, что во всех официальных документах в римских архивах Анна Мария именуется как Фалькуччи²⁷. Составители, надо полагать, неправильно прочитали рукописный текст одного из публикуемых ими документов²⁸ или же столкнулись с элементарной опiskeй. Кстати, Мариучча, как Кипренский называл свою будущую жену, — это ласкательное, фамильярное от Марии, подобно Маше, Машеньке, Марусе у нас. Поэтому составители ошибаются, уверяя, что Мариучча приняла имя Марии, выйдя замуж за Кипренского. Нет, она носила это имя с самого дня своего рождения, вернее крещения, которое состоялось

согласно документам Римского викариата не около 1813 г., как сообщается в сборнике²⁹, а в 1811 г.³⁰

Есть и другие неточности в публикации. Перечислим здесь лишь главные.

Нельзя писать, что А.Я.Италинский и Г.И.Гагарин были посланниками в Ватикане, ибо во времена Кипренского такого государства на политической карте Европы не существовало, а было теократическое Папское государство со столицей в Риме. Ватикан как государство появился лишь в 1929 г. после заключения известных Латеранских соглашений. Точно также нельзя утверждать, что во времена Кипренского было «Российское посольство в Италии»³¹, поскольку Италии как государства тогда еще на географических картах не значилось.

Князь А.М.Голицын, известный портрет которого Кипренский написал в Риме, вопреки тому, что утверждают составители³², никогда не был российским посланником при папском дворе, как, видимо, не был в такой должности при тосканском дворе русский железодельный магнат Н.Н.Демидов³³, хотя сведения об этом проходят в исторической литературе, но они пока не подтверждаются архивными данными. Равным образом Сильвестр Щедрин был не членом Неаполитанской Академии художеств³⁴, а ее почетным профессором, как он сообщал своим родным в письме от 27 февраля 1829 г., воспроизведя по-итальянски полный текст полученного им тогда диплома³⁵.

Заметим также, что Кипренский был не советником, а членом-корреспондентом Неаполитанской Академии, как об этом ясно и четко сказано в итальянском тексте его диплома³⁶. Термин «советник» почему-то появляется в переводе, который сопровождает текст диплома. Но такой перевод совершенно не соответствует значению итальянских слов «*socio corrispondente*», которыми обозначено звание, присвоенное Неаполитанской Академией Кипренскому. В итальянских Академиях званием членов-корреспондентов удостаивали художников-иностранцев и иногородних, которые не могли лично участвовать в академической жизни и с которыми общение осуществлялось посредством «корреспон-

денции». В некоторых толковых словарях итальянского языка это звание приравнивается к «почетному члену»³⁷, но нигде и никогда — к «советнику», поскольку такого звания в итальянских Академиях художеств вообще не существовало. В надписи на надгробной стеле в церкви Сант' Андреа делле Фратте, поставленной русскими художниками, где есть слово «советник», которое можно отнести к Неаполитанской Академии, совершена ошибка.

Не всегда можно согласиться с прочтением отдельных слов в рукописных материалах, опубликованных в сборнике. Решительное возражение, в частности, вызывает прочтение составителями записи Александром Ивановым замечаний Кипренского на его работы, где будто бы есть такая фраза: «Марии Марии Магд[алине] голову поворотить лбом к зрителю и не в чистый профиль. Ее сделать белокурою, ж... убавить и голову вообще сделать лучше». Но нет никаких оснований полагать, что русские художники первой половины XIX в. пользовались тем же лексиконом, что и авторы нашей нынешней желтой прессы. К тому же в подобной интерпретации в фразе теряется вся логика, ибо на самом деле Кипренский говорил: «Ее рисовать белокурою, тону убавить и голову вообще сделать лучше», как это мы уже имели случай подчеркнуть, цитируя впервые в нашей литературе запись Александра Иванова (см.: И.Бочаров, Ю.Глушакова. Орест Кипренский. Из итальянских разысканий. М., 1986. С. 26).

Составителям сборника следовало бы более внимательно просматривать переводы, ибо знаток иностранного языка не всегда может правильно передать смысл оригинала, не зная досконально предметной фактуры текста. Это позволило бы избежать некоторых несуразных пассажей на страницах с иноязычными текстами. Взять хотя бы письмо Кипренского С.И.Гальбергу из Флоренции от 25 февраля 1822 г. Орест Адамович в этом письме пишет, что передает с оказией в Рим свой старый сюртук «Gaetan'у, который у 4-х красавиц в кафе ботегою служит». К употребленному Кипренским слову «ботега» сделана сноска, в которой говорится: «Bottegaio (итал.) — лавочник, торговец»³⁸. Получается нелепость: лавочник, торговец, который служит в кафе. Но Кипренский

пишет не «боттегайо», а «ботега» (правильно «bottega»), что по-итальянски в числе прочего означает: официант, слуга. Перед нами слова, свидетельствующие о прекрасном движении души художника, стремящегося оказать услугу даже из другого города знакомому бедняку-официанту, слова, смысл которых искажен в переводе.

Или другой пример. В письме Кипренского тому же С.И.Гальбергу, который продолжал жить в Риме, от 4 января 1825 г. есть такая фраза: «...теперь я прошу начальницу, чтобы она обнадежила Маэстру, что у меня в предмете счастье Марьючи, а ей, начальнице, великие предстоят благодарности от меня». Переводчик делает следующее примечание к слову «маэстра»: «От maestro (итал.) — мастер, наставник, руководитель. Кипренский имеет в виду себя»³⁹. В результате — полный абсурд. А речь идет о том, что Кипренский просит «начальницу», то есть настоятельницу монастырского заведения, где находилась его невеста Мариучча, передать ее воспитательнице (маэстре) (недаром слово «маэстра» он употребляет в женском, а не мужском роде), что собирается осчастливить нищую сироту, свою избранницу, женитьбой на ней. Что в конце концов он и сделал, возвратившись Италию. В приведенном же выше переводе смысл фразы Кипренского утерян.

В примечаниях к другим иноязычным словам и вставкам тоже есть немало такого, с чем трудно согласиться. Почему, скажем, к словам Кипренского «l'isle belle» в его известном письме А.Н.Оленину от 10 июня 1817 г.⁴⁰ дается такая сноска: «Изола-бела (итал.) — прекрасный остров»⁴¹. Но Изола-белла — географическое название острова на озере Лаго-Маджоре, а географические названия ни у нас, ни в других странах не принято переводить. Не принято переводить и названий улиц и площадей, а к словам Кипренского из письма С.И.Гальбергу от февраля 1822 г.⁴² «у quattro Fontana» дается сноска: «Четырех фонтанов (итал.)» вместо того, чтобы разъяснить, что речь здесь идет о знаменитом римском перекрестке Куаттро фонтане в старом центре «вечного города». То же самое относится и к названиям газет и журналов. Вместо того, чтобы давать перевод названия французс-

кого журнала «Miroire», о котором Кипренский упоминает в письме от 22 августа 1822 г., читателя надо было информировать, что это за издание, тем более, что о нем есть сведения в нашей литературе⁴³.

И последнее пожелание составителям — внимательно знакомиться с работами других авторов по теме, дабы не попадать в неудобную ситуацию, объявляя новостью факт, отнюдь таковым не являющийся⁴⁴.

Все это, конечно, мелкие упущения, но они тем более досадны, что присутствуют в работе, предназначенной быть справочником и выполненной на высоком профессиональном уровне.

Перейдем к другому разделу нашего обзора — каталогам собрания Государственной Третьяковской галереи. Это издание открыл том «Древнерусское искусство X — начала XV века», вышедший в 1995 г. За ним в 1996 г. последовал первый том серии «Рисунок XVIII-XX веков», посвященный работам XVIII в.⁴⁵ Вступительную статью к нему написала Е.Л.Плотникова. В 1997 и 1998 гг. вышли также первые два тома серии «Живопись»: «Портретная миниатюра XVIII — начала XX века»⁴⁶ (подготовлен Л.И.Певзнер и И.М.Сахаровой, которые являются и авторами вступительных статей к разделам тома) и «Живопись XVIII века»⁴⁷ (подготовлен группой сотрудников ГТГ, вступительную статью написала Л.А.Маркина).

Вышедшие тома — наиболее серьезные и научно выверенные публикации по теме за обозреваемый период. Они — результат многолетнего труда коллектива научных работников ГТГ. Издания печатаются в Бельгии и выполнены на высочайшем полиграфическом уровне. В томе «Рисунок XVIII века» полностью обнародованы все произведения данного вида, хранящиеся в ГТГ. Это первая полная публикация всего собрания рисунков XVIII в. из фондов галереи, причем многие вещи впервые введены в научный оборот. Каждый рисунок прекрасно воспроизведен (цветные — в цвете), снабжен краткой информацией о жизни и творчестве его автора, описанием рисунка и техники, в которой он выполнен, указанием на публикации о нем в предыдущих ката-

логах, историей его атрибуции, мнением о нем исследователей.

В приложении даются увеличенные фотографии автографов художников, коллекционных печатей, бумажных водяных знаков. Богатую информацию сообщают указатели. Здесь присутствуют не только именной (он разделен на три списка: художников, лиц, изображенных на портретах, всех упоминаемых в тексте персонажей) и географический, но и предметный указатель библейских, мифологических, литературных и исторических сюжетов и персонажей.

Созданный на основе скрупулезного изучения источников, каталог «Рисунок XVIII века» вводит в научный оборот новые шедевры отечественного искусства, расширяет наши представления об известных произведениях и дает хорошую основу для дальнейших исследований и искусствоведов, и историков, и представителей других научных специальностей.

Относительно зафиксированных «Каталогом» работ последней четверти XVIII в. следует сказать следующее. В каталоге представлены интереснейшие портретные рисунки — от изображений Екатерины II и Г.А.Потемкина до петергофских крестьян. Для изучения истории культурных связей России с Европой, особенно с Италией, очень большое значение имеют произведения «россики», то есть иностранных авторов, которые, между прочим, получили навыки профессионализма в той же самой Римской Академии Сан Лука, что и многие наши «артисты», проходившие художественную практику на итальянской земле. Это и любимый зодчий Екатерины II Джакомо Кваренги, и славный архитектор, рисовальщик и гравер Тома де Томон, и учитель Ореста Кипренского Габриэль Франсуа Дуайен и многие другие.

Пейзажные рисунки русских художников Алексея Волкова, Феодосия и Семена Щедриных (отца и дяди Сильвестра Щедрина) важны для историков и нашей, и итальянской культуры потому, что они дают наглядное представление о том, как воспринимали Италию русские мастера, и часто являются уникальным материалом для изучения тогдашних видов итальянских городов, их памятников, топографии и т.д.

Особо следует выделить рисунки Федора Матвеева. С 1779 по 1826 г., год своей смерти, он жил в Риме, сначала в качестве академического пенсионера, потом на «собственный кошт». Многие его работы остались в Италии и до сих пор мало известны на родине. Тем большую ценность представляет собрание его графики в ГТГ, отраженное в каталоге, которое совершенно в новом свете представляет нам творчество этого талантливого мастера, несправедливо забытого в нашей стране.

Переходя к тому «Портретная миниатюра», надо сказать, что в России этот богатейший пласт культуры стал разрабатываться с большим опозданием и только в последние десятилетия начали выходить серьезные исследования в данной области. Первым каталог собрания портретной миниатюры выпустил Государственный Русский музей⁴⁸, затем подобные каталоги-альбомы издали Государственный Эрмитаж⁴⁹ и Государственный Исторический музей⁵⁰. И вот теперь появилось на свет издание о собрании миниатюры в ГТГ.

Коллекция портретной миниатюры в Третьяковской галерее не такая богатая, как в вышеперечисленных музеях: в фондах ГТГ хранится всего 340 произведений (тогда как в ГИМ, например, — более 1700). Все они опубликованы в каталоге. Поэтому рядом с подлинными шедеврами (а портретной миниатюрой занимались в числе других такие мастера, как В.Л.Боровиковский, отец и сын Лампи, Ксавье де Местр), в каталоге обнародованы и вещи, выполненные на недостаточно высоком профессиональном уровне, ибо их авторами часто были любители и крепостные живописцы. Но составители каталога считают — и с ними нельзя не согласиться — что публикация и таких произведений оправдана, потому что они показывают, насколько жанр портретной миниатюры был близок к народным истокам и насколько он широко был распространен в русском обществе. Кроме того работы непрофессионалов во всех случаях представляют большую ценность как материал для иконографических исследований.

Определить имена изображенных по вполне понятным причинам удалось далеко не всегда, и множество миниатюр

публикуется как портреты неизвестных. Еще сложнее оказалось установить авторов миниатюр, поэтому более двух третей из них обнаружены как работы неизвестных художников. Этим же недостатком страдают и другие издания отечественных собраний портретной миниатюры, потому что их авторы сталкивались с аналогичными трудностями при подготовке к печати каталогов: слабой изученностью этой области изобразительного искусства в нашей стране. Но первые шаги сделаны, введена в научный оборот огромная масса материала, обработанного и откомментированного специалистами самого высокого уровня, атрибутированы многие произведения, открыты новые, ранее неизвестные имена художников-миниатюристов. Среди последних — немало художников «россики», в том числе итальянцев К.Паганини, Джироламо Препиани, Франческо Паоло Сакко, Дж.Варнеццо.

Отлично выполнен справочный аппарат каталога, сообщаящий подробные сведения как о художниках, авторах миниатюр, так и об изображенных (если работа по их определению завершилась успешно), а также содержащий ссылки на литературу и на архивные материалы по этим темам на русском и иностранных языках. Вызывает возражение решение авторов каталога фамилии иностранных художников, работавших в России и имевших российское подданство, давать только на русском языке. Это создает лишние трудности в работе со справочными изданиями на иностранных языках, потому что русское написание иностранных фамилий нередко было искаженным.

В томе «Живопись XVIII века» воспроизводятся, как подчеркивает в ввводной статье Л.А.Маркина, практически все произведения этого времени из собрания ГТГ. В каталог включены и те работы, которые были выполнены художниками после 1800 г., чтобы сохранить целостность восприятия искусства мастеров, продолжавших творить и за порогом XIX века. Каждое произведение сопровождается, как и в предыдущих томах, солидным справочным аппаратом. Отсутствуют только ссылки на литературу и источники в биографических сведениях об изображенном лице, которые

весьма полезны для читателей, занимающихся вопросами иконографии и другими смежными проблемами.

Многие работы публикуются впервые. Достойное внимание уделяется и «россике», однако итальянцев среди иностранных художников в ГТГ немного. Это — пейзажист Антонио Перезинотти, портретист Пьетро деи Ротари и декоративный живописец Стефано Торелли. К ним можно добавить еще отца и сына Лампи, которых в Италии считают своими мастерами⁵¹, потому что они родились на земле Италии и испытали в своем творчестве влияние венецианской школы живописи. Невелико в ГТГ и творческое наследие указанных итальянцев, хотя в его составе есть первоклассные вещи. Но целый ряд приписываемых им работ в результате внимательных исследований последних лет, как сообщается в каталоге, переведен в разряд произведений неизвестных художников.

К сожалению, более одной трети иллюстраций в томе, по-видимому, из соображений экономии, даны в черно-белом варианте, что снижает ценность каталога, особенно при работе по атрибуции, да и во многих других случаях. И тем не менее выход этого тома каталога ГТГ — событие, которое обрадует не только специалистов, но и широчайший круг любителей искусства, для кого стены Третьяковской галереи давно стали родным домом.

Хотелось бы здесь коснуться еще одной книги, хотя она вышла в США и, стало быть, выходит за рамки темы статьи, посвященной публикации источников в России. Речь идет о работе «Lives in letters»⁵² — «Жизнь в письмах» американской исследовательницы российского происхождения Байары Арутюновой. В книге опубликована часть архива княгини Зинаиды Александровны Волконской. Воспетая Пушкиным и другими русскими поэтами княгиня, как известно, вторую половину жизни прожила в Италии, где по ее смерти остался богатейший архив и художественная коллекция, в которой были широко представлены работы русских художников, живших и работавших в Риме. Архив и часть художественной коллекции З.А.Волконской ныне находятся в США в

отделе рукописей Хоутонской библиотеки Гарвардского университета.

Б.Арутюновой опубликованы 32 письма к З.А.Волконской и ее сыну, видному российскому дипломату А.Н.Волконскому, от Александра I, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского, М.И.Глинки и других деятелей русской культуры, а также от писательницы Жермены де Сталь и римского кардинала Эрколе Консальви. Ни одного письма русских художников, тесно общавшихся с З.А.Волконской в Риме, Б.Арутюновой не обнаружено, но, судя по имеющейся информации, они и не попали в состав части архива княгини, оказавшейся в Гарварде. Несмотря на это, книга Б.Арутюновой имеет прямое отношение к обсуждаемым здесь вопросам, ибо опубликованные ею материалы воссоздают атмосферу салона З.А.Волконской в Риме, где русские художники имели возможность вдали от родины общаться с лучшими умами России, услышать слово правды о своем творчестве от взыскательных, но справедливых и доброжелательных отечественных критиков.

Автором статьи за рассматриваемый период также были введены в научный оборот новые визуальные, документальные и эпистолярные материалы в книге «Итальянская Пушкиниана» и ряде статей, посвященных творчеству Ореста Кипренского, Карла Брюллова и других русских художников⁵³. Неизвестные письма Федора Матвеева и Ивана Мартоса были обнаружены в фонде Демидовых в РГАДА. Из этого же фонда увидели свет новые эпистолярные источники, рисующие историю создания картины «Последний день Помпеи» Карла Брюллова. Сообщаются также новые сведения по вопросу о связях художника с деятелями Рисорджименто и публикуются неизвестные материалы современной К.Брюллову итальянской печати о его картинах и портретах, показывавшихся на выставках в Италии.

Опубликованы дипломы О.А.Кипренского Петербургской и Неаполитанской Академий художеств, найденные в Архиве Внешней политики Российской империи, документы из архива Римского викариата, сообщающие, как уже упомина-

лось, точные сведения о датах перехода Ореста Адамовича в католичество, женитьбы и смерти.

В заключение хотелось бы поставить некоторые вопросы о правилах публикации источников. Источники на иностранных языках необходимо публиковать только на языке подлинника, сопровождая их переводом на русский язык. Это делается не всегда, а в таких случаях пользоваться источником с полным доверием нельзя, ибо перевод не может быть равноценен оригиналу. Иностранные имена следует давать на родном языке персонажа (в тексте или комментариях). У нас по старой традиции даже в серьезных научных трудах имена даются на французский лад.

И последнее: надо выработать единые правила написания иностранных имен собственных — склоняются они или нет, ставится ли дефис в двойных и тройных именах и т.д.

-
- ¹ Орест Адамович Кипренский (1782-1836). К 200-летию со дня рождения: Живопись. Каталог по материалам выставок в Ленинграде, Москве и Киеве. (1982-1983). Л., 1988; Орест Адамович Кипренский (1782-1836). К 200-летию со дня рождения. Графика. Л., 1990.
 - ² См. об этом подробнее: *ГлушакOVA Ю.П.* Документальные и эпистолярные материалы о жизни и творчестве О.А.Кипренского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 161-164.
 - ³ Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / Сост., текстологич. подгот., вступ. ст., коммент. Я.В.Брука, Е.Н.Петровой. СПб., 1994 (далее: Кипренский, ПДСС).
 - ⁴ Кипренский, ПДСС. С. 299.
 - ⁵ Там же. С. 201.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ Там же.
 - ⁸ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10-ти т. Изд. 2-е. М., 1957. Т. 3. С. 20.
 - ⁹ Там же.
 - ¹⁰ *Иордан Ф.И.* Записки ректора и профессора Академии художеств. М., 1918. С. 156.
 - ¹¹ *Турчин В.С.* Орест Кипренский. М., 1974. С. 9-10.
 - ¹² *Сарабьянов Д.В.* Орест Адамович Кипренский. Л., 1982. С. 12-13.

- 13 Турчин В.С. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия. Очерки. М., 1981. С. 100.
- 14 Турчин В.С. Орест Кипренский. С. 15, 32.
- 15 Кипренский. ПДСС. С. 293-296.
- 16 Там же. С. 483.
- 17 Там же. С. 485.
- 18 Там же. С. 6.
- 19 Там же. С. 7.
- 20 Там же. С. 228-229, 625.
- 21 Там же. С. 258-269.
- 22 Там же. С. 344.
- 23 Там же. С. 303, 304, 346-352.
- 24 Там же. С. 61-62.
- 25 Глушакова Ю.П. Документальные и эпистолярные материалы... С. 159. См. также: Бочаров И., Глушакова Ю. Новое об Оресте Кипренском // За рубежом. 1989. № 40. С. 21-23; они же. Кипренский. М., 1990. С. 335.
- 26 Кипренский. ПДСС. С. 118, 291-292, 642, 765.
- 27 Глушакова Ю.П. Документальные и эпистолярные материалы... С. 159, 160. См. также: Бочаров И., Глушакова Ю. Новое об Оресте Кипренском // За рубежом. 1989. № 40. С. 21-23; они же. Кипренский. М., 1990, С. 331-335.
- 28 Кипренский. ПДСС. С. 291-292.
- 29 Там же. С. 581.
- 30 Бочаров И., Глушакова Ю. Кипренский. С. 333.
- 31 Кипренский. ПДСС. С. 42, 673.
- 32 Там же. С. 715.
- 33 Там же. С. 576, 605.
- 34 Там же. С. 572.
- 35 Щедрин Сильвестр. Письма из Италии / Вступ. ст., ред. и примеч. Абрама Эфроса. М.-Л., 1932. С. 260-261.
- 36 Кипренский. ПДСС. С. 252.
- 37 Palazzi F. Novissimo dizionario della lingua italiana. М., 1939. Р. 319.
- 38 Кипренский. ПДСС. С. 147.
- 39 Там же. С. 154-157.
- 40 Там же. С. 123-134.
- 41 Там же. С. 134.
- 42 Там же. С. 145-146.
- 43 Турчин В.С. О.Кипренский во Франции и Германии (1822-1823 гг.) // Русское искусство второй половины XVIII – первой половины XIX в. Материалы и исследования /Под ред. Т.В.Алексеевой. М., 1979. С. 197, 204.

В комментариях есть некоторые другие неточности и описки. Так название римской церкви Сант'Андреа делле Фратте транскрибируется на с. 645 как Санта Андреа делла Фратте, хотя на других страницах название церкви дается правильно и в соответствии с современной транскрипцией. Известная римская базилика Сан Джованни ин Латерано транскрибируется в духе прошлого века как Сан Джиованни ин Латерано (с. 673).

С составителями нельзя не согласиться, когда они, учитывая, что сборник предназначен для специалистов, не считают нужным давать справки о Микеланджело и Леонардо да Винчи. Но они почему-то полагают, что Рафаэль у нас менее известен и сообщают, что это — «римский живописец и архитектор» (с. 564). Почему значение этого корифея итальянского Возрождения сведено до местного, регионального уровня («римский») — не понятно, тем более, что Рафаэль в строгом смысле слова не был римлянином, ибо родился в Урбино, первые свои шедевры создал далеко от «вечного города» и в итальянской литературе именуется «великим Урбинцем».

- 44 Имеется в виду, в частности, гипотеза составителей (с. 577-578, 724) о том, что письмо из Рима с рассказом о последних днях О.А.Кипренского, автор которого неизвестен, по-видимому, было написано пейзажистом Филиппсоном. Но это предположение было высказано нами за несколько лет до выхода рецензируемого сборника. См.: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Кипренский. М., 1990. С. 241-242, 327.
- 45 Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Рисунок XVIII-XX веков. Т. 1. Рисунок XVIII века. М., 1996.
- 46 Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Живопись XVIII-XX веков. Т. 1. Портретная миниатюра XVIII — начала XX века. М., 1997.
- 47 Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Серия: Живопись XVIII-XX веков. Т. 2. Живопись XVIII века. М., 1998.
- 48 Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. [Каталог] / Авт. вступ. ст. и кат. К.В.Михайлова и Г.В.Смирнов. В 2-х т. Л., 1974; Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского музея. XVIII — начало XX века. [Каталог] / Авт. вступ. ст. и кат. К.В.Михайлова и Г.В.Смирнов. (Изд. 2-е). Л., 1979.
- 49 Портретная миниатюра в России XVIII — начало XX века из собрания Государственного Эрмитажа. [Каталог] / Авт. вступ. ст. и кат. Г.Н.Комелова и Г.А.Принцева. Л., 1986.
- 50 Портретная миниатюра в России XVIII-XIX веков из собрания Государственного Исторического музея / Авт. вступ. ст. и сост. Т.А.Селинова. Л., 1988.
- 51 *La nuova enciclopedia dell'arte Garzanti.* Milano, 1990. P. 452.

- 52 *Arutunova Bayara*. Lives in letters. Princess Volkonskaya and her correspondence. Columbus, Ohio, 1994.
- 53 *Бочаров И., Глушакова Ю.* Итальянская пушкиниана. М., 1991; *Глушакова Ю.П.* Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода. М., 1993. С. 105-127; *Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П.* Карл Брюллов и итальянское Рисорджименто // Россия и Италия. Вып. 2. М., 1996. С. 94-111; *Glushakova J.* Il ruolo dei Demidoff nello sviluppo dei rapporti culturali tra l'Italia e la Russia // I Demidoff a Firenze e in Toscana. Firenze, 1996; *Глушакова Ю.П.* Новые материалы о Пушкине и его окружении из архива Зинаиды Волконской // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 68-82; *Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П.* Салон Волконской как «окно в Европу» для Пушкина и его друзей // Россия и Италия. Вып. 4. М., 2000; Карл Брюллов в итальянской печати 1820-1830 годов. Вступительная статья, публикация и перевод И.Н.Бочарова и Ю.П.Глушаковой // Россия и Италия. Вып. 4. М., 2000; *Глушакова Ю.П., Бочаров И.Н.* Карл Брюллов в итальянской печати 1820-1830-х годов // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К.П.Брюллова. М., 2000; *Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П.* Две поездки в Италию Карла Брюллова // Русская галерея. 2001. № 1; *Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П.* Подарок из Флоренции // Русская галерея. 2001. № 1.

С.Г.Петров
(Новосибирск)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ШИФРОТЕЛЕГРАММ НАЧАЛА XX ВЕКА

При подготовке к изданию документов в двух книгах «Политбюро и Церковь. 1922-1925 гг.» серии «Архивы Кремля» обнаружился ряд любопытных археографических ситуаций, обусловленных, с одной стороны — сверхсекретностью деятельности высшего органа власти в стране — Политбюро ЦК РКП(б), а с другой — невысоким профессионализмом публикаторов документов этого периода.

Нужно отметить, что первая половина 1920-х гг. была временем выработки методов функционирования властной вертикали в мирных условиях. В первую очередь, конечно, — бесперебойной работы аппарата, технических служб партии. Мобильная связь центра с руководством местных партийных организаций осуществлялась прежде всего при помощи зашифрованной телеграфной переписки. Для этого в аппаратной структуре ЦК РКП(б) и на местах были созданы специальные подразделения: шифрбюро, шифрчасти и т.п. В Москве это подразделение подчинялось Бюро Секретариата ЦК РКП(б), которое ведало всей секретной перепиской внутри партии. Для оперативности работы заведующий Бюро Секретариата являлся первым помощником генерального секретаря ЦК РКП(б).

Все «спускаемые вниз» засекреченные директивы и распоряжения оформлялись как зашифрованные телеграммы. Наиболее часто в это время использовалась система шифров «Эхо». Такой сложный технический способ общения требовал подготовленных аппаратных сотрудников, а их-то как раз и не было в достаточном количестве ни в центре, ни в регионах. Подобная ситуация сложилась из-за сверхсекретности документов, к которым можно было допускать только хорошо проверенных членов партии, что не всегда соответ-

ствовало требуемому высокому образовательному и интеллектуальному уровню принимаемых на данную работу сотрудников. Все это, конечно же, отражалось на качестве документов, отправляемых из столицы, не говоря уже о качестве тех документов, которые после расшифровки попадали в руки местным партийным вождям или зашифрованными приходили в Москву из провинции.

Описанная ситуация ставит перед историком при подготовке к публикации директивных документов власти, в частности Политбюро, ряд источниковедческих проблем, разрешение их возможно только на основе тщательных эмпирических наблюдений над документами, знания особенностей партийного делопроизводства и функционирования различных аппаратных структур на столичном и региональном уровнях. Но даже обладание этими навыками не всегда способно помочь публикаторам, т.к. жесткие условия секретности требовали уничтожения черновых, промежуточных текстов, отражающих процесс выработки окончательного текста (редакции) документа. К сказанному добавляется еще и проблема аутентичности текстов. Практически в каждом бывшем партийном архиве (губкомовском, обкомовском, крайкомовском, рескомовском фондах) сохранились полученные из Москвы тексты директив. Многие нынешние исследователи склонны поспешно публиковать эти тексты, вводя их в научный оборот без элементарных источниковедческих изысканий и эдических норм, без проверки по отпускам в центральных фондах, иногда в виде сборников избранных цитат из документов.

На сегодня ни один из публикаторов не озаботился такими явными, простыми вопросами, как авторство исходящего текста, пришедшего на места в виде шифротелеграммы; обстоятельства его появления на свет; выявление учреждений, где он подготавливался; точной даты его создания (от черновика до шифровки); указание на тип документа, которым этот переданный шифром текст является, — т.е. всего того, что можно условно назвать **историей** документа, его текста. Не приходится говорить и о качестве «куцых», мало информативных археографических заголовков, причем не

только шифровок, а вообще «советских» документов, когда путаются инициалы видных функционеров (Красина и Красикова), партийные и советские органы власти («обласком ТССР» вместо «Татарского обласкома РКП(б)»), переписка между Лениным и Дзержинским датируется 1928 г. или выдумываются новые даты давно правильно продатированных документов; о качестве археографических легенд, когда зачастую сообщается лишь только архивный шифр, причем порой мифический («архив Екатеринбурга», «коллекция документов»); о способах передачи текста, когда многое правится, подновляется без обязательного в таких случаях текстурального подстрочника, конъектур; об отсутствии сведений о более ранних публикациях самого документа или его возможных редакций.

Все это в полной мере прослеживается на корпусе «церковных» документов коммунистической власти первой половины 1920-х гг., неоднократно издаваемых с 1991 г., когда они стали доступными для исследователей: как в Москве, так и в регионах, причем каждый раз «впервые», по утверждениям публикаторов, среди которых встречаются философы, журналисты, краеведы и историки, которые либо не занимались ранее источниковедческими проблемами, либо — историей Русской церкви в XX в.¹

В частности, оказалось, что массив шифротелеграмм Политбюро ЦК РКП(б), пришедших на места в 1922 г. в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей и проведением обновленческого раскола, многократно издавался в различных местах, но всегда с дешифрантов, отложившихся в фондах партийных архивов. При сравнении текстов этих дешифрантов с текстами исходящих документов, хранящихся в фондах Политбюро АПРФ и РГАСПИ, выяснилось, что они существенно отличаются друг от друга. Причиной тому, как уже отмечалось выше, была низкая подготовка технических сотрудников шифротделений в центре и на местах. Люди, ставящие свои подписи на документах вслед за подписями высших должностных лиц партии и государства, указывали при этом: «расшифровал и подлинник уничтожил», «подлинник сжег», нередко вписывали в дешифрант вместо

слов документа: «не расшифровывается», «не расшифровывается несколько групп», «...» и т.п. или поясняли уже вписанные слова в текст: «по смыслу», «очевидно» и т.п.

Так, текст основной инструкции ЦК РКП(б) по проведению кампании по изъятию церковных ценностей, прошедший в Политбюро 17 марта 1922 г. в виде письма Л.Д.Троцкого и имевший, по крайней мере, две серьезные содержательные правки членами Политбюро и членами Комиссии по учету ценностей до своей отправки на места шифротелеграммой за подписью В.М.Молотова с датой 22 марта 1922 г.², попал в руки местных партийных функционеров с несколько иными предписаниями, чем те, которые требовала исполнить Москва. Иваново-Вознесенскому губкому местный «расшифровщик» Соколов передал указание Политбюро ЦК РКП(б) о проведении «неофициальной недели агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя такой недели)» как «официальной», причем, по всей видимости, не особо учитывая предписываемую «абсолютную секретность всей подготовительной организационной работы», к чему так настойчиво призывал центр в начале и в конце своей шифровки. Кстати, таким же образом расшифровала текст и в Новониколаевске (Новосибирске) для Сиббюро ЦК РКП(б) сотрудница местного шифротделения Сухова. Правда, в отличие от Соколова, который с искажением, но передал точный смысл фразы о не дающем «повода для шовинистической агитации» составе официальных комиссий, Сухова не смогла уловить этот нюанс и призвала сибирских функционеров «строго соблюдать, чтобы национальный дух (! — С.П.) официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации»³. Но еще более серьезный по своим последствиям промах Соколов допустил в расшифровке пункта инструкции (где шло перечисление организаторов сопротивления изъятию, подлежащих аресту), номер которого и первые слова оказались просто пропущенными. Здесь же он вместо «купеческих элементов» расшифровал «кулачески»⁴.

Екатеринбургский коллега Соколова В.Старцев в этом же предложении вместо «арестовывать их» расшифровал

«черносотенных (по смыслу)». При публикации этого документа екатеринбургский исследователь В.А.Мазур вообще купировала данный текст, проставив многоточие, но нигде не оговорив, что это сделано публикатором, а не В.Старцевым в 1922 г., подпись которого также осталась непрочитанной⁵. В предшествующем пункте В.Старцев, успешно справившись с расшифровкой словосочетания «наша агитация», идущую следом «агитацию лойяльных священников» разобрать не смог, вписав некое слово «афитация», которой якобы должно было заняться, согласно Политбюро ЦК РКП(б), уральское «лойяльное духовенство» при разоблачении «бесчеловечных и жадных “князей церкви”»⁶.

Сходные моменты можно наблюдать не только на дешифрантах региональных шифротделений, но и на телеграммах, расшифрованных в Шифрбюро ЦК РКП(б). При переписке между Москвой и Минском по поводу организации процесса над католическими польскими священниками в мае 1922 г. дежурная Шифрбюро ЦК РКП(б) А.С.Балагуровская не смогла прочесть фамилию желательного на суде московского обвинителя, у нее получился некто «Челжесоррелу Толмарка», который «расшифровался буквально». Пришлось попросить у Минска повторить искаженную телеграмму. По ее получении ответственный дежурный М.П.Шариков расшифровал «темное» место как «Черлюнчавич его знает Польбюро». Но и на этот раз фамилия была расшифрована не совсем точно. По всей видимости, в Минском имелся в виду не Черлюнчавич, а Н.А.Черлюнчакевич, который в это время работал заместителем наркома юстиции РСФСР⁷.

Приведенные свидетельства текстологических разночтений кажущихся на первый взгляд аутентичными документов, несомненно, еще раз заостряют проблему предварительных полноценных источниковедческих исследований предполагаемых к публикации шифротелеграмм высших органов власти партии — основного канала связи центра с регионами. В противном случае мы обречены на все новые и новые «открытия» документов, которые уже давно открыты и опубликованы. Но без текстов этих документов, отложившихся в

региональных партийных архивах, конечно же, невозможно достоверно реконструировать картину произошедшего на местах.

-
- ¹ *Баделин В.И.* Золото Церкви. Исторические очерки и современность. Иваново, 1993. С. 132-182; История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 226-228; Сосуд избранный. Сборник документов по истории Русской Православной Церкви. 1888-1932. СПб., 1994. С. 308-318; «Применить к попам высшую меру наказания» // Источник. 1995. № 3. С. 114-131; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941 гг. М., 1996; Русская Православная Церковь в советское время. (1917-1991). М., 1995. Кн. 1; и др.
 - ² *Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода. Документы Политбюро первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 г. 1996. С. 18-46; *он же.* Время издавать источники // Вестник РАН. 1997. № 2; *Петров С.Г.* Секретная программа ликвидации Русской церкви. Письма, записки и почто-телеграммы Л.Д.Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б). (1921-1922) // Сибирская провинция и центр. Культурное взаимодействие. Новосибирск, 1997 (в печ.); Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922-1925. М.-Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 133-139, 478-480.
 - ³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1П. Оп. 2. Д. 106. Л. 125, 125об.
 - ⁴ Ср.: *Баделин В.И.* Указ. соч. С. 133-135; Архивы Кремля... С. 133-136, 478.
 - ⁵ История России... С. 227, 228.
 - ⁶ Ср.: Сосуд избранный... С. 309; Архивы Кремля... С. 134.
 - ⁷ Архивы Кремля... С. 227, 247, 508, 509.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	«Археографический ежегодник»
АИСЗР	«Аграрная история Северо-Запада России»
АСМ	«Акты Соловецкого монастыря»
АСЭИ	«Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией»
БАН	«Библиотека Российской Академии наук»
ВИ	«Вопросы истории»
Временник ОИДР	«Временник общества истории и древностей российских»
ГАПО	Государственный архив Пермской области
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина
ГПБ	Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина
ЗРК	Записные разрядные книги
ЗОР ГБЛ	«Записки отдела рукописей ГБЛ»
ИА	«Исторический архив»
ИЗ	«Исторические записки»
ИРИ РАН	Институт Российской истории Российской Академии Наук
ИСССР	«История СССР»
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории СССР
ОР ГИМ	Отдел рукописей Государственного исторического музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
Памятники	«Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными»
ПИ	«Проблемы источниковедения»
ПСРЛ	«Полное собрание русских летописей»
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РИБ	«Русская историческая библиотека»
РИО	Русское историческое общество
РНБ	Русская национальная библиотека

СА «Советские архивы»
САС «Северный археографический сборник»
Сборник ГКЭ «Сборник грамот коллегии экономии»
Сборник РИО «Сборник Русского исторического общества»
Труды МГИАИ «Труды Московского государственного
историко-архивного института»
ЦГАДА Центральный архив древних актов
ЧОИДР «Чтения в Обществе истории и древностей
российских при Московском университете»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Кучкин В.А.</i> Виктор Иванович Буганов	5
<i>Шмидт С.О.</i> Вспоминая В.И.Буганова	13
<i>Муравьева Л.Л.</i> В.И.Буганов и летописеведение	20
<i>Морозова Л.Е.</i> В.И.Буганов — исследователь и публикатор разрядных книг XV-XVII вв.	25
<i>Анхимюк Ю.В.</i> В.И.Буганов и источниковедческие про- блемы исследования разрядных книг	37
<i>Соболева Н.А.</i> Вспомогательные исторические дисципли- ны в контексте современных проблем источникове- дения	49
<i>Гришина Н.Г.</i> Полные календарные даты Рогожского лето- писца	65
<i>Плигузов А.И.</i> Новый список Сказания «О человецах не- знаемых»	117
<i>Иванов В.И.</i> Некоторые вопросы изучения писцовых ма- териалов XVI века	126
<i>Лобанов Н.А.</i> Образ России в германском обществе XVI- XVII веков	135
<i>Овчинников Р.В.</i> Об издании источников по истории Крес- тьянской войны в России начала XVII века. (Историко-библиографический обзор публикаций)	153
<i>Петров К.В.</i> К изучению описей архива Разрядного при- каза первой половины XVII века	174
<i>Новохатко О.В.</i> Береговая служба по записным разрядным книгам XVII века	188
<i>Беляков А.В.</i> Подьячие Посольского приказа второй поло- вины XVII века	208
<i>Гуськов А.Г.</i> Использование источников в историографии Великого посольства 1697-1698 годов	221
<i>Иванов В.А.</i> Публикация источников о Малоярославецком сражении 12 октября 1812 года	252

<i>Рафиенко Л.С.</i> Проблемы выявления и публикаций некрополей Урала и Сибири. (О подготовке к изданию Пермского некрополя)	257
<i>Глушакова Ю.П.</i> Публикации новых источников о русских художниках конца XVIII – первой половины XIX века	264
<i>Петров С.Г.</i> Источниковедческие проблемы изучения шифротелеграмм начала XX века	290
Список сокращений	296

Компьютерная верстка:

Андрианова Л.П.,

Васильева Н.В.

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98.

Подписано в печать 22.02.01. Формат 60x84/16. Заказ № 5.
Тираж 300 экз. 18,75 п.л. 15 уч.-издл.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19